

Грав Жан. Умирающее общество и Анархия

1906, источник: [здесь](#). Классика критики институтов буржуазного государства с позиции научного анархизма.

- [Жан Грав](#)
- [Предисловие к французскому изданию](#)
- [Предисловие к английскому изданию](#)
- [I. Идея анархизма и её развитие.](#)
- [II. Индивидуализм и солидарность.](#)
- [III. Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?](#)
- [IV. Дурен ли Человек сам по себе?](#)
- [V. Собственность.](#)
- [VI. Семья.](#)
- [VII. Государственная власть \[15\].](#)
- [VIII. Судебная власть.](#)
- [IX. Право карать преступления и отношение к нему ученых.](#)
- [X. Влияние среды.](#)
- [XI. Патриотизм.](#)
- [XII. Патриотизм правящих классов.](#)

- XIII. Милитаризм.
- XIV. Колонизация.
- XV. Теория «низших» рас.
- XVI. Почему мы – революционеры?
- XVII. Принципы и средства борьбы.
- XVIII. Революция и анархизм.
- XIX. Бесполезность реформ.
- XX. Экспериментальный метод.
- XX. Экспериментальный метод.
- XXI. Что же будет после?
- XXII. Осуществим ли анархический идеал?
- XXIII. Правда без прикрас.
- Краткая библиография Жана Грера
- Примечания

Жан Грав

Жан Грав (Jean Grave) — французский анархист, пропагандист и издатель журнала «Les Temps Nouveaux». Родился 16-го октября 1854 года в Брейль, департамент Пюи-де-Дом, умер — 8-го декабря 1939-го года во Вьен-эн-Валь, департамент Луаре, Франция.

Детство и юность

Жан Грав рос в небольшой деревеньке в французской провинции в довольно бедной семье. Отец его был мельником и владел небольшой мельницей. После переезда семьи в Париж в 1860-м году Жан сначала воспитывался у родителей матери, убеждённых бонапартистов, был отдан в строгую монастырскую школу для детей бедняков и после её окончания, в возрасте 11 лет, взялся за профессиональное обучение — на механика.

В юношеском возрасте он пережил осаду Парижа и Парижскую Коммуну 1871-года. В 1874-м умерли его мать с сестрой от туберкулёза. В возрасте 20 лет Жана призывают в армию. Отец его также умирает от туберкулёза и Жана как сироту освобождают от военной повинности.

Обращение к социализму и анархизму

В Париже он взялся за ремесло сапожника, работал в лавке отца и принимал участие в социалистическом движении. Отец Грера был убеждённым республиканцем и бланкистом, членом Национальной гвардии. Жан ходил вместе с ним на бланкистские собрания. После смерти отца Жан вступил в Рабочую партию и организует рассылку партийной газеты «Egalite». Он избирается в секретариат парижской «Группы социальных исследований», в которой состояли не только марксисты, но и такие анархисты, как Эррико Малатеста, Варлаам Черкезов и Карло Кафiero. Когда «Эгалите» открыто высказалась за участие социалистов в парламенте, возмущённый Грав вышел из Рабочей партии.

В 1878-м году он основал анархистскую группу и писал статьи для газеты «Droit Social» в Лионе. С 1881 года он возглавил издание ежемесячного бюллетеня анархистских групп. Под псевдонимом «Jehan le Vagre» он издал свою первую книгу в 1882-м году: «La Societe au lendemain de la Revolution». В октябре того же года он был арестован и спустя год оправдан в так называемом Лионском процессе.

В 1883-м Грав перебрался в Женеву и работал в журнале «La Revolte», которую издавал Элизе Реклю и Пётр Кропоткин. В 1885-м издание журнала было перенесено в Париж. В этот период Грав перенял редакторскую деятельность в журнале, который стал к тому времени одним из важнейших международных анархистских изданий. Из-за некоторых критических

статей он попал в тюрьму на полгода, где написал другую свою известную книгу «La Société Mourante et l'Anarchie» («Умиравшее общество и анархия»), которой популяризовал анархо-коммунистические идеи Кропоткина. Предисловие к этой книге было написано Октавом Мирбо.

Во время террористической активности (1892-1894) жилище Грера периодически подвергалось обыскам полиции, а сам он на недолгое время заключался в тюрьму. По новым законам издательство газеты «La Revolte» стало невозможным, а Грера приговорили к двум годам тюрьмы и денежному штрафу в размере 1000 франков за «призывы к восстанию». В 1884-м году Грера судили в так называемом «процессе тридцати» (среди прочих были Эмиль Пуже, Себастьян Фор, Поль Реклю). Но он был оправдан.

Издание «Новых времён»

После этого инцидента Грав отправился в Лондон, к Кропоткину, где познакомился со своей будущей женой. В Лондоне он решил издавать свою собственную газету и начал во Франции издательство «Les temps Nouveaux» («Новые времена»), первый выпуск которой вышел 4-го мая 1895 года. Грав привлекал к работе в газете многих известных анархистов (напр. Кропоткин, Малатеста, Реклю) и синдикалисты. Газета поддержала генерала Альфреда Дрейфуса в так называемой «Дрейфусской афере». К Граву присоединились многие литераторы (напр. Эмиль Золя, Бернар Лазаре и т.д.). Издательство газеты периодически приводило к финансовым трудностям и Грав жил довольно бедно. Но многочисленные друзья Грера среди писателей и художников поддерживали газету и его самого. Газеты отличалась от большинства других анархистских изданий серьёзным тоном и аналитической глубиной, тираж её составлял от 7 до 18 тысяч экземпляров. В издательстве выходило и много брошюр. Газета была «рупором» анархо-коммунизма, т.к. Грав не принимал ни многочисленных течений в анархизме, тем более анархо-индивидуализма.

Грав был плохим оратором, поэтому предпочитал держаться на заднем плане и был за это называем «анархистским Папой». Начиная с 1897-года Жан Грав заинтересовался либертарной педагогикой и сам основал некоторые проекты. Например, он устраивал летние лагеря для детей, вечерние курсы для взрослых и написал анархистскую книжку для детей «Les Aventures de Nono» («Приключения Ноно»), которая пользовалась успехом в испанских либертарных школах.

В 1898-1899 годах он заболел и был вынужден отправиться на курорт. После возвращения с курорта он принялся за организацию международного анархистского конгресса в Париже в 1900-м году. Конгресс, однако, был отменён из-за проблем с властями. Хотя Грав скептически относился к синдикалистскому движению, он поддерживал контакты со многими представителями этого движения. К тому же, благодаря многочисленным знакомствам, Грав был связующей фигурой между европейскими анархистами и японским и китайским анархистскими движениями.

1-го августа 1914-го года вышел последний номер «Les Temps Nouveaux». Из-за мобилизации для Первой мировой войны (а Грав присоединился тогда к «Манифесту Шестнадцати», где

вместе с Кропоткиным призывал к войне против Германии) газета потеряла много подписчиков и её издательство было остановлено по финансовым причинам. Грав бежал от войны в Лондон, где содействовал синдикалистской газете «La Bataille Syndikaliste» и писал статьи для газеты «Freedom». Также он писал для швейцарской газеты «Libre Federation», которая поддерживала войну против империалистической Германии.

Уход из движения и смерть

В это время парижская группа снова начала выпускать «Les Temps Nouveaux». С 1919-го года после ссоры с Гравом, газета продолжала выходить без его участия вплоть до 1921-го года. Из-за больного сердца Грав был вынужден отказаться от интенсивной деятельности и уединился. В 1930-м в свет вышла первая часть его мемуаров «Le Mouvement libertaire sous la Troisième République», которые были полностью опубликованы лишь посмертно в 1937-м году. Грав умер 08.12.1939 года в возрасте 85 лет.

27 февраля, 2014 - 14:40 - Bern сайт «Автонома»

Предисловие к французскому изданию

У меня есть друг, который проявляет сильное желание, по-настоящему трогательное желание понять вещи. Естественно, он стремится к тому, что просто, велико и прекрасно. Но его образование, загрязненное предрассудками и ложью, присущими всему образованию, называемому «высшим», почти всегда останавливает его в стремлении к духовному освобождению. Он хотел бы полностью освободиться от традиционных представлений, от древних рутин, в которых его разум увязает, вопреки ему самому, но он не может. Часто он приходит ко мне, и мы подолгу беседуем. Доктрины анархизма, так оклеветанные одними, так неправильно понятые другими, очень беспокоят его; и его честности достаточно, если не для того, чтобы охватить их все, то по крайней мере, чтобы понять их. Он не верит, как многие люди в его кругах, что эти доктрины состоят исключительно во взрыве домов. Напротив, он видит в тумане, который, возможно, рассеется, некоторые красоты и гармоничные формы; и он интересуется ими, как мы интересуемся вещью, которая нам нравится, но которая все еще кажется нам немного ужасной, и которой мы боимся, потому что плохо ее понимаем.

Мой друг читал замечательные книги Кропоткина и красноречивые, пылкие и мудрые протесты Элизе Реклю против нечестия правительств и обществ, основанных на произволе. Что касается Бакунина, то он знает, что публиковали анархистские журналы здесь и там. Он прошел через неровного Прудона и аристократического Спенсера[1]. И в последнее время заявления Этьевана[2] тронули его. Все это на мгновение возвышает его ум к тем высотам, где разум очищается. Но после этих кратких экскурсий по царству идеала он возвращается более обеспокоенным, чем когда-либо. Тысячи препятствий, чисто субъективных, удерживают его; он теряется в бесконечных «если» и «но», в непроходимом лесу, из которого он иногда просит меня вытащить его.

Только вчера он поведал мне о муках своей души, и я сказал ему:

— Грав, чей рассудительный и мужественный дух вы знаете, собирается опубликовать книгу: «Умирающее общество и анархия». Эта книга - шедевр логики. Он полон света. Эта книга - не крик слепого и узколобого сектанта, и не ритм тамтама амбициозного пропагандиста; это продуманная, рефлексивная, аргументированная работа того, кто увлечен, это правда, того, «у кого есть вера», но кто знает, сравнивает, задает вопросы, анализирует и кто с исключительной ясностью критики скользит среди фактов социальной истории, уроков науки, проблем философии, чтобы прийти к тем ошибочным выводам, о которых вы знаете, и в которых вы не можете отрицать ни величия, ни справедливости.

Мой друг резко перебил меня:

— Я ничего не отрицаю... Я действительно понимаю, что Грав, за горячими кампаниями которого я следил в «*La Révolte*», мечтает, например, о уничтожении государства. Сам я не обладаю всей его смелостью, но я тоже мечтаю об этом. Государство давит на человека тяжестью, которая с каждым днем становится все более невыносимой. Из человека, которого это нервирует и изматывает, он делает только комок плоти, подлежащий обложению налогом. Его единственная миссия - жить ради этого, как вошь живет на звере, на котором она прикрепила свои присоски. Государство отнимает у человека его деньги, еле нажитые в этой тюрьме: работа; она каждую минуту отнимает у него свободу, уже скованную законами; с самого его рождения она убивает его индивидуальные и самоуправленческие способности или искажает их, что равносильно одному и тому же. Убийца и вор — да, я убежден, что государство действительно является таким двойным преступником. Как только человек начинает ходить, государство ломает ему ноги; как только он вытягивает руки, государство ломает их; как только он осмеливается думать, государство берет его за голову и говорит ему: «Иди, бери и думай».

— Ну? сказал я.

Мой друг продолжил:

— Анархия, напротив, - это отвоевание личности, это свобода развития личности в нормальном и гармоничном смысле. Короче говоря, мы можем определить это как спонтанное использование всей человеческой энергии, преступно растроченной государством! Я знаю это... и понимаю, почему всевозможные молодые художники и мыслители — современная элита — с нетерпением ждут того долгожданного рассвета, когда они увидят не только идеал справедливости, но и идеал красоты.

— Ну? сказал я снова.

— Ну, меня беспокоит и беспокоит одна вещь - террористическая сторона Анархии. Я ненавижу насильственные средства; я испытываю ужас перед кровью и смертью, и я хочу, чтобы анархия ждала своего триумфа только от грядущего правосудия.

— Значит, вы верите, - ответил я, - что анархисты пьют кровь? Разве вы не чувствуете, напротив, всю ту безмерную нежность, безмерную любовь к жизни, которой переполняется сердце Кропоткина? Увы! Это борьба, неотделимая от всех человеческих битв, и против которой мы ничего не можем сделать... Итак!... вы хотите, чтобы я привел вам классическое сравнение? Земля выжжена; все маленькие растения, все маленькие цветы сожжены пылающим, настойчивым, смертоносным солнцем; они бледнеют, вянут и мрут... Но затем одинокое облако затемняет горизонт, оно надвигается и закрывает пылающее небо. Вспыхнули молнии и гром, и воды заструились по сотрясенной земле. Какая разница, если молния разразилась здесь и там, дуб вырос слишком высоким, если маленькие растения, которые могли бы погибнуть, маленькие растения, поливаемые и освеженные, выпрямляют свои стебли и снова поднимают свои цветы в новом спокойном воздухе? ... Видите ли, мы не должны слишком сильно переживать из-за смерти хищных дубов... Прочитайте книгу Грава... Грав сказал в этой связи несколько замечательных вещей. И если, прочитав эту книгу, в которой так много идей перевернуто и прояснено, если, обдумав ее, как и подобает

работе такого интеллектуального уровня, вам не удастся прийти к твёрдому и спокойному мнению, вам было бы лучше, я предупреждаю вас, отказаться от того, чтобы стать анархистом, которым вы хотите быть, и оставаться хорошим буржуа, закоренелым и безнадежным буржуа, буржуа «вопреки себе», которым, возможно, вы являетесь...

Октав Мирбо.[3]

1893.

Предисловие к английскому изданию

«Умирающее общество и анархия» впервые появилась во Франции около десяти лет назад[4], опубликована издательством «P.V. Stock», которое напечатало множество работ, относящихся к анархии. Совесть французской армии, которую дело Дрейфуса[5] с тех пор раскрыло во всей своей деликатной скрупулезности, была немедленно разгневана главой, озаглавленной «Милитаризм». Автор был быстро арестован, предан суду и приговорен к двум годам тюремного заключения. Книга была запрещена, и французская армия, по-видимому, вздохнула свободнее.

Не тут-то было! Когда начинаются гонения, Евангелие распространяется. Людям не терпелось узнать, что же так напугало «свободное правительство» Франции, что было причиной такого сурового наказания над бедным сапожником. Работа была распространена, переведена на немецкий, испанский, идиш, португальский, итальянский языки; только на английском языке она осталась непереуведенной. Несколько раз появлялись объявления о том, что у нас вот-вот появится английская версия, но ее все еще не было.

В 1897 году писатель встретился с Жаном Гравом в лондонской резиденции его французского товарища по изгнанию, и там он взялся за эту работу, автор согласился. Хотя первоначально к этому подтолкнули английские товарищи и их обещание об издательстве, более поздние события сделали более целесообразным выпуск американского издания. Среди них единственное, что действительно волнует общественность, - это гигантский шаг к милитаризму, который эта страна сделала за последний год. До этого я чрезвычайно сомневалась в эффекте знаменитой преследуемой государством главы, которая, скорее всего, не понравится не знавшей войны американской общественности.

Но теперь, когда мы уже следуем «явному предназначению»[6] «цивилизованных наций»; теперь, когда наше правительство прибегло к той же тактике колонизации, защиты, порабощения и завоевания; теперь, когда наша постоянная армия увеличилась в четыре раза, а поиск поля боя - это амбиция часа; теперь, когда наши рабочие пользуются возможностью обменять свое «свободное гражданство в величайшей стране на земле» на жалкую услугу по убийству людей на чужой земле по ставке 15,60 доллара в месяц и т.п., именно поэтому эта запрещенная глава XIII имеет свою собственную ноту - действительно самую диссонирующую — в военном хоре, который в настоящее время привлекает внимание общественности. И переводчик искренне молится о том, чтобы, как во Франции великим грехом было его распространение среди солдат, подобное преступление могло повториться и здесь, где армия все еще находится в зачаточном состоянии, а человек еще не похоронен под мундиром. Посмотрите в стекло и посмотрите, как вам нравится отражение, солдаты!

Поскольку издательство P.V. Stock было закрыто, Эмиль Пуже, смелый издатель Пьера Пейнара, выпустил другое, якобы опубликованное в Лондоне. Несмотря на неэлегантный внешний вид, он содержит дополнительную главу; и именно из этого издания Пуже был сделан настоящий перевод. Я как можно строже придерживался текста, не желая делать ни добавлений, ни вычитаний, хотя иногда мне казалось, что мистер Грав излишне рассеян.

Что касается главной цели работы, а именно всесторонней критики институтов нашего «умирающего общества» и необходимости его скорейшего распада, я думаю, что любой непредвзятый читатель будет убежден, что это было сделано довольно тщательно. Что касается вопроса «Что дальше?», то он гораздо менее определен.

С этим, однако, Жан Грав, — крепкий, терпеливый, неукротимый Жан Грав, сидящий сегодня в своей парижской мансарде на пятом этаже, нетронутый своим заключением, убежденный, как всегда, неуклонно пишущий, пишущий трудящимся всего мира, создающий образы «Будущего общества», - не согласился бы. Он уверен в своем средстве — коммунизме; я, в его критике, - в Анархии.

Вольтарина де Клер[7].

Июнь, 1899.

I. Идея анархизма и её развитие.

Анархия есть отрицание власти. Власть же мотивирует свое существование необходимостью защищать различные общественные учреждения – семью, религию, собственность и проч. – и создает с этой целью целый ряд орудий, обеспечивающих её деятельность и санкцию; главные из этих орудий – закон, судебные учреждения, войско, законодательная и исполнительная власть. Вот почему, вынужденная давать ответ на все, идея анархизма должна была бороться со всеми общественными предрассудками, должна была бороться со всеми данными человеческой науки, с целью показать, что связанные с ней понятия вполне соответствуют как физиологической и психологической природе человека, так и изучению естественных законов, между тем как современная общественная организация, наоборот, противна всякой логике, всякому здравому смыслу, результатом чего и является непрочность наших обществ, которые постоянно подвергаются революционным взрывам, вызываемым накопившимся гневом тех, кого давит произвол существующих учреждений. Когда анархисты борются с властью, им приходится таким образом критиковать все те учреждения, защитником которых эта власть является и необходимость которых она старается доказать для оправдания своего собственного существования.

Поэтому область анархических идей расширяется. Исходя первоначально из простого политического отрицания, анархизм должен был затем подвергнуть критике все экономические и общественные предрассудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую в основе современного экономического порядка, выражала бы в то же время известные стремления по отношению к будущему. И вот рядом с «анархизмом» естественно стал «коммунизм».

Ниже мы увидим, что существуют утонченные резонеры, которые доказывают, что раз анархизм означает полное и всестороннее развитие личности, он не может иметь ничего общего с коммунизмом. Мы же, напротив, имеем в виду показать, что личность может развиваться именно только в обществе, а это последнее может существовать только при условии свободного развития первой; одно таким образом дополняет другое.

Вот это-то разнообразие рассматриваемых и разрешаемых вопросов и содействовало быстрому развитию анархических идей, которые были вначале достоянием лишь небольшой группы никому неизвестных людей, лишенных всяких средств пропаганды, а теперь проникают с большим или меньшим успехом и в науку, и в искусство, и в литературу.

Ненависть к власти, требования социального характера существовали издавна: они зарождаются с того момента, когда человек начинает чувствовать, что его угнетают. Но через сколько ступеней, через сколько различных систем должна была пройти эта идея

прежде чем вылиться в её настоящую форму?

Первый намек на нее мы находим у Франсуа Рабле, в его описании Телемского Аббатства, но здесь она еще совершенно неясна, и он считает ее неприложимой ко всему обществу в его целом: доступ в его аббатство разрешается только привилегированному меньшинству, при котором состоит целый штат прислуги.

В 1793 году уже говорят об «анархистах». Жак Ру и так называемые «бешенные» поняли, по нашему мнению, лучше других смысл революции и больше всего сделали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили их в тени; их история еще не написана, скрытые в архивах и библиотеках документы еще ждут человека, у которого хватило бы времени и энергии на то, чтобы вынести их на свет божий и объяснить многое из того, что до сих пор остается нам непонятным в этом трагическом периоде истории.[8] Мы не можем поэтому сделать никакой оценки их программы.

Чтоб найти анархизм как оппозицию власти и государству и как начинающую складываться теорию, нужно дойти до Прудона. Но анархизм здесь не больше как теоретический враг государства: на практике, в своих планах общественной организации, Прудон оставляет под различными названиями все те части административной машины, которые составляют самую сущность правительства. До самого конца Империи анархизм существует во Франции лишь в виде смутного мютюэлизма, который в первые годы после Коммуны вырождается в движение производительных и потребительских товариществ – движение вполне ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути[9].

Но еще гораздо раньше этого бессильного движения, от нового дерева родился другой отпрыск. Интернационал создал в Швейцарии «Юрскую Федерацию», в которой Бакунин проповедовал идею Прудона – анархию враждебную власти, – но притом развив, расширив ее и слив ее с социальными требованиями. С этого-то времени и начинается настоящее развитие современного анархического движения. Конечно, многие предрассудки еще жили в умах, в высказываемых идеях еще было много нелогичного. В организации, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаний государственных идей, но как бы то ни было первый шаг был сделан: идея стала затем расти, очищаться и все более и более ясно определяться. И когда не больше как каких-нибудь 20 лет тому назад, анархизм впервые заявил о себе во Франции на одном из конгрессов, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожным меньшинством и что против неё были не только защитники существующего порядка, но и те псевдо-революционеры, которые видят в народных требованиях только средство прийти ко власти – несмотря на все это в ней оказалось достаточно способности к развитию, чтобы утвердиться (хотя у её сторонников не было никаких средств пропаганды, кроме собственной энергии), достаточно силы, чтобы заставить защитников существующего капиталистического строя бороться и преследовать ее, а людей добросовестных – ее обсуждать. Это лучшее доказательство её жизнеспособности и силы.

Таким образом, несмотря на крестовый поход, предпринятый против неё всеми теми, кого можно считать представителями различных фракций общественного мнения, несмотря на клевету, на осуждения, на тюрьму, анархическая идея проложила себе дорогу.

Основываются группы; во Франции, Бельгии, Италии, Испании, Португалии, Голландии, Англии, Норвегии, Америке, Австралии и России создаются органы для пропаганды на всевозможных языках – славянских, немецком, идише, армянском – и во всевозможных местностях. Но, что еще важнее, от небольшой группы недовольных анархические идеи проникают во все классы общества, повсюду, где только работает человеческий ум. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служат их носителями.

В начале, эти идеи были не больше, как мало сознательными формулами, неясными требованиями – часто скорее простыми проявлениями протеста, чем действительными убеждениями. Теперь же анархические идеи не только ясно формулируются, но люди, которые их распространяют, вполне сознают, что распространяют именно анархизм, и не страшатся назвать его собственным его именем.

Итак, уже не одни анархисты находят теперь, что существующий порядок дурен весь целиком и что его нужно изменить. Жалобы на существующее и стремление к лучшему можно встретить даже у тех, кто считает себя защитником современного положения вещей. Мало того: люди начинают чувствовать, что нельзя довольствоваться бесплодными пожеланиями, что нужно работать для осуществления своего идеала, начинают понимать и проповедовать пропаганду делом и примером. Иначе говоря, сравнивая то удовлетворение, которое доставляет человеку сознание, что он поступает согласно своим убеждениям, и те неприятности, которые ему может доставить нарушение существующих законов, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь с своими взглядами – насколько темперамент данной личности может сопротивляться преследованиям общественного возмездия. Эта быстрота развития анархических идей зависит от того, что, хотя с самого начала они противоречат многим принятым идеям и установившимся предрассудкам и пугают тех, кто слышит о них в первый раз, они в сущности отвечают на ряд затаенных чувств и смутных запросов и дают человечеству в конкретной форме тот идеал благосостояния и свободы, о котором оно прежде едва осмеливалось мечтать. Эти идеи казались страшными с первого взгляда, потому что проповедовали ненависть и презрение к многим из тех учреждений, которые считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, в противоположность принятым взглядам, что эти учреждения вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся в руках слабых или дурных личностей. Они говорили толпе, что не нужно довольствоваться сменой личностей, стоящих у власти, и частичными улучшениями в учреждениях, но нужно прежде всего разрушить то, что делает людей дурными и дает возможность меньшинству пользоваться всеми силами общества для угнетения большинства. Они показывали, что то, что до сих пор считалось причиной зла, от которого страдает человечество, есть ничто иное как последствие зла гораздо более глубокого, что нужно, следовательно, изменить сами основы общественного устройства.

Но, как мы уже видели выше, в основании современного общества лежит частная собственность. Защита капитала – единственная цель существования власти. Организация семьи, чиновничества, армии, суда прямо вытекает из существования частной собственности. Задача анархистов состояла, следовательно, в том, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктов труда прошлых поколений меньшинством тунеядцев и подорвать авторитет власти, показав её вред для человеческого развития, её

роль покровительницы привилегированных классов и ничтожество тех принципов, на которые она опиралась для оправдания своих учреждений.

То, что отталкивало от анархизма людей личных интриг и личного тщеславия, заставляло, наоборот, людей, мыслящих изучать и обдумывать те идеи, которые он приносил с собой. Дело в том, что в них нет места ни личным соображениям, ни мелкому самолюбию; они не могут служить средством для тех, кто видит в рабочих требованиях не больше как способ завоевать себе место в рядах эксплуататоров. Мотылькам политики нечего делать в рядах анархистов. Там нет, или почти нет, места ни мелким личным интересам, ни ряду кандидатур, открывающих поле всевозможным надеждам и компромиссам. В партиях политиков или социалистов-государственников какой-нибудь карьерист всегда может подготовить незаметным образом свое «обращение» так, что товарищи замечают его уже много времени спустя после того как оно совершилось. У анархистов это невозможно: всякий, кто согласился бы занять какой-нибудь пост в современном обществе, после того как он сам доказывал, что все те, кто занимает эти места могут держаться на них только при условии быть вместе с тем защитниками существующего порядка, будет тотчас же заклеен названием ренегата, потому что у него не может быть никаких оправданий для его «эволюции». Вот почему, то самое, что навлекло на идею анархизма ненависть интриганов, вызывало вместе с тем на размышление людей искренних; этим и объясняется её быстрый успех.

Что, в самом деле, возразить людям, которые доказывают, что если вы хотите, чтоб ваши дела шли хорошо, вы должны делать их сами, а не давать на это полномочия другим? В чем можно упрекнуть людей, которые говорят, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собой? Что ответить тем, кто показывает вам причины бедствий, от которых вы страдаете, указывает средства избавиться от них, и при этом не только не говорит, что эти средства находятся у него в руках, но, напротив, старается внушить вам, что только вы, вы сами, можете судить о том, что вам нужно и чего, наоборот, вам следует избегать.

Если какая-нибудь идея обладает достаточной силой чтобы внушить людям твердые убеждения, за распространение которых они борются и страдают, ничего не ожидая в смысле непосредственных результатов – такая идея уже по одному этому является в глазах искренних людей достойной изучения; так именно случилось и здесь. И вот, несмотря на крики негодования одних, на злобу других, на преследования правительств, идея все растет и развивается, доказывая буржуазии, что голос правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно с ним приходится считаться.

Анархизм имеет своих мучеников – умерших, заключенных в тюрьмы, изгнанных, – но он остается живым и полным сил, и число его пропагандистов все растет. Среди них есть и пропагандисты сознательные, понявшие все величие идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражают свою ненависть к учреждениям, задевающим их сокровенные чувства или их инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширине анархические идеи привлекают всех тех, в ком живо чувство собственного достоинства, кто жаждет справедливости, и красоты истины. Быть свободным от всякого принуждения, от всякого стеснения – не есть ли это, в самом деле, идеал человека, и не с этой ли целью

производились все революции? Ведь если люди все еще терпят над собой гнет эксплуататоров, если человеческий ум до сих пор томится в тисках понятий капиталистического общества, то это потому, что общепринятые взгляды, рутина, предрассудки и невежество брали всегда верх над мечтами о свободе и стремлением к независимости и заставляли тех самых людей, которые только что изгнали тех, кто господствовал над ними, вместо освобождения, избрать себе новых господ.

Анархические идеи пролили свет не только в умы рабочих, но и в умы всевозможных мыслителей, которым они помогли разобраться в своих собственных чувствах, показали настоящие причины окружающей бедности и средства для её устранения, показали в чем цель и где ведущий к ней путь, объяснили, почему все прошлые революции кончались неудачей.

Именно этой тесной связью анархических идей с сокровенными чувствами человека и объясняется их быстрое развитие; именно она придает им силу и делает их неуязвимыми. Напрасно направляется на них и на их пропагандистов и злоба правительств, и различные репрессивные меры, и ненависть неудовлетворенного тщеславия: они уже проложили себе дорогу и ничто не может помешать им развиваться и стать идеалом всех обездоленных, лозунгом всех их попыток к освобождению.

Капиталистическое общество так узко и мелочно, всякое широкое стремление в нем так подавляется, оно убивает столько хороших побуждений, оскорбляет в большей или в меньшей степени личное достоинство столько людей, не могущих примириться с узостью господствующих в нем понятий, что если бы даже ему удалось заглушить на время голос современных анархистов, то скоро само угнетение вызвало бы к жизни новое поколение их, такое же непримиримое.

II. Индивидуализм и солидарность.

«Анархия и коммунизм несовместимы», говорят нам многие недобросовестные противники, мало заботящиеся о выяснении вопроса. «Коммунизм, это – организация; он стесняет развитие личности, а потому мы не хотим его. Мы – индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорят с другой стороны некоторые, даже искренние люди – люди, которым хочется быть более крайними, чем их товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить известные идеи, доводя их до абсурда. А около них группируются и те личности, которым правительствам всегда выгодно послать в среду своих противников для поселения в ней раздора.

И вот анархисты начинают спорить об анархизме, коммунизме, инициативе, организации, о вредном или полезном влиянии группировки, об эгоизме и альтруизме и еще о массе вещей одна нелепее другой, потому что в результате этих споров между добросовестными противниками в конце концов оказывается, что все стремятся к одному и тому же, только под различными названиями.

В самом деле, анархисты, заявляющие себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборот общество имеет целью доставить личности наиболее благоприятные условия для её развития. Когда несколько человек соединяются вместе и соединяют свои усилия, то они очевидно делают это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслаждений при наименьшей трате сил. Они вовсе не имеют намерения принести свою инициативу, свою волю, свою личность в жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала перед тем как они соединились и перестанет существовать, как только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вместе с тем добиться от природы предметов необходимых для существования, получить которые можно только соединенными усилиями таково была, несомненно, цель первых начавших группироваться человеческих существ; во всяком случае, эта цель, если и не была признана, то молчаливо подразумевалась в первых человеческих обществах, которые, может быть, даже были временными и распадались как только намеченное дело было выполнено.

Итак, никто из анархистов не собирается подчинить существование личности потребностям общества.

Полная свобода личности во всех проявлениях её деятельности – таково наше общее требование. Когда же являются люди, которые отрицают организацию, признают только личность и говорят, что им нет дела до общества, что правилом поведения должен быть

личный эгоизм, что поклонение собственному я должно стоять выше всех гуманных соображений, – и при этом считают себя более крайними чем другие, то это показывает только одно: что они никогда не изучали психической и физической организации человека и даже никогда не пытались отдать себе отчет в своих собственных чувствах; они не имеют никакого представления о жизни современного человека, о его физических, умственных и нравственных потребностях.

В современных обществах нам приходится иногда видеть таких полных эгоистов: Делобелли, Гиальмары Эйкдали нередко и встречаются не только в романах. Иногда – хотя и не особенно часто – случается встречать таких людей, думающих только о себе, не видящих ничего в мире кроме собственной личности. Если они сидят за столом, они без церемонии берут себе лучший кусок; они расточительны вне дома, в то время как их семья умирает с голоду. Они принимают как должное всевозможные жертвы со стороны всех – отца, матери, жены, детей – а сами спокойно сидят сложа руки, или без церемоний пользуются жизнью. Чужие страдания не идут в счет – лишь бы только в их собственном существовании все шло гладко. Мало того, они даже не замечают, что другие страдают ради них и из-за них: когда они сыты и довольны, им кажется, что и все человечество счастливо и отдыхает. Таков тип настоящего эгоиста в абсолютном смысле слова, но это вместе с тем и тип вполне ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается к этому типу: он все-таки иногда любит своих близких или, во всяком случае, питает к ним какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаем, чтобы даже самые искренние сторонники индивидуализма хотели возвести этот тип в идеал будущего человечества. С другой стороны, и анархисты-коммунисты вовсе не хотят проповедовать для будущего общества самопожертвование личности и её отказ от собственного блага. Но, отрицая отвлеченное понятие об «обществе», они отрицают вместе с тем и то отвлеченное понятие об «индивидууме», которое стремились создать их противники, доводя таким образом теорию до абсурда.

Личность имеет право на полную свободу, на удовлетворение всех своих потребностей – это несомненно. Но так как на земном шаре существует больше миллиарда таких личностей, если и не с равными потребностями, то с равными правами, то всем этим правам нужно дать удовлетворение так, чтобы они не мешали друг другу: иначе произойдет угнетение одних другими и совершаемая революция окажется бесполезной.

Наш чудовищный общественный строй, основанный на антагонизме интересов, ставит людей в враждебное отношение друг к другу и заставляет их грызться для обеспечения себе возможности существовать; это в значительной мере содействует путанице в понятиях. В настоящем обществе приходится быть или вором, или обкрадываемым, или угнетателем, или угнетаемым – середины нет. Тот, кто хочет помочь другому, часто рискует быть одураченным; отсюда плохо рассуждающий человек выводит заключение, что люди не могут жить не борясь друг с другом.

Анархисты же говорят, напротив, что общество должно быть основано на самой тесной *солидарности*. В том обществе, к осуществлению которого они стремятся, счастье одного не должно, даже в самой малейшей степени, быть в ущерб другому; наоборот, благосостояние одной личности должно вытекать из благосостояния всех; если независимости или

благополучию одной какой-нибудь личности будет нанесен ущерб, то нужно чтобы этот ущерб чувствовался и всеми остальными, чтобы они в силу этого могли исправить сделанное зло. Пока же этот идеал не осуществится, пока эта цель не будет достигнута, все ваши общества, будут только организованным произволом, против которого угнетенные личности будут иметь полное право протестовать.

Если бы человек мог жить один, если бы он мог вернуться к первобытному состоянию, нам нечего было бы говорить о том, как он будет жить, каждый жил бы как хочет. Земля достаточно велика, чтобы дать приют всем, но дала ли бы она достаточное для всех пропитание, если ее предоставить самой себе?

В этом далеко нельзя быть уверенным; результатом, вероятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существование» первобытных времен во всем её ужасе. Весь ход эволюции пришлось бы начинать сначала: более сильные стали бы притеснять более слабых, а затем их место заняли бы люди ловкие, причем сила денег заменила бы собой силу физическую.

Если нам пришлось пережить весь этот период кровопролития, нищеты и эксплуатации, называемый человеческой историей, то это зависело именно от того, что человек был эгоистом в полном смысле слова, без всякого смягчения, без всякого противодействующего влияния. Во всякой ассоциации он видел прежде всего удовлетворение своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить более слабого, он делал это без всяких стеснений; он не видел ничего кроме той работы, которую может произвести порабощенный, и не думал о том, что необходимость надзора за ним и необходимость подавлять в будущем различные восстания в конце концов потребует столько же труда и что выгоднее было бы работать вместе, помогая друг другу. Таким образом установились власть и собственность, и если мы хотим их уничтожить, то уже во всяком случае не для того, чтобы начать сызнова всю прошлую эволюцию.

Если мы примем, что человеком должен руководить лишь один чистый эгоизм, лишь поклонение собственному я, то это будет значить, что он должен броситься очертя голову в общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о том, не мешает ли это кому-нибудь другому. Сказать это – значит сказать, что будущая революция должна произойти в пользу более сильных, что новое общество должно быть основано на вечных столкновениях между личностями. А если так, то нам нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщего освобождения; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся против современного общества только потому, что его капиталистическая организация мешает лично нам пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называвших себя анархистами, и были такие, которые становились на эту точку зрения. Может быть именно от этого зависит факт измены и превращений тех, которые сначала были самыми ярыми, а затем перешли в ряды защитников существующего строя, потому что это оказалось для них более выгодным.

Конечно, мы боремся с современным обществом потому, что оно не дает удовлетворения нашим стремлениям, но мы понимаем, что в наших интересах, чтобы это удовлетворение

потребностей было распространено на всех членов общества.

Человек всегда эгоист, он всегда стремится сделать из своего «я» центр вселенной. Но по мере того, как его ум развивается, он начинает понимать, что, если его я требует удовлетворения, то есть и другие я, которые требуют того же самого и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповедовать самоотречение и самопожертвование ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповедь принесения личности в жертву обществу – проповедь, не меньше грубой силы содействовавшую его поддержанию – произвол начал смягчаться, предоставляя все больший простор развитию личности. Если узкий, дурно понятый эгоизм мешает развитию общества, то с другой стороны самоотречение и дух самопожертвования оказываются вредными для личности. Не всякий может жертвовать собой ради других, особенно если эти другие ему посторонние. В конце концов такое самопожертвование может оказаться даже вредным для человечества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смысле этого слова и таким образом доставляет преобладание наименее совершенному типу человечества. Чистый альтруизм в точном смысле слова точно также не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдельности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основание будущих обществ. Это начало – солидарность.

Предположим, что нас несколько человек и что мы соединяемся с целью удовлетворения какой-нибудь потребности. Если в нашей ассоциации нет ничего принудительного, никакого произвола, а она обуславливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесем в нее тем больше силы и энергии, чем сильнее мы будем чувствовать данную потребность. Все мы участвуем в производстве, и все имеем очевидно право на потребление, а так как для того, чтобы иметь возможность удовлетворить потребности всех, эти потребности будут рассчитаны заранее (включая сюда и новые потребности, которые можно будет предвидеть), то в распределении продуктов без труда установится солидарность. Недаром говорят, что взгляд человека может обнять больше того, сколько входит в его желудок: чем сильнее будет у него какое-нибудь желание, тем деятельнее будет он стремиться к его осуществлению, и таким образом произведет не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможет удовлетворить даже и тех, у которых явится желание обладать данным предметом только тогда, когда он будет уже существовать. Потребности человека бесконечно разнообразны; также бесконечно разнообразны будут виды его деятельности и средства к удовлетворению этих потребностей, и именно это разнообразие будет содействовать общей гармонии.

В нашем обществе, где люди, для получения необходимых для жизни предметов, привыкли всегда рассчитывать на чужой труд, они преследуют только одну цель: достать себе побольше денег, чтобы иметь возможность купить себе что угодно; а так как ручной труд едва позволяет человеку не умереть с голоду, то всякий, кто может, старается добыть себе

денег как-нибудь иным путем, только не трудом: один становится чиновником, другой журналистом (причем не останавливается и перед шантажом); тот, у кого есть некоторый капитал, начинает торговать, увеличивать свой доход, обманывая своих сограждан, занимается спекуляцией и ажиотажем, или же эксплуатирует чужой труд. Люди прибегают к всевозможным низостям и не делают единственного дела, которое могло бы удовлетворить всех: не занимаются полезным, производительным трудом. Каждый заботится только о себе, совершенно не думая о тех, кому он наносит ущерб; отсюда тот безрассудный эгоизм, который стал, по-видимому, единственным двигателем человеческих поступков.

Но по мере того как человек развивается, он перестает жить только ради себя одного; тип действительно развитого эгоиста, это – человек который страдает от страдания окружающих, который не может наслаждаться, когда он знает, что его наслаждение покупается благодаря недостаткам нашего общественного устройства, ценой чужого страдания. В среде буржуазии встречаются люди с очень развитой чувствительностью; если влияние среды, воспитания, наследственности не помешает им думать об общественных бедствиях и отдавать отчет в собственной жизни, они начинают стараться по возможности облегчить эти бедствия путем благотворительности. Развиваются различные благотворительные учреждения; но вследствие привычки смотреть на настоящее общественное устройство как на нормальное, а на бедность – как на явление, долженствующее существовать вечно, все эти учреждения носят сухой, инквизиторский характер.

Дело в том, что для человека родившегося, воспитавшегося, развившегося в тепличной атмосфере благосостояния и роскоши, очень трудно, даже невозможно без каких-нибудь исключительных обстоятельств, начать сомневаться в законности того положения, которым он пользуется. Что же касается разбогатевшего выскочки, то для него это еще труднее, потому что он убежден, что достиг своего настоящего положения исключительно благодаря своему труду и своим талантам. Религия, политическая экономия и буржуазное самодовольство столько раз повторяли нам, что труд – наказание, а бедность – следствие непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человек, которому никогда не приходилось бороться с судьбой, не считал себя существом высшей породы. С того момента, когда он начнет в этом сомневаться, когда он примется изучать современное общественное устройство, если только он способен понять его недостатки, все его удовольствия будут отравлены в самом их источнике. Мысль, что роскошь, которой он пользуется, покупается ценой бедствий целой массы рабочих, что каждое его удовольствие оплачено страданиями тех, кто жертвовал собой, чтобы создать его, сделается для него источником страданий. И если в этом человеке, наравне с чувствительностью, развито и стремление к борьбе, то из него выйдет революционер, борющийся с существующим общественным строем, который не может обеспечить ему даже умственного и нравственного удовлетворения.

Не нужно забывать, в самом деле, что социальный вопрос не исчерпывается одной материальной стороной жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы все были сыты, но наши требования на этом не останавливаются: мы боремся, вместе с тем, и за возможность для всякого развивать свои способности, пользоваться теми умственными наслаждениями, которых требует его мозг. Для многих анархистов вопрос правда ставится

иначе, и отсюда-то и вытекают все эти разнообразные толкования и споры об эгоизме, альтруизме и т. п. Вопрос о хлебе – вопрос первостепенной важности, но для самого успеха революции было бы очень опасно ограничиваться им одним, потому что в таком случае можно было бы принять и идеал социалистического государства, которое может и должно обеспечить всем удовлетворение материальных потребностей.

Если бы будущая революция ограничилась в своих требованиях одним вопросом материальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на полпути, выродиться в какую-то оргию, после которой революционеры легко сделались бы добычей штыков буржуазной реакции. К счастью, этот вопрос, наиболее важный – мы вполне с этим согласны – для мира рабочих, совершенно лишенных, вследствие все более и более усиливающейся безработицы, возможности быть уверенными в завтрашнем дне, не есть единственный вопрос, разрешение которого предстоит будущей революции. Несомненно, что первое, что должны будут сделать анархисты для обеспечения успеха революции, это – завладеть общественным богатством, призвать обездоленных, захватить магазины, орудия и землю, устроиться в здоровых квартирах, разрушить те трущобы, в которых они вынуждены жить теперь; восставший народ должен будет уничтожить все документы, устанавливающие права на собственность; нотариальные документы, кадастры, записи – все это должно будет быть пересмотрено и «очищено». Но для выполнения всей этой работы мало людей просто голодных: для этого нужны люди, сознающие свое личное достоинство, ревниво стоящие за свои права, твердо стремящиеся к завоеванию их и умеющие их защитить. Вот почему для этого переворота недостаточно разрешения одного вопроса материального обеспечения. И вот почему, рядом с требованием права на существование, которое ставят анархисты, возникают всевозможные вопросы науки, искусства, философии, которые анархистам приходится изучать и выяснять, так что анархические идеи должны обхватывать собой все области человеческого знания. Повсюду они черпают аргументы в свою пользу, повсюду они находят сторонников, которые приносят им свои требования и свои знания. Человеческие знания так обширны, что даже наиболее одаренные умы могут вместить лишь часть их; поэтому идея анархизма не может сконцентрироваться в умах нескольких личностей, которые начертали бы ей границы и предписали бы программу: она может разрабатываться только общими усилиями, когда каждый вкладывает в нее свои знания, и это-то именно и составляет её силу, потому что только такое сотрудничество всех может дать ей возможность стать выразительницей стремлений человечества.

III. Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?

«Ваши идеи слишком отвлечённые», часто говорят нам многие из тех, кто думает, что, обращаясь преимущественно к рабочим, мы достигли бы своей пропагандой больших результатов, если бы не ставили вопросы так широко.

Выше мы уже видели, что само развитие идей заставляет нас заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публике; это – неизбежное явление, которому нам приходится подчиняться и против которого мы ничего не можем сделать. Не спорим, для людей только что начинающих знакомиться с общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но разве наша вина, если таков сам предмет, который мы рассматриваем и должны рассматривать? Разве наша вина, если защищаемые нами идеи тесно сплетаются между собой, сливаются со всеми отраслями человеческого знания и, в силу этого, заставляют всякого, кто хочет выяснить их себе, заняться изучением таких предметов, в которых он раньше вовсе не предвидел надобности? Да, кроме того, разве предварительная работа, которой нам предлагают ограничиться, не сделана уже теми социалистами, которые были нашими предшественниками? Разве сама буржуазия не разрушает своего общества? Разве даже различные честолюбцы – радикалы и более или менее истинные социалисты – не стараются всеми силами доказать рабочим, что современное общество ничего не может для них сделать, что его нужно изменить? Анархистам остается только разобраться во всей этой громадной работе, привести ее в порядок и сделать вывод. Их роль ограничивается тем, чтобы указать средства избавиться от угнетающего нас зла, чтобы доказать, что устранить все нежелательные явления, которые так успешно критикуют разные стремящиеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будем довольствоваться изменением только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, с которыми нам приходится иметь дело, сами по себе отвлечены. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламацией и голословными утверждениями, то и наша задача, и задача наших читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудных вопросов, ни надобности в аргументах и логике, потому что говорить и писать фразы в роде: «Товарищи! хозяева нас грабят! Буржуа – негодяи, правительственные лица – мошенники! Восстанем, убьем всех капиталистов, подожжем фабрики!» и т. п. очень нетрудно. Но ведь и до того, как начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своих эксплуататоров, угнетаемые совершали революции, бедные восставали против богатых, и, однако, все это не изменило положения. Правители сменялись; в 1789 году собственность перешла из одних рук в другие; после того было сделано еще несколько революций в надежде совершить новое её перемещение, и все-таки правительства продолжают угнетать своих подданных, а богатые живут на счет эксплуатируемых ими бедняков; в этом отношении ничего не изменилось.

Затем, уже после того, как эти мысли были высказаны в литературе, точно также были новые революции, и все-таки положение вещей осталось тем же! Дело в том, что недостаточно говорить и писать, что рабочего эксплуатируют: нужно еще объяснить ему, что, меняя своих правителей, он не перестает быть эксплуатируемым и что, если бы он даже сам стал на их место, он сделался бы в свою очередь таким же эксплуататором, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы против его господства те же самые обвинения, которые он теперь выставляет против тех, кого он хочет сместить. Нужно объяснить, кроме того, рабочим, каким образом буржуазия сумела привязать их к существующему обществу и заставить их защищать интересы эксплуататоров даже тогда, когда они думают, что защищают свои собственные, – все это благодаря такому устройству, которое не может дать рабочему ничего, кроме никогда не исполняющихся обещаний.

Само буржуазное общество, всей своей организацией, основанной на антагонизме интересов, ведет рабочих к революции; они всегда и делали революции, но точно также всегда и позволяли обратить их в пользу других, потому что они «не знали» заранее. Роль пропагандистов состоит именно в том, чтобы «научить» рабочих, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утверждение может создать людей верующих, но не людей сознательных.

В те времена, когда даже у самых крайних социалистов власть считалась основой всякой организации, иметь только верующих не представляло никаких неудобств; это даже облегчало задачу тех, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утверждениями и им верили или не верили, смотря по степени того влияния, которое они сумели приобрести. А так как эти руководители вовсе не стремились к тому, чтобы их последователи понимали, почему их заставляют действовать так или иначе, а требовали от них только веры, которая побуждала бы их слепо повиноваться полученным приказаниям, то им и нечего было ломать себе голову над доставлением им аргументов. Масса верила в высших личностей, поставленных для того, чтобы думать и действовать за нее, и не нуждалась в знании: ведь у вождей есть, думала она, заранее выработанный, готовый план общественного переустройства, который они приложат на практике, как только придут ко власти. Все, что требовалось от людей из толпы, это – уметь драться и умирать. А как только вожди придут ко власти, народ может больше не беспокоиться: все будет сделано в свое время.

Но с появлением анархических идей все это изменилось. Отрицая необходимость «посланных свыше» личностей, борясь с властью, требуя для каждого человека права и обязанности действовать только по его собственному желанию, вне всякого принуждения, вне всякого стеснения его свободы, считая личную инициативу основой всякого прогресса, всякой действительно свободной ассоциации, анархическая идея не может уже довольствоваться тем, чтобы создавать верующих: она должна стремиться, главным образом, создавать людей убежденных, знающих, почему именно они верят, людей, которые взвесили и обсудили представленные им аргументы и сами оценили их. А это ведет к тому, что пропаганда становится более трудной, более отвлеченной, но вместе с тем и более плодотворной.

Но раз поступки людей зависят только от их собственной инициативы, то они должны иметь возможность и приложить эту инициативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться с действиями других, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логике и фактах; чтобы все отдельные действия вели к одной общей цели, они должны основываться на одной общей идее, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсуждение может повлиять на ум её сторонников и заставить их думать самостоятельно.

Этим и обуславливается наш способ действия: когда мы имеем дело с какой-нибудь идеей, мы не извлекаем из неё фейерверка эффектных фраз, а рассматриваем ее со всех сторон и анализируем во всех подробностях, чтобы почерпнуть из неё все возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворот, к какому мы стремимся, а в особенности – как это желательно для нас – переворот повсеместный, конечно, дело нелегкое. Люди, живущие в нашем обществе, мало склонны, как бы жестоко ни оказывалось по отношению к ним это общество, стремиться, как стремимся мы, к полному общественному перевороту: они все-таки привыкли видеть в существующем обществе некоторое обеспечение возможности благосостояния для себя. Они понимают, что общество не исполняет своих обещаний по отношению к ним, но не могут понять необходимости его полного разрушения: у каждого есть в запасе маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колес общественной машины и пустить ее в ход к пущему удовольствию всех. Поэтому они хотят знать, послужит ли этот переворот им во-вред или в пользу, и задают целый ряд вопросов, из которых вытекает обсуждение всех приобретений человеческого ума с целью узнать, будут ли они продолжать существовать после той революции, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, те затруднения, с которыми встречается рабочий, когда перед ним ставится ряд вопросов, о которых благоразумно умалчивают в школах, вопросов, в которых ему трудно разобраться и о которых он, в большинстве случаев, слышит в первый раз. А между тем, если он только хочет уметь воспользоваться той свободой, к которой он стремится, если он не хочет потратить свои силы себе во вред, а главное – если он хочет уметь обходиться без «посланных свыше» личностей, внимательное изучение и разрешение этих вопросов для него необходимо.

Когда перед пропагандистом анархической идеи возникает какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопрос, он не может устранить этой присущей ему отвлеченности, не может обойти его молчанием под тем предлогом, что его слушатели никогда не слышали о нем или неспособны его понять. Все, что он может сделать, это – изложить ее ясным, точным и сжатым языком, избегая тех слов, которые один мой товарищ сравнил с многоножками, т. е. слов понятных только для посвященных, не зарывать мысль в громкой и напыщенной фразеологии, не стремиться к фразам и эффектам – одним словом сделать ее понятной и дать ей возможность проникнуть в массу. Но мы не можем уродовать идею под тем предлогом, что она недоступна этой массе.

Если только захотеть оставить в стороне все те вопросы, которых большинство читателей не поймет с первого же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламацией и

нанизыванием ничего не значащих фраз. Буржуазные фразеры слишком хорошо играют эту роль для того, чтобы мы стремились ее у них отнять.

Если рабочие действительно хотят освободиться, они должны понять, что это освобождение не придет само собой, что его нужно завоевать и что саморазвитие есть одна из форм социальной борьбы. Возможность и продолжительность их эксплуатации буржуазным классом обуславливается их невежеством; если они хотят быть способными освободиться материально, они должны суметь освободиться и умственно. А если они останавливаются перед трудностями этого освобождения, зависящего исключительно от их желания, что же будет, когда они станут лицом к лицу с трудностями более активной борьбы, где потребуется несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю бесполезность, на весь вредный характер буржуазии, в умах некоторых из её представителей, во всяком случае, сосредоточились все научные знания, нужные для развития человечества, и если мы не хотим, чтобы революция была шагом назад, нужно, чтобы рабочий оказался способным заменить того буржуа, которого он хочет свергнуть, чтобы он не задержал своим невежеством развитие уже приобретенных знаний. Если даже он не может как следует владеть этими знаниями, он должен быть, во всяком случае, способным их понять, когда ему придется с ними столкнуться.

Мы вполне понимаем, что терпеть трудно, что человек, который голодает, хотел бы, наконец, дожить до того дня, когда он сможет утолить свой голод, что тем, которые едва переносят иго власти и ждут с нетерпением возможности его свергнуть, хотелось бы слышать слова, соответствующие их настроению, выражающие их ненависть, их желания, их стремления, их жажду справедливости. Но как бы сильно ни было это нетерпеливое ожидание, как бы ни были законны эти требования и потребность их осуществления, идея тем не менее прокладывает себе дорогу лишь постепенно и овладевает умами только тогда, когда она созреет и выработается.

Вспомним, что та буржуазия, которую мы хотим свергнуть, употребила целые века на то, чтобы подготовиться к свержению королевской власти, и подумаем, сколько еще нам предстоит подготовительной работы! В XIV-м веке, когда Этьен Марсель[10] сделал попытку захватить власть в пользу буржуазии, уже организованной в то время в корпорации, эта буржуазия уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась к власти и организовывалась с этой целью, уже давно была образована, развита и работала над своим освобождением в форме борьбы общин с феодализмом. И, несмотря на все это, прошло еще четыре века прежде, чем она достигла этой давно желанной цели.

Конечно, мы надеемся, что нам не придется так долго ждать нашего освобождения от буржуазной эксплуатации. Разложение буржуазии уже теперь, после такого короткого владычества, быстро ведет ее к падению; но не будем забывать, что если в 1789 году буржуазия сумела утвердить свое господство вместо владычества «божественного права», то это потому, что она была умственно готова к этому, и что чем быстрее идет теперь её падение, тем больше должны мы, рабочие, спешить умственно подготовиться – не к тому, чтобы заменить ее у власти, которую мы должны уничтожить, – а к тому, чтобы организовать так, чтобы никакая новая аристократия не могла стать на место свергнутой

буржуазии.

Итак, повторяем, раз мы признали идею свободной инициативы личности, мы должны сделать так, чтобы эта личность могла рассуждать и пользоваться своей инициативой. Если же у неё не хватает силы воли освободиться от собственного невежества, то как же она сможет внушить другим то, чего сама не могла узнать? Не будем, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое решение их есть шаг вперед по пути к освобождению.

Раз мы отрицаем необходимость вождей, мы должны стремиться к тому, чтобы знания, сосредоточивавшиеся прежде в их умах, растворились в умах толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти вперед и заставить толпу интересоваться теми вопросами, которые интересуют нас. Опять-таки повторяю, будем выражаться насколько возможно ясно, но не будем уродовать свою мысль: иначе, вместо того чтобы поднять массу, мы сами спустимся до ее уровня, вместо того чтобы пойти вперед, пойдем назад. А это, нужно согласиться, очень странный способ понимания прогресса.

IV. Дурен ли Человек сам по себе?

Сторонники власти говорят для оправдания своей точки зрения, что «человек слишком дурен для того, чтобы ему можно было предоставить самому руководить собой». «Для этого нужно переделать человека», отвечают обыкновенно анархистам, когда они говорят об обществе, основанном на солидарности, на полном равенстве, на полной свободе личности, об обществе без всяких законов и без всякого принуждения.

Что человек дурен, это – правда, но, может быть, он способен измениться к лучшему, или к худшему? Может-ли он, в его настоящем состоянии, измениться в хорошую или дурную сторону? Может-ли он усовершенствоваться или, наоборот, понизиться в своем физическом и нравственном уровне? Если эволюция его в ту или другую сторону возможна – что показывает нам история – то мы должны рассмотреть, какова в ней роль всех унаследованных от прошлого законов, всего механизма прошлых учреждений: стремятся-ли они сделать человека лучше, или, наоборот, хуже? Ответив на этот вопрос, мы разрешим, вместе с тем и другой вопрос, а именно: что нужно прежде всего преобразовать – современного-ли человека или современное общественное устройство?

Никто в настоящее время не отрицает огромного влияния физической среды на физическое строение человека; тем мене можно отрицать влияние среды нравственной и умственной на его психологию.

На чем основано современное общество? Содействует-ли оно установлению гармонии между людьми, устроено-ли оно так, что всякий вред, нанесенный одному из его членов, чувствуется всеми и все имеют возможность уменьшить или предупредить данное вредное влияние? Вытекает-ли в нем частное благосостояние из общего и не заинтересован-ли кто-нибудь в нарушении правильности его функционирования? Дает-ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, простор широким, гуманным идеям и не старается ли оно, напротив, подавить их? Не пользуется-ли оно для угнетения слабых сильными грубой силой денег, отдающей наиболее бескорыстных и наименее эгоистичных людей в распоряжение корыстолюбивых и беззастенчивых?

Достаточно изучить механизм буржуазного общества, чтобы увидеть, что от него нельзя ждать ничего хорошего. В самом деле, стремление ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучим в человеке, если его до сих пор не подавило то корыстолюбие, тот узкий, бессмысленный эгоизм, который наше официальное общество прививает ему с колыбели. Это общество основывается, как мы уже говорили, на антагонизме интересов и делает из каждого человека врага другого. Интерес продавца противоположен интересу покупателя; скотовод и земледелец только и хотят, чтобы хозяйство соседа пострадало от

эпидемии или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кроме того, обращаются к государству, которое «покровительствует» им, налагая высокие пошлины на их конкурентов; развитие машин вносит все большее и большее разделение в среду рабочих: они оказываются выброшенными на улицу и борются друг с другом за получение работы, спрос на которую у работодателя становится все ниже и ниже предложения, которое дают рабочие. Все в нашем традиционном обществе ведет к противоположению интересов. Почему, например, существует бедность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людям до сих пор не пришло в голову сжечь их, или завладеть ими в свою пользу, чтобы создать те рынки, которых их эксплуататоры ищут в далеких странах, и получить ту работу, в которой им отказывают теперь? «Потому что они боятся полиции», ответят нам. Этот страх несомненно существует, но его одного еще недостаточно для объяснения такой бездеятельности со стороны бедняков. Сколько бывает в ежедневной жизни случаев, когда человек может сделать какое-нибудь зло без всякого риска, и все-таки не делает его, из каких-то других соображений, помимо страха полиции. Да кроме того, если бы все бедняки какого-нибудь большого города, например, Парижа, собрались вместе, то их оказалось бы так много, что им нечего было бы бояться полиции: они могли бы выдержать борьбу с ней в течение целого дня, а за это время очистить магазины и хоть раз наесться досыта. Разве страх удерживает людей, идущих в тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тем как для них было бы нисколько не опаснее взять самим то, что они теперь выпрашивают? Нет, все зависит оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мешают им делать зло ради зла и заставляют их подчиняться самым большим стеснениям только потому, что они считают их необходимыми для правильного функционирования общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уважение к собственности, если бы в уме людей не существовало вместе с тем понятия о ней как о чем-то законном, приобретенном личным трудом? Разве когда-нибудь самые суровые наказания мешали нарушать ее тем, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотел жить на чужой счет? Если бы у людей в самом деле была та склонность ко злу, которую им приписывают, то можно себе представить, что произошло бы, когда, разобравшись в своем бедственном положении, они увидели бы, что его причина лежит в частной собственности: общество перестало бы существовать, а вместо него воцарилась бы «борьба за существование» в самом жестоком смысле слова; это было бы настоящее возвращение к варварству. Именно его стремление к «добру» было причиной того, что человек всегда позволял себя угнетать, поработать, обманывать и эксплуатировать и что до сих пор он избегает пользоваться, хотя бы для своего окончательного освобождения насильственными средствами.

В сущности, когда нам говорят, что человек дурен сам по себе, и что ни на какое изменение в этом отношении рассчитывать нечего, это сводится к следующему рассуждению: «Человек дурен, общество плохо устроено; к чему же терять время на достижение для человечества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себе самим. И если даже наши удовольствия будут куплены ценой слез и крови тех жертв, которыми мы усеяли наш путь, то не всё ли равно? Нужно топтать других, если не хочешь быть сам растоптанным, а затем пусть тот, кто вышел победителем, устраивается как хочет!»

Привилегированные классы сумели установить свое господство, усыпить рабочих и превратить их в своих защитников, сначала обещая им лучшую жизнь – в другом мире, – затем, когда вера в Бога исчезла, проповедуя мораль, патриотизм, общественную пользу и т. п., наконец, в настоящее время, внушая им надежду на то, что всеобщее избирательное право даст им всевозможные реформы и улучшения, в действительности не осуществимые (потому что нельзя уничтожить зло современного общества до тех пор пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бедняков попробуют провозгласить чистое право сильного, и они увидят, долго-ли продолжится их господство: на силу им ответят силой!

В те времена, когда человек впервые начал группироваться с другими себе подобными, он был, вероятно, скорее еще животным, чем человеком и представления о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться с другими животными, бороться со всей окружающей природой; первые человеческие общества были, поэтому, вызваны, по всей вероятности, не чувством солидарности, а необходимостью соединить отдельные силы. Эти общества, несомненно были вначале лишь временными и имели в виду лишь ловлю добычи, устранение различных препятствий, а позднее – отражение или уничтожение нападающего врага. Только по мере того, как общества функционировали, люди начали понимать всю их важность; общества стали тогда переживать первоначально намеченную цель и понемногу сделались постоянными.

Но в то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбежно развить в личностях кровожадные и деспотические инстинкты: слабым приходилось подчиняться гнету сильных, а иногда и служить им в пищу. Лишь гораздо позднее, вероятно, наступило время, когда наравне с силой начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаем человека в эту раннюю пору его существования, он представляется нам довольно несимпатичным животным; но раз он смог развиться до своего теперешнего состояния, раз он смог усвоить для себя понятия и идеи, которые отсутствовали у него раньше, то зачем ему останавливаться на этой точке и не идти дальше? Отрицать возможность дальнейшего прогресса было бы также нелепо, как если бы, в то время, когда человек жил в пещерах и не имел ничего другого для своей защиты кроме каменного оружия или палки, кто-нибудь сказал, что он никогда не будет способен строить блестящие города и пользоваться паром и электричеством. Почему человеку, сумевшему приспособить к своим нуждам подбор домашних животных, не сумеет направить свой собственный подбор по пути добра и красоты, о которых он уже начинает составлять себе понятие?

Человек мало-помалу развивался и продолжает развиваться каждый день. Его понятия подвергаются постоянным изменениям. Физическая сила, если и служит до сих пор авторитетом, то во всяком случае уже не является предметом прежнего поклонения. Развились представления о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже приобрели такую силу, что привилегированные классы должны, для поддержания своих привилегий, внушать людям, что их эксплуатируют и угнетают для их же пользы.

Но этот обман не может длиться долго. Люди уже начинают чувствовать, что им тесно в нашем плохо устроенном обществе; стремления, зародившиеся целые века тому назад, но до сих пор бывшие лишь неполными и единичными, начинают принимать определенную форму и находить себе сочувствие даже в рядах тех, кого можно включить в число привилегированных личностей нашей современной общественной организации. Нет ни одного человека, который бы хоть раз в жизни не почувствовал себя возмущенным против современного общества, находящегося под властью умершего прошлого, – общества, которое точно задалось целью оскорблять нас во всех наших чувствах, поступках и стремлениях, и от которого человек тем больше страдает, чем больше он развивается. Идеи свободы и справедливости получают более определенное выражение, люди, провозглашающие их, еще пока составляют меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящие классы начинают беспокоиться и бояться.

Итак, мы видим, что, подобно всем другим животным, человек есть ничто иное как продукт процесса развития, обусловленного средой, окружающей его, и условиями существования, которым он должен подчиняться или с которыми должен бороться. Но в отличие от других животных – или, по крайней мере, в большей степени, чем они – он выучился понимать свое происхождение и иметь известные стремления по отношению к будущему; от него самого зависит поэтому устранить то зло, которое ошибочно считают связанным с самим его существованием. А раз он создаст себе иные условия жизни, то он изменится и сам.

Помимо этого, вопрос можно формулировать следующим образом: имеет ли право человек – хорош он или дурен – жить как ему хочется и возмущаться, когда его эксплуатируют или, когда его хотят принудить к таким условиям жизни, которые внушают ему отвращение? В настоящее время люди, стоящие у власти и пользующиеся привилегией материального благосостояния, считают себя лучшими, но стоит только «худшим» свергнуть их, занять их место и поменяться ролями, как у них будет ровно столько же права считать себя лучшими, как и у тех.

Существование частной собственности, вследствие которой все общественное богатство сосредоточивается в руках немногих, дало этим немногим возможность жить паразитами на счет эксплуатируемой массы, весь труд которой идет на поддержание их роскошной и бездеятельной жизни или на защиту их интересов. Такое положение, в несправедливости которого те, которые страдают от него, уже уверились, не может долго продолжаться. Рабочие потребуют возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если им будут продолжать в этом отказывать, они прибегнут к восстанию; тогда буржуазия может сколько угодно прятаться за соображение о том, что человек вообще дурен: революция все равно совершится. И вот, если действительно человек неспособен к совершенствованию – а мы видели, что это неверно, – тогда начнется борьба appetitов; буржуазия, как бы не была она жадна, окажется во всяком случае побежденной, потому что она будет в меньшинстве. Если же человек дурен только потому, что его делают таким существующие учреждения, то он сможет подняться до такого общественного строя, который будет содействовать его нравственному, умственному и физическому развитию, и сумеет преобразовать общество в направлении солидарности интересов. Но, как бы то ни было, революция во всяком случае, произойдет. Сфинкс ставит перед нами этот вопрос и мы без страха отвечаем на него, потому что мы, анархисты – разрушители законов и собственности – знаем ключ к его

разгадке.

V. Собственность.

Прежде, чем продолжать изложение наших взглядов, не лишним будет рассмотреть те учреждения, к уничтожению которых мы стремимся, те основы, на которых покоится современное буржуазное общество, и объективную ценность этих основ; вместе с тем мы увидим, почему нельзя преобразовать общество, не изменив всей его организации целиком и почему, пока это изменение не совершится, никакое улучшение в нем не будет действительно. Мы увидим вместе с тем, какие именно причины заставили нас сделаться анархистами и революционерами.

Защита частной собственности и её передача по наследству – вот основы современного общественного строя. Из неё вытекает правительственная власть, современная семья, судебная власть, армия, – все эти гнетущие и разоряющие нас учреждения. Есть еще религия, но мы не будем заниматься ей: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставим мертвых в покое.

Мы не имеем в виду дать исторический обзор развития собственности: социалисты всех фракций уже делали это много раз и вполне доказали, что она есть ничто иное, как результат воровства, обмана или пользования правом сильного. Нам остается только привести некоторые факты в доказательство её несправедливости и показать, что именно от неё происходят все те бедствия, от которых мы страдаем. Вместе с тем, мы увидим, что все предложенные реформы – не более как приманки, способные только усыпить эксплуатируемых, и что для устранения существующего зла нужно уничтожить его в самом его источнике – собственности и капитализме.

Современная наука показала нам, что земля образовалась из космического вещества, отделившегося от солнечной туманности. Вследствие вращения вокруг своей оси и вокруг центрального светила это ядро сгустилось и, как детище солнца, начало, подобно производшему его светилу, светить собственным светом в виде маленькой звезды среди млечного пути. Позднее, масса его охладилась, перешла из газообразного состояния в жидкое и полужидкое, а затем, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этом газы, находившиеся в раскаленной массе, образовали между собой различные соединения и дали начало тому основному материалу, который входит в состав земли – минералам, металлам, атмосферным газам.

По мере того, как земля все больше и больше охлаждалась, действие воды и атмосферного воздуха на минералы давало начало слоям почвы; вместе с тем, соединение водорода, кислорода, углерода и азота произвело, в глубине вод, нечто вроде органической студенистой массы, не имевшей ни определенной формы, ни органов, ни сознания. Эта масса обладала, однако, способностью двигаться, выпуская из себя отростки в том направлении, в котором она хотела перемещаться, или, вернее, в котором на нее действовало известное притяжение, и способностью ассимилировать захваченные ей

посторонние тела и ими питаться; наконец, у неё была еще одна способность: делиться, по достижении известной ступени развития, на двое и таким образом давать начало новому организму, вполне сходному с первым.

Таково скромное начало существования человечества – настолько скромное, что лишь гораздо позднее, после долгой эволюции, после образования целого ряда типов в цепи живых существ, стало возможным отличить животное от растения. Проследить здесь весь ряд форм до человека значило бы изложить тот ход эволюции, который современная наука объясняет так ясно и так понятно для всякого непредубежденного человека. Нам остается только отослать к ней читателя, и самим воспользоваться лишь некоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обративших ее в свою собственную пользу и в пользу своих потомков, в ущерб, как менее благоприятно поставленным личностям, так и будущим поколениям.

Очевидно, что такое объяснение появления человека на земле разрушает все чудесные рассказы о его сотворении. В нем нет места ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силе; человек есть ничто иное, как продукт эволюции жизни земли, которая сама есть результат известного соединения газов, а эти газы, в свою очередь, прошли через целый ряд превращений, прежде чем, соединившись при надлежащей плотности и в надлежащих пропорциях, дали начало первому проявлению жизни. Но если мы устраним, таким образом, представление о сверхъестественном происхождении человека, то точно также теряет под собой почву и представление о божественном происхождении общества в том виде, в каком оно существует, с его разделением на богатых и бедных, на управляющих и управляемых. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своем сверхъестественном происхождении и державшаяся, по меньшей мере, постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже поддается под напором критики и грозит разрушиться; в настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и закон большинства. Она могла существовать только до тех пор, пока не подвергалась критике, а теперь, как мы увидим ниже, держится только благодаря силе. Мы можем поэтому сказать, что под влиянием этой критики собственность и власть постепенно умирают: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетом; то, что опирается только на силу, может точно также и быть разрушено силой.

Растение питается на счет минерального мира и атмосферы, животное – на счет растения и уже гораздо позднее – на счет других животных, но во всем этом нет никакой заранее изобретенной иерархии живых существ, никакого плана, созданного Творцом мира или Природой; взятой в отвлеченном смысле. Никем не предусмотрено, чтобы растение должно было служить в пищу животному, животное и растение – в пищу человеку, а одна категория людей – быть слугами другой и доставлять этим избранным возможность наслаждаться жизнью. Во всем этом нет ничего кроме эволюции, совершающейся под влиянием естественных законов: сгущение газов дало начало минералам; питаться этими минералами мог только растительный мир, который, превращая их в органические вещества, сделал возможным впоследствии развитие жизни животной.

Если же мы признаем это эволюционное происхождение человека, то для нас станет очевидным, что и после появления на земле первых мыслящих существ, для облегчения их

дальнейшего развития не нужно было содействия никакого Провидения, никакого высшего существа, которое дало бы в удел одним власть над своими ближними, другим – собственность на землю, а большинству – нужду и лишения, повиновение своим господам и, как единственную функцию – работу в пользу этих последних.

Но дело в том, что *борьба за существование* была вначале единственной основой жизни; единственной заботой человека было съесть другого[11], чтобы не быть съеденным самому. Когда же люди начали бессознательно пользоваться иным, гораздо более высоким принципом, – принципом *ассоциации для совместной борьбы*, – то в образовавшемся таким образом обществе должно было неизбежно проявиться стремление к борьбе и господству, переданное человеку по наследству от предыдущих поколений. Личности, у которых это стремление было сильнее, взяла верх над теми, у которых оно было слабее. Установившаяся таким образом власть видоизменялась затем сообразно развитию человеческого ума; общественный строй подвергался различным превращениям соответственно тому, царили ли в обществе сила, религиозный дух, или коммерческий расчёт. В этих разнообразных формах власть удержалась до наших дней и будет держаться до тех пор, пока человек не избавится от своих ошибок и предрассудков, не завоюет себе независимость и не перестанет поработать других, из боязни быть самому поработанным более сильными.

Когда легенда о божественном происхождении власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазия постаралась дать им другую основу, более прочную и более естественную. Политико-экономы возвели в «естественные законы» те факты общественной жизни, которые в действительности происходят от плохой организации общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь следствиями, и украсили все эти нелепости названием науки. Чтобы узаконить самые безобразные общественные преступления, самую страшную эксплуатацию со стороны капитализма, они хотели свалить всю вину в существующей бедности на самих же бедняков; они возвели в закон самосохранения общества самый уродливый эгоизм, который, как мы видели выше, может вести лишь к общественным столкновениям, к трате сил и общественному регрессу, – если только он не смягчается другим, более развивающим и более гуманным началом – солидарностью.

Буржуазное общество основано на капитале, а этот последний является в форме денег; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую он играет в производстве и обмене, политико-экономы включают в понятие о капитале все. Человек, который женится и производит на свет детей, затрачивает капитал, но вместе с тем и создает его вновь, потому что ребенок, когда он вырастет, сделается в свою очередь капиталом! Мышечная сила, которую рабочий тратит в производстве есть капитал! Заметим, что помимо своих рук рабочие всегда вносят в свою работу – какова бы она ни была – и известное количество умственного труда, часто превышающее соответственный труд предпринимателя; но так как, в таком случае, пришлось бы считать на долю рабочих двойную пропорцию капитала, а это стеснило бы политико-экономов в их расчётах, то они и обходят этот факт молчанием.

Но так как сведением всей человеческой деятельности на понятие о капитале все-таки нельзя объяснить происхождение капитала, то они и изобрели следующее: «капитал – это та доля приобретенного трудом, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а

сберегли в виду будущих потребностей.» И вот здесь-то интересно сделать некоторый расчёт.

Всякий капитал, пущенный в оборот, говорят политико-экономы, должен принести: 1) известную сумму, равную затраченной, чтобы целиком восстановиться, и 2) известную прибыль, представляющую как бы страховую премию за риск, которому подвергается капитал. А так как рабочий, которому платят за его труд, ничем не рискует, то он имеет право лишь на первую долю, которая даст ему возможность возместить потраченный им капитал, т. е. питаться, одеваться, иметь помещение и вообще восстанавливать свои силы. Иметь детей он должен не больше, чем позволяет ему избыток его заработка.

Что же касается хозяина, то это – дело совсем другое. Он вносит прежде всего первоначальный капитал, который идет на плату рабочим и на необходимые покупки и представляет собой сумму тех удовольствий, которых он лишал себя в прошлом. Как и капитал рабочего, этот капитал должен прежде всего восстановить самого себя и кроме того принести еще страховую премию за риск; эта премия составит прибыль эксплуататора. Кроме того, если дело идет о промышленном предприятии, то в него вкладывается еще и стоимость построек и машин, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премию. Мало того: его ум, тоже представляет собой капитал, и капитал не малый. Капиталист должен суметь выгодно поместить свой капитал, должен уметь управлять своими делами и само собой узнавать, какие предметы выгоднее производить, где существует на них спрос и т. п. Этот третий капитал тоже должен быть возвращен ему из его предприятия. Прибавьте к этому, что, если предприниматель – инженер, ученый, врач, то вознаграждение должно быть еще гораздо больше, потому что для образования этого капитала потребовалось много затрат, а, следовательно, и восстановление его стоит дороже.

Затем, раз только это тонкое различие между различными элементами, участвующими в производстве, установлено, то существующее распределение оказывается вполне справедливым: капиталист получает свои три доли из общего продукта – вот и все. Ведь рабочий получил свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегает, а затем вложит свои сбережения в какое-нибудь промышленное предприятие; тогда он тоже будет получать тройную долю. Если он хочет чего-нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратит бессмысленно своих денег по кабакам! Пусть не производит на свет так много детей! Борьба тяжела и человек должен уметь отказывать себе в удовольствиях в настоящем, если хочет увеличить их в будущем!

Решаются ли господа экономисты, толкующие нам об уме капиталистов, утверждать, что тот, кто наживает миллионы биржевой игрой, спекуляциями и монопольным захватом, тратит в миллион большую умственную силу, чем – я не говорю уже рабочий, которого можно считать артистом своего дела, – но даже самый простой рабочий, в самом обыденном ремесле? Возьмите любого рабочего – из тех, кому судьба наиболее благоприятствует, кто получает сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается без работы, никогда не болеет. Сможет ли этот рабочий жить той широкой жизнью, которой должны были бы пользоваться все, сможет ли он удовлетворять, продолжая работать, всем своим физическим и умственным потребностям? Да что об этом говорить: он не сможет

удовлетворить даже сотой доли своих потребностей, если даже они будут у него самые ограниченные, а если он захочет сберечь себе хоть что-нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать их. И все-таки, как бы он ни был бережлив, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы иметь возможность жить не работая. Сбережений, сделанных в производительную пору его жизни, едва хватит на пополнение того дефицита, который принесет с собой старость – если только он не получит наследства или, вообще, в его жизни не произойдет какой-нибудь счастливый случай, не имеющий ничего общего с трудом.

А сколько на одного такого привилегированного рабочего приходится бедняков, никогда не имеющих возможности утолить свой голод! Развитие машин дает возможность эксплуататорам уменьшить свой рабочий персонал; безработных рабочих, которые понижают заработную плату и увеличивают безработицу, становится все больше и больше; кроме того, заработок уменьшается еще вследствие болезней, так что, в конце концов, рабочий, пользующийся достатком, все больше и больше обращается в миф: он не только не может рассчитывать выбраться из нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоит все глубже и глубже погружаться в нее.

Представим себе теперь случай, когда такой достаточный рабочий, вместо того чтобы продолжать откладывать свои сбережения в виде денег, заводит, накопив некоторую сумму, собственное предприятие. Это точно также делается все менее и менее осуществимым, потому что применение машин требует соединения очень больших капиталов и не дает возможности существовать отдельному предпринимателю; но допустим, что это возможно и что наш самостоятельный рабочий-хозяин работает один. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человеческая способность представляет собой капитал, вложенный в предприятие и обогащающий её обладателя, то мы видим здесь человека, вложившего и денежный капитал, и капитал в виде рабочей силы, и капитал умственный; а так как ему при этом не с кем делиться, то очевидно его капитал должен скоро удесятриться, а сам он – сделаться миллионером.

В действительности же рабочих, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существует, а мелкий хозяин, нанимающий двух или трех человек, живет лишь очень немногим лучше своих рабочих, причем он должен работать столько же, как и они, если не больше, потому что ему постоянно грозят различные платежи; он не может рассчитывать ни на какое улучшение своего положения и должен считать себя счастливым, если ему удастся удержаться на высоте своего сравнительного благосостояния и избежать банкротства. Большие доходы, крупные состояния, широкая жизнь составляют привилегию только крупных собственников, крупных акционеров, крупных фабрикантов, крупных спекулянтов, которые сами не работают, а нанимают целые сотни рабочих. Это ясно показывает, что капитал – действительно накопленный труд, но только труд других, собравшийся в руках одного грабителя.

Самым лучшим доказательством основного недостатка нашей общественной организации является тот факт, что машины – этот величайший шаг вперед, результат всех накопленных знаний, переходивших из поколения в поколение, машины, которые должны были бы пойти на пользу всех человеческих существ, которым они облегчают жизнь, увеличивая их производительную силу и уменьшая труд – в действительности приносят рабочим только

усиление их нужды и лишения. Из употребления машин извлекают пользу одни капиталисты, потому что машины дают им возможность сокращать рабочий персонал и, кроме того, вследствие розни, устанавливающейся благодаря безработице между занятыми и незанятыми рабочими, понижают заработок первых, так как нужда заставляет их соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитания их самих и их семьи. Так называемые естественные законы оказываются, таким образом, нарушенными благодаря их же собственному действию, а это показывает, что если даже это и «законы», то, во всяком случае, не законы «естественные».

С другой стороны, очевидно и то, что при всех своих капиталах, при всех своих машинах, капиталисты не могли бы ровно ничего производить без помощи рабочих, тогда как рабочие, если бы они согласились между собой и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться без капиталистов. Но дело не в том. Мы хотим сделать из сказанного только тот вывод, что раз капиталисты не могут ничего достигнуть без помощи рабочих, то из этого следует, что самым важным фактором в производстве являются именно эти последние и что им должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходит, что эта доля идет, наоборот, капиталистам, что чем меньше они работают, тем больше получают, тогда как рабочие чем больше производят, тем больше усиливают безработицу и уменьшают свои шансы стать потребителями? Каким образом происходит, что чем больше магазины ломятся под тяжестью продуктов, тем больше производители умирают с голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источником всеобщего довольства, становится, наоборот, причиной бедности того, кто его создал?

Из сказанного мы видим, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатирует других. История человечества показывает нам, что эта форма собственности не существовала в первых человеческих обществах, а начала выделяться из общей собственности рода или клана лишь на гораздо более поздней ступени эволюции – одновременно с выделением семьи из первоначального смешения полов. Это, конечно, не могло бы считаться аргументом против её законности, если бы только она не была основана на произволе; мы хотим только показать этим, как мало цены имеют аргументы защитников буржуазии, утверждающих, что собственность существовала всегда в таком виде, как теперь.

Да кроме того, разве те люди, которые теперь так возмущаются против анархистов, собирающихся отобрать у них силой их собственность, церемонились сколько-нибудь в 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или, когда они обманывали надежды крестьян, которые взялись за дело и стали вешать аристократов-помещиков, разрушать замки и завладевать поместьями? Разве целью всех этих конфискаций и продаж – фиктивных или по непомерно дешевым ценам – не было ограбить в свою пользу как прежних собственников, так и крестьян, рассчитывавших также получить свою долю? Разве это не было простым проявлением права сильного, которое они только прикрывали законными формами? Разве это лишение собственности не было еще более несправедливым, чем наше – даже если признать, что наше несправедливо, что совершенно неверно? Оно совершалось не в пользу коллективности, а ради обогащения нескольких торгашей, которые поспешили объявить войну нападавшим на замки крестьянам и начали расстреливать их как разбойников. Поэтому, когда буржуазию хотят заставить отдать свою

собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабят: сама эта собственность есть продукт кражи.

VI. Семья.

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Раз только люди соединились между собой под влиянием потребности устранить какое-нибудь препятствие, о которое бесполезно разбивались все их единичные усилия, прибыль, получаемая от этого соединения сил, должна была, несомненно, делиться между всеми. А так как, с другой стороны, общества были временными и их существование обуславливалось только достижением непосредственного результата, то эти первые человеческие группы должны были быть – как это мы видим у некоторых млекопитающих и у человекообразных обезьян, – группами семейными, т. е. такими, где одна или несколько самок собираются вместе с детенышами, вокруг одного самца, который для поддержания своей власти, выгоняет из своей группы молодых самцов по мере того, как они подрастают и грозят сделаться ему соперниками.

Было бы однако слишком смело заключить из этого, что власть самца господствовала беспредельно и повсюду с самого начала зарождения обществ: если у многих диких племен, где семейные единицы соединились в более значительные группы, мы и находим такую власть, то другие, очень убедительные примеры (например существование обычая, где мужчина, во время рождения ребенка разыгрывает роль родильницы) показывают нам, что власть, пользовавшаяся признанием прежде всего, это – власть матери над детьми[12].

У одних племен дети входят в род матери; у других – власть мужчины уже признается, но наследство переходит не к его детям, а к детям его сестры, что составляет как бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состоящий в том, что при рождении ребенка мужчина ложится в постель, принимает лекарства и получает поздравления, как родильница. Для установления своей власти над детьми отцу нужно еще очевидно доказать на деле свое отцовское право. Это было бы излишним, если бы такое право не оспаривалось всеми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися в памяти благодаря некоторым вызванным ими практическим приемам.

А сколько раз изменялись формы союза между мужчиной и женщиной? В самом начале существования человечества не было никаких форм брака, и в отношениях между полами царил полный беспорядок: каждый мужчина соединялся с любой женщиной, и каждая женщина принимала или терпела ласки всякого самца.

Когда человек развился и стал несколько менее грубым, смешение полов еще продолжало существовать, но уже начали различаться первые степени родства. Понятия отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещение союзов между племенами одного и того же тотема, имеющими общее происхождение; тем не менее женщины еще принадлежат всем мужчинам, а мужчины всем женщинам клана. Позже, с установлением власти мужчины как главы семьи, степени родства начинают различаться

лучше; однако браки между братьями и сестрами все еще происходят, и сын наследует без всяких стеснений гарем отца; для того, чтобы мать наследника не являлась частью наследства, нужно было сделать еще шаг вперед. Заметим, кроме того, что, если у некоторых племен мужчина может владеть несколькими женами, то есть и такие, где женщины имеют по несколько мужей.

Это постепенное развитие, это преобразование обычаев не совершается, однако, с логической правильностью, так, чтобы каждая форма исчезла с появлением новой, более сложной. Они смешиваются, переплетаются между собой и составляют амальгаму, в которой очень трудно разобраться. Они образуют всевозможные комбинации, сливаются друг с другом, устраняя в одном месте один обычай, в другом – другой, так что составить себе приблизительное понятие о ходе эволюции человечества можно только пользуясь наблюдениями прежних путешественников над прошлыми племенами, а также и наблюдениями над племенами, до сих пор существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иных началах и распределялась иначе чем теперь; современная её организация создалась только благодаря силе, хитрости и воровству. В самом деле, пока семья была родом ассоциации, в ней, очевидно, не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всем, обратилось в собственность нескольких, то это могло произойти только благодаря грабежу, в какой бы то ни было форме. Точно также и семья была, как мы видим, когда-то совершенно иной, чем теперь, и те буржуа, которые уверяют нас, что эти два учреждения покоятся на вечных и незыблемых законах, сами не знают, что говорят: нет никаких оснований думать, что то, что развивалось прежде, неспособно продолжать развиваться и в будущем. Их слова могли бы служить доказательством лишь одного – что оба эти учреждения, если только они действительно не развиваются, близки к падению, потому что, на основании общего закона органической жизни, все то, что не идет вперед, погибает и разлагается, уступая место новым организмам, еще имеющим перед собой в будущем целую эволюцию.

Буржуазии пришлось самой признать эту аксиому и, как поправку к браку, который она вначале хотела сделать нерасторжимым, ввести развод. Правда, развод возможен только в известных особых случаях и добиться его можно только посредством судебного процесса, бесчисленных хлопот и значительных затрат; тем не менее он, как бы то ни было, является аргументом против прочности семьи. После долгого сопротивления, необходимость его, все-таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащий в основе брак, он сильно расшатывает семью. Может-ли быть более ясное признание того, что будущее принадлежит свободному союзу и что закреплять обрядом то, что другой обряд может расторгнуть, совершенно бесполезно? Зачем заставлять одного человека, опоясанного трехцветным шарфом, освящать союз, который три других человека в судейских тогах и шапках смогут признать недействительным?

Вот почему анархисты отрицают организацию брака и думают, что если два человека любят друг друга, то им нечего ждать позволения третьего, чтобы соединиться; раз они этого хотят, обществу нет до этого никакого дела и ему нечего вмешиваться. Кроме того, потому только, что они раз отдались друг другу, союз мужчины и женщины не становится

нерасторжимым, они не обязаны жить вместе до самой смерти, даже если они перестанут друг другу нравиться: то, что их свободная воля сделала, та же свободная воля может и уничтожить.

Может случиться, что под влиянием страсти и увлечения они видели друг в друге только хорошие качества и закрывали глаза на дурные; но вот они сошлись, и совместная жизнь сгладила эти хорошие качества, выдвинув, наоборот, недостатки и разные шероховатости, с которыми они не умеют справиться. Следует-ли из этого, что только потому, что эти люди обманулись друг в друге в момент возбуждения, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую их принять за вечное и глубокое чувство то, что было в действительности лишь результатом увлечения?

Конечно нет! пора нам прийти к более здоровым понятиям. Как будто бы любовь не оказывалась всегда сильнее всевозможных законов, правил приличия и осуждений, которыми старались окружить проявления полового влечения! Разве порицание, с которым относятся к жене, обманывающей своего мужа (мы не говорим о мужчине, который сумел завоевать себе свободу в этом отношении), или то положение парииской[13], на которое наши чопорные общества обрекают незамужних матерей, мешали хоть когда-нибудь женщинам обманывать своих мужей, а девушкам – отдаваться тому, кто им понравился или кто сумел воспользоваться моментом, когда чувство заглушило голос рассудка?

Вся история, вся литература переполнена рассказами об обманутых мужьях и обольщенных девушках. Половая потребность – первый двигатель человека; тайно или явно, но в конце концов он всегда уступает ей.

Существуют некоторые страстные, но слабые и робкие натуры, убивающие себя вместе с любимым человеком, потому что они не решаются порвать с предрассудками, не имеют достаточно нравственной энергии чтобы бороться с препятствиями, которые ставят им наши нравы, или глупость родителей; но на этих немногих приходится целая бесчисленная масса людей, не обращающая – втайне – никакого внимания на предрассудки. Единственное, к чему это приводит, – это, что мы становимся обманщиками и лицемерами.

Зачем непременно стремиться регламентировать то, чему удалось уцелеть, несмотря на целые века угнетения? Признаем лучше раз и навсегда, что человеческие чувства не поддаются никакой регламентации и что для их полного и нормального развития нужна полная свобода. Не будем такими чопорными: мы станем, зато, откровеннее и нравственнее.

Мужчина, владеющий собственностью, стремится передать продукт своих грабежей наследникам; с другой стороны, женщина до сих пор считалась существом низшим, скорее собственностью, вещью, чем сотоварищем. Понятно, поэтому, что для обеспечения своего господства над женой и возможности передать свое имущество по наследству, мужчина стремился сделать семью нерасторжимой. А, так как эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгоде, то чтобы помешать ей распасться под влиянием противоположности интересов, нужна была внешняя сила.

Анархисты, которых обвиняют в желании разрушить семью, хотят, наоборот, разрушить именно этот антагонизм, основать семью на взаимной любви и сделать ее таким образом более прочной. Если мужчина и женщина хотят прожить вместе до конца своих дней, то анархисты нисколько не хотят мешать этому, только на том основании, что союзы стали свободными. И когда они говорят, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотреть на него как на вещь или собственность родителей, они вовсе не думают мешать отцам и матерям воспитывать своих детей. Правда, они хотят уничтожить *юридическую* семью и сделать так, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда им угодно. Они отрицают вмешательство глупого и единообразного закона в такие сложные чувства, как те, которые связаны с любовью.

Если, действительно, как говорят защитники регламентации брачных отношений, человек склонен к непостоянству, если его любовь не может прочно остановиться на одном предмете, то что же делать? Раз до сих пор все стеснения ни к чему не повели и только создали новые пороки, то предоставим лучше человеческой природе свободу: пусть она развивается в том направлении, куда влекут ее её стремления. У человека хватит теперь с лихвой ума, чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидеть на опыте, в каком именно направлении нужно идти. Если законам эволюции будет предоставлена свобода, то мы уверены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на стороне наиболее приспособленных, наилучше одаренных.

Если же, как мы думаем, стремления человека влекут его, наоборот, к единоженству, к прочному союзу двух существ, которые, раз встретившись, научились понимать и ценить друг друга и в конце концов как бы слились в одно, потому что их союз становится все полнее и теснее, их воля, желания и мысли все более и более тождественными, то для таких людей законы, принуждающие их жить вместе, еще менее нужны: их собственная воля служит лучшей гарантией нерасторжимости их союза.

Когда мужчина и женщина перестанут чувствовать себя прикованными друг к другу, то если они действительно друг друга любят, каждый из них будет стараться заслужить любовь избранного им существа. Когда каждый будет чувствовать, что любимый человек всегда может бросить семейное гнездо, раз только он не находит в нем того удовлетворения, о котором мечтал, он будет стараться сделать все возможное, чтобы привязать его к себе вполне. Как некоторые птицы, которые в пору любви одеваются, для привлечения самок в яркие перья, люди будут культивировать в себе такие нравственные качества, которые смогут внушить к ним любовь и сделать их общество приятным. И такого рода чувства сделают союзы гораздо более нерасторжимыми, чем самые жестокие законы и самое сильное угнетение.

Мы, собственно, не занимаемся здесь критикой современного брака, который в сущности равносителен самой наглой проституции: браки по расчёту, в которых чувство не играет никакой роли, браки, заранее устраиваемые семьями – особенно семьями буржуазными, – причем у тех, кого соединяют таким образом, не спрашивается согласия; браки неравные, где разрушающиеся старики соединяются, благодаря своим деньгам, с полными свежести и красоты молоденькими девушками; браки, где старухи покупают за деньги любовь молодых людей, платящихся своим телом, да еще некоторым позором за свою жажду обогащения.

Эти браки уже много-много раз критиковали, и возвращаться к этому – лишнее. С нас достаточно было показать, что половой союз не всегда был окружен одними и теми же формальностями и что он делается наиболее достойным тогда, когда избавится от всяких стеснений. Другого выхода бесполезно даже искать[14].

VII. Государственная власть [15].

Вопрос о государственной власти так тесно связан с вопросом о собственности, что, говоря о последней, мы были вынуждены говорить и о развитии первой. Теперь мы не будем возвращаться к этому, а ограничимся разбором современной нам формы власти – той, которая основана на всеобщем избирательном праве и законе большинства.

Мы уже видели, что легенда о божественном происхождении собственности и власти исчезла, и что буржуазии пришлось искать для них другое, более прочное основание. Она сама содействовала уничтожению «божественного права», сама помогала борьбе против права сильного; на место его она постаралась, прежде всего, поставить силу денег, в форме известного ценза для права выбора в палату, т. е. такого порядка, при котором избирателями могли быть только люди, платившие известную сумму налогов. Позже стали говорить о том, чтобы присоединить к этим избирателям еще и людей «способнейших»: это было требование разорившейся части буржуазии. Но все это не могло долго тянуться: раз только государственная власть становилась предметом обсуждения, она уже теряла часть своей силы; те, которые раньше не участвовали в выборе правителей, начинали также требовать права голоса в этом вопросе.

Буржуазия боялась народа и не соглашалась ни на какие уступки; власть была в её руках и ей хотелось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщего избирательного права, рабочим пришлось прибегнуть к революции. Но те буржуа, которым они при этом дали в руки власть, прежде всего поспешили урезать, по возможности, приобретенные народом права, с целью как-нибудь обуздать это чудовище, которое, как им казалось, вот-вот поглотит их. Лишь долгое время спустя, лишь увидав на практике, как функционирует это новое право, они поняли, что оно не грозит никакой опасностью их привилегированному положению, что оно – не больше как инструмент, на котором нужно только уметь играть, и что этот знаменитый орган рабочих требований, который рабочие уже считали своим достоянием, (ведь они купили его ценой своей крови!) есть в сущности лишь усовершенствованное орудие господства, порабащающее людей, которые им пользуются, в то время как сами они, наоборот, думают, что освобождаются.

Что такое в самом деле всеобщее избирательное право, как не право управляемого выбирать того человека, который будет им управлять, право выбирать ту розгу, которая будет его сечь? Избиратель свободен... в выборе себе господина, но он не имеет права не хотеть никакого господина, потому что иначе им будет править тот, кого выберут его соседи. В тот момент, когда он упустил в урну свой избирательный бюллетень, он подписал свое отречение: он должен теперь подчиняться всем капризам избранных им правителей; они будут создавать законы, будут прилагать их к нему, а если он будет противиться –

посадят его в тюрьму.

Мы не имеем намерения ни критиковать здесь систему всеобщего избирательного права, ни рассматривать все те поправки, которые стремятся в нее внести с целью заставить выборных исполнять свои обещания и таким образом оградить избирателя от их капризов и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы нас слишком далеко, да кроме того и не имело бы для нас значения, потому что мы хотим показать, что ни власти большинства, ни власти «божественного права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кроме своей собственной воли. Кроме того, если мы разберем механизм правления большинства, то увидим, что нами в сущности управляет даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое из состава другого меньшинства, которое, в свою очередь, есть опять-таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первых, права принимать участие в голосовании лишены, совершенно произвольно, женщины и дети, которые, однако, подчиняются законам, как и все. Если, кроме того, мы вычтем всех тех, кто по тем или другим причинам не пользуется этим «правом», то у нас останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способным выбирать правителей для всех.

Во-вторых, когда происходят выборы, то, теоретически, вопрос о том или другом избранном должен зависеть от решения большинства; на практике же всегда бывает несколько – шесть, восемь, десять и иногда и больше – кандидатов, и голоса избирателей распределяются между ними, не говоря уже о тех избирателях, которые, не находя среди толпы кандидатов представителя своего мнения, подают голос в противоречии сами с собой. Таким образом, избранный является здесь представителем опять-таки меньшинства, уже второго.

В-третьих, когда избранные соберутся вместе, то, теоретически, вопросы должны точно также решаться среди них большинством, но на практике и здесь мнения дробятся на множество групп и подразделений и, в результате, решающий голос остается за маленькими кучками честолюбцев, которые держатся посередине между крайними мнениями и отдают свои голоса то тем, то другим, смотря по тому, что для них оказывается более выгодным.

Мы видим, таким образом, к каким скромным размерам сводится пресловутое всемогущество избирателя; заметим при этом, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопрос и предположили, что каждый поступает честно и последовательно. Если же мы примем в расчёт все связанные с этим интриги, обманы, личные расчёты, если мы вспомним, что, прежде чем стать окончательными, проекты законов должны пройти через другое законодательное собрание – Сенат, избираемый другой категорией избирателей, если мы подумаем о том, что в Палате находится пятьсот с лишним депутатов, а каждый избиратель выбирает только одного, так что его воля представляет не более, как одну-пятисотую общей воли, да и то Сенат может ее еще сократить, то мы увидим, что участие каждого в управлении так ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имеет еще и другие вредные последствия в том отношении, что оно ведет к царству ничтожества и посредственности. Мы сейчас это докажем.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже поэтому одному имеет за себя вначале только меньшинство. Широких умов, способных ее воспринять и стать её защитниками, бывает очень немного. Это – общеизвестная истина, из которой прямо следует, что люди действительно развитые и обладающие широким умом всегда бывают в меньшинстве. Большинство же стоит за средние, общепринятые идеи и выбирает того депутата, который, именно с целью быть избранным, старается не идти наперекор предрассудкам и привычным взглядам избирателей. Чтобы сгруппировать вокруг себя как можно больше лиц, ему нужно, наоборот, сгладить некоторые острые углы и приготовить целый запас общих мест для разговоров с теми, чьих голосов он добивается. Чтобы не испугать их, ему придется показаться еще глупее, чем они, и чем он будет бесцветнее, ничтожнее и посредственнее, тем больше будет у него вероятности быть избранным.

Посмотрите на то, как идет жизнь всевозможных обществ – комитетов, профессиональных рабочих союзов, обществ взаимопомощи, различных обществ художников, литераторов и т. п.: в их иерархической организации, основанной на избрании, все должности оказываются занятыми наиболее посредственными личностями – такими, которые стоят ниже других по своему тщеславию, желанию выдвинуться и стать известными или создать себе положение на счет других, по своей большей или меньшей склонности к интригам. Всякий независимый ум, стремящийся только к осуществлению своего идеала, всегда будет неприятно поражать тех многочисленных людей, которые следуют только рутине, и всегда такие люди будут его травить. Тому, кто ищет правды и стремится к её распространению, некогда унижаться до мелких закулисных интриг, и его всегда побьет в избирательной борьбе тот, кто не имеет за душой ничего своего, живет общепринятыми идеями и поэтому очень легко может сгладить различные острые углы (которых у него, впрочем, и нет), так чтобы не вооружать против себя никого. Чем больше мы будем стремиться удовлетворить всех, тем ниже должен будет быть уровень наших идей, тем полнее должны мы будем отбросить все новое и оригинальное, тем наши мысли будут ничтожнее, бледнее и посредственнее. Вот к чему сводится вся избирательная система; это – ничто иное, как натянутая ослиная шкура, издающая звук только тогда, когда ее хотят заставить звучать.

К несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критике, что ее уже осуждают и осмеивают, самый принцип еще крепко держится в наших нравах. Люди так привыкли, чтобы ими руководили, что им кажется, что они пропадут, если только не будет никого, кто бы вел их на помочах[16]. Они так привыкли встречать во всех случаях жизни жандарма, мэра, надоедливых и грубых чиновников, лисьи физиономии полицейского и судьи, что приспособились в конце концов к этому отвратительному общению и стали думать, что все это – учреждения, конечно, неприятные, которые при случае недурно как-нибудь надуть, но обойтись без них нечего даже и думать, потому что тогда человечество сразу погибло бы. Странное противоречие человеческого ума! Люди с неудовольствием переносят эту власть, насмехаются над ней, стараются где возможно обмануть ее – и вместе с тем считают себя погибшими, как только речь заходит об её уничтожении! Все, должно быть, зависит от привычки.

Это тем более нелогично, скажем больше: тем более бессмысленно, что для каждого отдельного человека идеал *хорошего* правительства, это – такое правительство, которое бы он всегда мог прогнать, если только оно помешает ему делать что он хочет. И вот для того-то, чтобы подделаться под этот идеал, буржуазия и выдумала так называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики так популярна среди рабочих, если, несмотря на столько разочарований, они все-таки смотрят на всеобщее избирательное право, как на орудие своего освобождения, то это происходит от того, что им внушили, что, заменив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут заменить угнетающую нас систему эксплуатации другим общественным строем, который даст всем довольство и счастье. Это – глубокая ошибка – ошибка, благодаря которой разным интригам удастся увлечь рабочих на путь достижения якобы реформ, которые нисколько не могут изменить их положения, а только приучают их ждать всего от перемен в составе лиц того, созданного для нашего угнетения, механизма, который называется Государством. Эта ошибка повела к тому, что во всех революциях различные интриганы обращали в свою пользу победу народа, занимали синекуры[17] прежних правителей, снесенных революционной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоров, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, заставляли замолчать и подчиняться тех самых наивных людей, которые имели глупость предоставить им власть.

Сколько в человеческом уме гнездится противоречий! Когда мы рассуждаем с людьми более или менее разумными, то они часто готовы бывают согласиться с тем, что «если бы все люди вели себя как следует, то не было бы надобности в правительстве; мы сами, пожалуй, обошлись бы и без него. Но, к несчастью, не все люди таковы: нашлись бы такие, которые захотели бы злоупотребить своей силой для угнетения других, жить на их счет и ничего не делать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы их образумить». Другими словами, это значит, что, взятые все вместе, люди слишком дурны, чтобы суметь между собой столкнуться, но что взятые в отдельности, или кучками, они сумеют управлять другими; поэтому нужно поскорее облечь их властью, которая дала бы им возможность заставить себе повиноваться. Бедная логика! Чего только не делает с тобой человеческий ум!

Как будто бы люди, правящие другими, не будут всегда – пока только они будут существовать – во вражде с управляемыми! Как будто бы у людей, стоящих у власти, даже если они искренни, не будет своих собственных взглядов, которые они будут стараться провести в жизнь! Эти взгляды могут быть хорошими, но могут быть и дурными. Если бы они растворились в массе, они остались бы без влияния, но, если в руках их сторонников находится власть, они будут силой навязаны тем, кто с ними не согласен. И чем искреннее будут стоящие у власти люди, тем безжалостнее они будут по отношению к своим противникам, потому что они будут убеждены, что работают на пользу человечества.

Мы уже видели в одной из предыдущих глав, что наше политическое рабство зависит от нашего экономического положения; если у нас существуют жандармы, судьи, министры и т. п., то это оттого, что у нас есть банкиры, собственники и т. д., – одно неразрывно связано с другим. Если нам удастся свергнуть тех, кто эксплуатирует нас в мастерской, если мы избавимся от тех, кто морит нас голодом, то не будет надобности и в силе, которая бы их

защищала, и существование этой силы станет совершенно бесцельным.

В настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы их издавали, судьи, которые бы их прилагали, полиция, которая бы заботилась об исполнении решений судей, потому что люди, захватившие себе все, нуждаются в силе, чтобы защищаться против требований тех, кого они ограбили. Но рабочий, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счет и не приносящая ему никакой пользы, кроме разве того, что она напоминает ему, что у него есть всего одно право: **право умереть с голоду посреди созданных им богатств.**

В мрачные дни народных восстаний, когда обострившаяся нужда заставляет рабочие массы выйти на улицу, перед ними опять-таки встают те же «общественные» учреждения и опять-таки загораживают ему путь к лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить их и ни в каком случае не создавать новой аристократии, у которой будет всегда только одна цель: как можно лучше и как можно скорее воспользоваться жизнью на счет своих «облагодетельствованных» поданных. Но все ли нам равно, какая рука нас бьет: мы хотим, чтобы нас больше совсем не били.

Не будем забывать, что, каким бы именем не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какие бы поправки в нее не вносили, как бы не вербовались входящие в состав правительства личности, – всегда будет два возможных случая: или её решения будут иметь силу закона и будут обязательными для всех – тогда для поддержания этих законов ей будут нужны все учреждения, существующие теперь, и тогда нужно отказаться от мысли быть свободными; или же личности будут иметь право обсуждать правительственные решения, соблюдать их, если им это нравится, и не обращать никакого внимания на власть, если они этого не хотят – тогда мы остаемся вполне свободными, но правительство становится бесполезным: оно в таком случае только лишняя помеха и лишняя угроза.

Вывод из этого может быть только один: нам не нужно никакого правительства.

VIII. Судебная власть.

Мы уже видели, что власть вытекает из того права, которое присваивает себе сила. Но по мере того, как умственный горизонт человека расширился, этой власти приходилось оправдывать чем-нибудь свое существование; и вот она стала опираться на религию и поддержку духовенства, приписала себе божественное происхождение и создала особую замкнутую касту, которая впоследствии начала противиться грубой силе короля и высшей аристократии: так создавалась судебная власть. Когда же в 1789 году, власть перешла в руки буржуазии, то она, конечно, оставила в неприкосновенности этот «столп» общественного порядка, тем более, что высшие судебные должности находились, как и военные, в её руках. Все ограничилось тем, что способ замещения этих должностей был преобразован в соответствии с духом времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный удар «божественному праву», и судебной власти, если она не хотела подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вот тогда-то изобрели, или, вернее, возвели на степень божества *закон*, а судебная власть стала его «неподкупной» блюстительницей и исполнительницей. Цель была, таким образом, достигнута: самое опасное учреждение, самое необходимое орудие для защиты привилегированных классов удержалось на месте, сделавшись жрецом нового божества – *закона*, – созданного новыми властителями.

Подчинение Франции царству *закона* представляет собой одно из тех завоеваний 1789 года, которые особенно охотно прославляют буржуазные историки. Сведение всей власти к своду законов повело прежде всего к тому, что узаконило самый ужасный произвол: все французы оказались теперь равны перед законом, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всех был теперь только один властелин; перед ним, правда, нужно было преклоняться, но это все-таки вносило некоторое равенство. Таким властелином стал *закон*.

Но если, вместо того, чтобы обманывать себя словами, мы разберем, что выиграли рабочие от этой перемены, то увидим, что они только лишний раз оказались обманутыми. В самом деле, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простого человека служить себе, то положение было ясно: «такова наша воля», говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекает их право. Они опирались только на свою шпагу, на которую рассчитывали гораздо больше, чем на волю Божью, т. е. черпали свое право только из силы. Их приказания исполняли, их капризы сносили, но только потому, что нельзя было им сопротивляться; не было, по крайней мере, глупцов, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованных лиц, что таков закон, а закону каждый обязан подчиняться, пока он не отменен.

Но признавая, что закон может изменяться, мы тем самым признаем, что он может сделаться отсталым, а, следовательно, по самому существу своему, для кого-нибудь вредным, потому что всегда есть люди, идущие впереди своего времени. Но в таком случае

закон окажется несправедливым и не сможет претендовать на то уважение, которым его хотят окружить. В самом деле, если закон угрожает моим интересам или моей свободе, то на каком основании меня принуждают ему подчиняться и где тот вечный и неизменный принцип, который оправдывал бы это насилие надо мной?

Когда в науке, ученые, после долгих трудов и изысканий, формулируют то, что называется естественным законом, то при этом не бывает никакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя стоящими выше всех обыкновенных смертных и решили, что согласно их желанию, естественным силам природы предписывается следовать тому или иному пути эволюции. Если бы кто-нибудь вздумал предъявить такие претензии, то ему только рассмеялись бы в лицо. Когда говорят о каком-нибудь естественном законе, то это значит, что если такое-то явление, такое-то химическое соединение происходит, то это потому, что при данных условиях, в присутствии такой-то силы или такого-то химического сродства[18], оно не могло не произойти. Такие-то силы, приходящие в действие при таких-то обстоятельствах, приводят к таким-то результатам, это вычисляется с математической точностью. Открытый закон, таким образом, не *управляет* явлениями, а только *объясняет* их причины. Можно оспаривать эти законы, сомневаться в них, даже отрицать их; различные тела, составляющие нашу вселенную, не перестанут от этого соединяться сообразно своим свойствам и своему сродству, земля не перестанет вертеться – и при этом не будет никакой надобности в силе, которая бы охраняла правильность их эволюции и наказывала тех, кто захотел бы ее нарушить.

В нашем обществе дело стоит совершенно иначе: законы как будто бы только для того и существуют, чтобы их нарушали. Это зависит от того, что люди, которые их создавали, учитывали только свои личные вкусы, интересы того общественного класса, который они представляют, средний уровень нравственного развития своего времени, а вовсе не характер, стремления и склонности тех, кого хотели подчинить; это было бы, впрочем, и невозможно в виду разнообразия индивидуальных характеров и наклонностей. Каждой частности соответствует свой закон; в социологии также не может быть единого и всеобщего закона для всех случаев, как и в физике; такой закон оказался бы произвольным и неприложимым. И действительно, в нашем обществе нет ни одного закона, который не был бы вредным для тех или других из составляющих его членов – или по отношению к их интересам, или по отношению к их идеям, – ни одного закона, который бы каждая партия, одержавшая победу, не могла обратить в оружие против своих врагов. Всякая партия, раз она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, через посредство своих органов, его применяет.

Мы можем, поэтому, заключить, что раз закон есть лишь проявление воли сильного, ему следует подчиняться только тогда, когда нет сил противиться; но он ничем не оправдывается и пресловутая *законность* есть лишь вопрос о большей или меньшей силе. Поэтому, когда некоторые шарлатаны, говоря с рабочими, ссылаются на законность, как на главный аргумент, рабочие имеют право рассмеяться им в лицо и спросить, советовались ли с ними те люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда-нибудь и были ими приняты, то во всяком случае они могут иметь силу только до тех пор, пока принявшие их считают их полезными и соглашаются соблюдать их. Странно было бы, в самом деле, если бы, только потому, что мы в тот или другой момент приняли известную

линию поведения, нас хотели заставить держаться её во всю остальную нашу жизнь, не внося в нее никаких изменений, только потому что это может не понравиться некоторым другим людям, которые в силу различных причин находят существующий порядок вещей хорошим и хотят удержать его навсегда. Но что еще смешнее – это желание заставить нас подчиняться законам прошлых поколений, уверить нас, что мы обязаны уважать те измышления, которые несколькими человекам вздумалось каких-нибудь пятьдесят лет тому назад возвести в закон; смешна эта дерзость, с которой люди решаются поработать настоящим понятием, ставшим достоянием прошлого.

Но тут мы слышим возражения всех изобретателей законов, всех тех, кому их существование выгодно, а также и наивных людей, идущих за ними: «как!» восклицают они, «общество не могло бы существовать без законов; люди перегрызлись бы между собой, если бы не было власти, пекущейся о них и удерживающей их в пределах страха и уважения к существующим положениям». Но мы увидим, что никакие законы, никакое принуждение не могут ни утратить, ни предупредить преступлений, потому что эти преступления – результат нашей дурной общественной организации; нужно поэтому заботиться не об удержании или изменении существующих законов, а о преобразовании всего нашего общественного строя.

Но больше всего нас возмущает то, что находятся люди, которые решаются быть судьями других. Еще можно понять, что в те времена, когда власть опиралась на божественное происхождение и правосудие считалось исходящим от самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, наделенными, по воле Божьей, частицей его всемогущества и непогрешимости, и способными распределять награды и наказания среди обыкновенных смертных.

Но в наш век науки и свободной критики, когда все признают, что все люди созданы одинаковыми, подвержены одним и тем же страстям, одним и тем же увлечениям и ошибкам; когда умирающее Божество уже не вдохновляет всегда рискующий ошибиться человеческий ум, мы совершенно не понимаем, как могут существовать люди, у которых хватает дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и хладнокровно такую страшную ответственность, как отнять у другого человека жизнь или часть его свободы.

Каждый день, в самых обыкновенных жизненных делах нам приходится останавливаться не только перед разрешением вопроса о причинах, побудивших к тому или другому поступку окружающих нас людей, но даже перед объяснением своих собственных побуждений; каким же образом мы можем быть настолько высокого мнения о себе, чтобы считать себя способными разобраться в деле, где нам неизвестны ни начало, ни участники, ни побудительные причины, где все является в преувеличенном и искаженном виде, с комментариями разных участвующих в нем или даже только слышавших о нем людей?

Вы, являющиеся строгими и непогрешимыми судьями этого человека, укравшего или убившего, – разве вы знаете побудившие его на это причины? Разве вы знаете все условия среды, наследственности, даже случайные обстоятельства, повлиявшие на его мозг и заставившие его совершить тот поступок, который вы ставите ему в упрек? Вы,

непогрешимые люди, налагающие проклятие на того «подсудимого», которого полиция привела и поставила перед вами, – задавались ли вы когда-нибудь вопросом о том, не поступили-ли бы и вы так же как он, если бы вы были поставлены в те же условия? Даже если бы вы, в самом деле, были такими непогрешимыми, нравственными людьми, какими вас считают, то и тогда, имея в руках право безжалостно разбить человеческую жизнь и свободу, вы не решились бы высказывать своих приговоров, если бы вы действительно подумали о непрочности всего человеческого. Если бы вы сознали, что вы делаете, вы в ужасе отвернулись бы от этого дела! Неужели после этого вы могли бы проводить ночи без кошмаров? Неужели вас не мучили бы призраки жертв вашего так называемого правосудия? Нет, только бессознательность – результат глупости и привычки – дает вам силу не сломиться под тяжестью упреков совести и призраков ваших жертв.

Наше время критики и положительной науки не признает законности какой-нибудь высшей власти, награждающей добрых и наказывающей злых. Этот принцип был вполне логичен на известной ступени развития человечества, но теперь он устарел, и мы противопоставляем ему другой. Каждый из нас считает действия других людей хорошими или дурными, смотря по тому, приятны они ему или неприятны, и сам поступает соответственно этому. Он одобряет, восторгается, или нападает, смотря по тому, соответствует ли данный поступок его выгоде, его чувству, или его понятию об идеале. Общая потребность в солидарности, заставляющая людей, подверженных одним и тем же нападениям, соединяться для общей защиты, кажется нам лучшей гарантией будущего общественного строя, более спокойного, чем наш. Мы не судим: мы только действуем и боремся, и думаем, что всеобщая гармония сама явится результатом свободной деятельности личностей, как только уничтожение частной собственности сделает невозможным, чтобы какая-нибудь горсть людей держала в порабощении всех остальных.

Итак, мы не признаем, чтобы через каких-нибудь шесть недель, или шесть лет после совершения известного поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имела право собраться и, во имя отвлеченного понятия, наказывать или награждать совершившего этот поступок человека. Все это – одна трусость и лицемерие: вы обвиняете этого человека в убийстве и, чтобы показать ему, что он поступил дурно, сами убиваете его через посредство палача – наемного убийцы на службе у общества. Ни у вас, ни у этого палача, не будет даже того смягчающего обстоятельства, что вы рискуете своей жизнью: вы действуете под прикрытием защищающей вас вооруженной силы. Мы, борющиеся с господствующим классом, говорим судьям: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте нас в покое с вашими громкими фразами; поддерживайте те привилегии, защита которых вам поручена, употребляйте силу, которую общее невежество дает вам в руки, но оставьте в покое правосудие и справедливость: они не имеют ничего общего с тем, что вы делаете.

Чтобы мы могли как следует оценить вашу роль охотников, травящих зверя, нам бы хотелось, чтобы вы как-нибудь попали, будучи невинными, в руки ваших сотоварищей-судей, которые бы стали в свою очередь судить вас. Вы бы узнали тогда, сколько тревог и мучений должны были пережить те подсудимые, которые проходили перед вами и которыми вы играли как кошка мышкой. Под впечатлением потоков прокурорского красноречия, шумящих над вашей головой, перед вами встали бы призраки всех тех

несчастных, которых вы, в течение своей карьеры, принесли в жертву на алтаре общественного возмездия, и вы с ужасом спросили бы себя: не были ли и они также невинны как я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь из вас пришлось пережить, будучи несправедливо обвиненным, мучения всех тех, кого вы видите перед собой на скамье подсудимых, – потому что, если бы когда-нибудь его невинность была обнаружена, и он вновь вернулся на свой пост, то он по всей вероятности явился бы в суд только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда он судил наугад и торговал человеческой жизнью.

IX. Право карать преступления и отношение к нему ученых.

Современная наука твердо установила, что человек есть ничто иное как игрушка в руках, действующих на него сил и что свободы воли не существует: среда, наследственность, воспитание, климатические и атмосферные влияния оказывают на человека свое действие, сталкиваясь и комбинируясь различным образом между собой; они управляют человеком и заставляют его вертеться, как вертится волчок, пущенный рукой ребенка. В зависимости от наследственности, воспитания и окружающей среды, человек будет больше или меньше подчиняться одним силам или сопротивляться другим, но во всяком случае его нравственная личность будет создаваться под их влиянием.

Однако, установив все эти положения, некоторые ученые, во главе с Ломброзо[19], сделали попытку показать существование особого преступного типа. Они занялись определением тех аномалий, которые, по их мнению, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконец, пришли к выводу о необходимости строгих наказаний, вечного тюремного заключения и тому подобное. Казалось бы, что раз человек действует под влиянием внешних причин, он не может быть ответственным за свои поступки; ученые это признают, но это не мешает им говорить о необходимости карательных мер! Ниже мы вернемся к объяснению этого противоречия, а пока посмотрим, какие именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступника. В числе их мы находим: следы старых ран, аномалии кожи, ненормальное строение ушей и носа, следы татуировки. Есть еще и многие другие, которые имеют также мало отношения к духовному складу человека, как и эти, но, не обладая специальными познаниями в области анатомии, мы не будем входить в их разбор. Ограничимся пока только перечисленными. Итак, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человек, у которого есть следы старых, не может быть ничем иным, как только закоренелым преступником, особенно если он получил эти раны где-нибудь на работе, или рискуя своей жизнью для спасения другого! До сих пор мы всегда думали, что преступление состоит скорее в нанесении ран, чем в их получении, но оказывается, что наука решила иначе: преступник – тот, кто позволил себя ранить. Что-ж, нам остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились над решением вопроса о том, какое они могут иметь отношение к свойствам человеческого мозга. Мало того: Ломброзо сам признает, что многие из тех признаков, на которые он указывает, как на аномалии, очень часто встречаются и у тех, кого он называет людьми порядочными. Но ведь в таком случае эти аномалии являются общим правилом! А

мы-то думали до сих пор, что аномалия, это – свойство, выходящее из общего правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говорит нам противоположное – печальное противоречие, наглядно показывающее, как люди, специализировавшиеся на одном каком-нибудь вопросе, на одном уголке науки, теряют в конце концов всякое ясное представление о целом и стремятся только к одному: свести все к своей специальности.

Иметь уродливое ухо или уродливый нос – особенно нос, конечно очень неприятно, особенно если этот недостаток принимает слишком смешную форму. Нет ничего красивого в том, чтоб иметь на лице какой-нибудь нарост или пятно; очень часто это бывает одинаково неприятно как для самого человека, так и для тех, кто на него смотрит. Однако мы всегда думали, что иметь такого рода уродство и без того достаточно горестно, чтобы еще вдобавок на человека смотрели как на преступника. Но так как таково именно мнение Ломброзо, то нам остается только довести его до крайних последствий и потребовать, чтобы акушеров и врачей обязали убивать всех новорожденных, являющихся на свет с уродливым носом или ухом. Всякое пятно на коже составляет верный признак нравственной испорченности. Возьмите, например, меня: у меня, помнится, есть где-то на теле такие пятна, а к тому же я – анархист, что уже само по себе считается некоторыми признаком преступности; все это отлично подходит одно к другому и ясно говорит за то, что я должен стать преступником. А, следовательно, нужно предать меня смерти: теория очевидно предсказывает мне смерть на эшафоте. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всем, кто под нее подходит, то, может быть, в живых осталось бы очень мало людей, но зато каким бы совершенным оказалось человечество и в нравственном и в физическом отношении! Никогда не нужно отступать перед логическими последствиями какой-нибудь теории, когда она основывается на наблюдении, как теория Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признаком особенно высокого эстетического развития: это – атавизм, под влиянием которого люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшениями – совершенно так же, как это делали наши предки в каменный век. Тот же самый атавизм заставляет до сих пор многих женщин прокалывать себе уши, чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящие камни, совершенно так же, как бразильские ботокуды и некоторые австралийские и африканские племена прорезывают себе губы, носовой хрящ, или уши и вставляют туда круглые куски дерева или металла, что, с их точки зрения, придает им необычайную красоту.

Мы всегда считали эти приемы чересчур первобытными, но до сих пор не видели в них никакого проявления жестокости; однако, раз уж Ломброзо нас просветил, то мы надеемся, что нас избавят не только от людей, которые себя татуируют, но и от тех женщин, которые прокалывают себе уши или красят волосы.

Тот же ученый сделал попытку установить на таких же шатких основаниях и тип политического преступника; но разбор этого завлек бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся критикой его теории преступности в собственном смысле слова.

Нашлись, впрочем, другие, более развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критике эти чересчур фантастические соображения и доказали, как мало значения имеют те

признаки преступности, которыми хотели наделить людей, обозначенных кличкой преступников. Проф. Мануврие[20], например, в своих лекциях в Парижской Антропологической Школе (1890–1891 г.г.) блестящим образом разбил теорию Ломброзо и его последователей. Показав, прежде всего, неосновательность самих наблюдений, на которых итальянский ученый и его последователи основывались для характеристики своего преступного типа, для которого они избрали людей, уже искалеченных тюрьмой или вообще ненормальной жизнью, Мануврие говорит затем, что у людей могут быть известные склонности к тому или другому роду поступков, но они не врождены строением мозга или скелета человека, который неизбежно совершил бы их, и таким образом сделался бы преступником. Известного рода склонность может с одинаковой вероятностью привести человека, смотря по обстоятельствам, как к поступку, который считается похвальным, так и к поступку, считающемуся преступным.

Например, большая мускульная сила может, в момент гнева, сделать из человека убийцу, но она же может сделать из него и полицейского, задерживающего преступника. Сильные страсти, презрение к опасности и к смерти, которую человек с одинаковой легкостью готов и причинить другому и встретить сам – все это одновременно – и пороки, встречающиеся у преступника, и добродетели, требующиеся от солдата. Изворотливый ум, склонный к обману, вкрадчивый и лживый, могут сделать из человека плута, совершающего целый ряд краж и мошенничеств; но, вместе с тем, это – те же самые свойства, которые нужны для хорошего сыщика и следователя.

Идя последовательно за своей аргументацией, Мануврие приходит к тому выводу, что иногда бывает очень трудно отличить так называемого преступника от так называемого честного человека и что многие из тех, которые находятся на свободе, должны были бы быть в тюрьме, и наоборот.

Но, признав вместе со всеми другими учеными, что человек есть ничто иное как игрушка в руках внешних сил, по равнодействующей которых он движется в каждый данный момент, что свободы воли не существует, что правосудие есть отвлеченное понятие, в действительности сводящееся к воздействию общества, мстящего за потерпевшую личность, – после всех этих выводов, так близко подходящих к тому, что говорят анархисты, он, к несчастью останавливается на полдороге и приходит к заключению, что существующие наказания еще недостаточны и что их нужно усилить. Он, правда, прячется при этом за самосохранение общества: преступные акты, говорит он, нарушают его существование, и оно имеет право защищаться, принимая на себя месть за потерпевших личностей и налагая на тех, кто ему мешает, такие строгие наказания, которые отняли бы у них охоту продолжать в том же направлении дальше.

От чего же зависит это явное противоречие между такими широкими идеями с одной стороны и такими узкими взглядами с другой, между выводами, требующими сохранения известных учреждений, и послылками, доказывающими их нелепость? Увы, это противоречие не составляет исключительного свойства тех людей, которые в него впадают, а зависит вообще от несовершенства человеческого ума.

Человек не обладает всеобъемлющим знанием; ученый, занимающийся со страстью каким-нибудь одним предметом, может совершать чудеса в избранной им области, может, переходя от одного умозаключения к другому, решать в этой области самые сложные задачи; но так как ему нет возможности изучить так же хорошо все отрасли знания, то он поневоле остается позади в вопросах, касающихся других наук. Поэтому, когда он хочет приложить свои, может быть, очень замечательные открытия к другим областям человеческой мысли, он обыкновенно делает это неудачно и из открытых им истин выводит ложные заключения.

В самом деле, если бы антропологи, изучавшие человека и показавшие его истинную природу, изучали и анализировали так же тщательно и социологические явления, если бы они точно так же подвергли своей критике все общественные учреждения, существующие у нас, их выводы оказались бы, несомненно, совершенно иными. Раз они признают, что человек действует под влиянием внешних условий, они должны заняться отысканием причин, создающих эти условия; когда они изучают личность и действия так называемого преступника, для них должно явиться как необходимое условие рассмотрение природы этих поступков и тех причин, благодаря которым они оказываются во вражде с общественными законами. И вот здесь-то вследствие влияния окружающей среды, связанных с воспитанием предрассудков и сравнительно малому знакомству с теми научными вопросами, которых они не изучают специально, они и приходят, незаметно для самих себя, к заключениям, вполне выгодным для существующего порядка вещей; правда они признают его недостатки и даже требуют некоторых улучшений в пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находят, кроме деятельности правительственной власти. В них прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, как в путах и под угрозой кнута; наиболее независимые умы, правда, очень хотели бы избавиться от этого гнета и избавить от него небольшое меньшинство избранных, но они не могут представить себе, чтобы все человечество вообще могло существовать без всевозможных оков и тюрем.

Если мы разберем, какие именно преступления составляют главные противообщественные поступки, обращающие на себя внимание закона, и оказывающиеся наиболее частыми, то мы увидим, что, если исключить некоторые преступления, совершаемые под влиянием страсти – очень редкие и к которым и врачи, и судьи относятся снисходительно, – то наибольшее количество преступлений и проступков придется на преступления против собственности. И вот тут-то является вопрос, на который могут ответить только те, которые тщательно изучили наш общественный строй в его природе и его проявлениях: справедливо-ли существование собственности? можно-ли защищать ту общественную организацию, которая создает такое количество преступлений?

Если данный общественный строй вызывает столько поступков, являющихся неизбежной реакцией против него, то он очевидно неразумен и нарушает интересы очень многих людей; общественный договор здесь не есть уже результат добровольного и единодушного соглашения, а результат гнета и произвола, т.-е. другими словами, мы приходим к тому самому выводу, который составляет главную мысль нашей работы. А раз мы признали этот главный недостаток нашего общественного устройства, то нам станет ясным, что для искоренения преступлений, нужно уничтожить создающий их общественный строй. Устройте так, чтобы каждому члену общества было обеспечено удовлетворение его

потребностей, чтобы ничто не стесняло его свободного развития, чтобы в общественной организации не было таких учреждений, которыми бы он мог воспользоваться для притеснения других людей – и вы увидите, что преступления исчезнут. Если же и останутся где-нибудь личности; настолько испорченные нашим теперешним общественным строем, чтобы совершать такие поступки, которым нельзя найти другого объяснения, кроме сумасшествия, то эти личности станут тогда достоянием науки, а не палача – этого наемного убийцы на службе у общества, основанного на капитализме и государственности.

Вы говорите, что боретесь с ворами и убийцами? Но что такое, в сущности, вор и убийца? Вы скажете, что это люди, стремящиеся жить ничего не делая, на счет общества. Но посмотрите кругом – и вы увидите, что ваше общество кишит ворами и что ваши законы не только не преследуют их, но, наоборот, только для того и существуют, чтобы их защищать. Лень не только не наказывается, но наоборот: удовольствие жить ничего, не делая выставляется как идеал и как награда, ожидающая тех, кто, какими бы то ни было средствами, сумел устроить себе легкую жизнь без труда.

Вы наказываете как вора какого-нибудь бедняка, который, не имея работы, украдет, рискуя каторгой, кусок хлеба, чтобы утолить свой голод; но вы низко кланяетесь миллионеру, который захватит на рынке, благодаря своим капиталам, какие-нибудь предметы, необходимые для потребления всех, и станет потом продавать их на 50% дороже; вы смиренно и терпеливо стоите в передней у какого-нибудь финансиста, который в своей биржевой игре разорит сотни семей, чтобы обогатиться на их счет.

Вы наказываете преступника, который убьет кого-нибудь для удовлетворения своей склонности к лени и разврату, но кто внушил ему эту склонность как не ваше общество? Вы наказываете его, когда он совершает свой поступок в незначительных размерах, но вы содержите целые армии, которые посылаете в отдаленные страны, чтобы проделывать то же самое, только в крупных размерах, над беззащитными народами. А эксплуататоры, которые убивают не одного человека, даже не десять человек, а целые поколения, истощая их работой, урезывая каждый день их заработок, доводя их до самой ужасной нищеты? О, на их стороне все ваши симпатии и, в случае надобности, вы отлично умеете отдать в их распоряжение все силы вашего общества! А тот закон, бдительными стражами которого вы являетесь? Стоит только эксплуатироваться, когда им, наконец, надоест терпеть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлеба и немного меньше работы, как вы превращаете этот закон в покорное оружие привилегированных классов против неуместных требований бедняков.

Вы наказываете глупца, который попался в ваши сети, но если найдется ловкий человек достаточно сильный, чтобы их прорвать, то вы оставите его в покое. Вы сажаете в тюрьму бродягу, который где-нибудь по дороге украдет яблоко, и предоставляете всю вашу судебную процедуру в распоряжение собственника, чтобы помочь ему украсть у бедняка, который должен ему каких-нибудь несколько рублей, всю его мебель, которая стоила ему, может быть, несколько десятков рублей и представляет собой сбережения, сделанные им в течение целых долгих лет.

Ваше правосудие в высшей степени строго к вору в лохмотьях, но очень благосклонно к тому, кто обкрадывает целый класс или целый народ. И в самом деле: разве не для того и существуют все ваши учреждения, чтобы обеспечить имущим свободное пользование награбленным богатством?

Но что нас еще больше возмущает, это те лицемерные формы, в которые буржуазия облачает свои судебные комедии; она не имеет смелости проделывать их открыто и кроме того хочет этим путем заставить нас смотреть на них, как на нечто священное. Есть, впрочем, нечто, еще более возмутительное: это – поведение тех комедиантов, которые, под видом нападения на существующий строй, нападают, в сущности, только на лиц, прилагающих его законы, и на способ их приложения, оставляя в неприкосновенности самую их сущность; этим они как бы показывают, что есть много способов прилагать закон и между этими способами может найтись и хороший, что среди людей, которые придут ко власти, могут оказаться люди, достаточно честные, с достаточно широкими взглядами – одним словом, такие люди, каких не бывает – чтобы найти этот хороший способ и пользоваться им ко всеобщему удовольствию. И мы, право, не знаем, чему больше нужно удивляться: ловкости ли тех, кто рассказывает нам подобные нелепости, или наивности тех, которые продолжают относиться с уважением к этим комедиям, всю тяжесть которых они несут на себе. Трудно понять, как среди бесчисленного множества людей, прошедших через руки правосудия, до сих пор не нашлось человека, достаточно свободного от всех предрассудков, чтобы подойти к одному из осудивших его, сорвать с него судейскую тогу и показать всем, что под этими тряпками находится такой же человек, как и все, подверженный тем же слабостям и тем же ошибкам, уже не говоря о преступлениях, которые он способен совершить ради интересов своей касты.

Для нас, анархистов, борющихся против власти вообще, законность есть ничто иное, как одна из тех лицемерных масок, которыми прикрывают всевозможные преступления наших правителей и которые мы больше всего должны стараться сорвать. Уже и так слишком долго этот кумир пользовался всеобщим уважением; слишком долго народы думали, что судебные учреждения обладают особой, высшей природой и витают в высших сферах, недоступных человеческим страстям; слишком долго люди верили в существование особых личностей, как бы иной породы, призванных воздавать на земле каждому по его заслугам на основании идеального понятия о правосудии. Между тем, каждый понимает это правосудие по-своему, соответственно условиям, в которые он поставлен; те же, которые формулировали его в своде законов, вдохновлялись именно наиболее отсталыми, наиболее отжившими идеями, с целью защиты эксплуатации и порабощения слабых более сильными, сумевшими подчинить их себе. Пора уже порвать с этими нелепыми предрассудками и начать открыто бороться против всех учреждений, унижающих человеческую личность: свободный человек не может признать за кем бы то ни было права судить и осуждать других людей. Понятие *о правосудии* в том виде, в каком оно проявляется в существующих учреждениях, пало вместе с понятием *о Божестве*; одно повлекло за собой другое. В те времена, когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы уверить в сверхъестественное существо, стоящее вне материального мира, занимающееся всем, что совершается на нашей планете и управляющее поступками всех живущих на ней людей, понятие о Боге, внушающем судьям их приговоры, еще могло заставить поверить в непогрешимость человеческого правосудия.

Но раз вера в Бога и сверхъестественный мир исчезла и человеческая личность осталась одна, со всеми своими слабостями и страстями, то вместе с тем должен исчезнуть и этот высший характер непогрешимости, свойственный божеству, которым облекла себя судебная власть, чтобы стать выше остального общества; перед открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляет её истинное содержание: угнетение и эксплуатация одного класса другим, насилие и обман, возведенные в принцип и превращенные в *общественные учреждения* .

Наука помогла нам снять этот таинственный покров, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назад и пытаться заменить свергнутое божество представлением о новом высшем существе – Обществе. Нужно, чтобы ученые окончательно отделались от своего буржуазного воспитания и принялись за изучение общественных явлений с тем же рвением и с тем же бескорыстием, которое они проявляют в изучении других специальных отраслей знания. И вот тогда, когда они перестанут находиться под влиянием чуждых науке соображений и предрассудков, они не будут приходить к заключению о необходимости осуждения преступника, а скажут, вместе с нами, что нужно разрушить тот общественный строй, который, в силу недостатков своей организации, ведет к тому, что в его среде существует разделение на людей, считающихся порядочными, и людей, называемых преступниками.

Х. Влияние среды.

Высказанную только что истину, впрочем, уже начинают все больше и больше сознавать, и она все больше прокладывает себе дорогу в научном мире, так что теперь оспаривать факт изменения живых существ под влиянием среды могут разве только какие-нибудь устарелые представители официальной науки.

В настоящее время все признают, что почва, климат, благоприятные или неблагоприятные для жизни организмов условия оказывают такое же, если не большее, влияние на их развитие, как и все другие причины, которым прежде приписывали исключительное влияние на их приспособление к окружающему миру и на их изменения.

Относительно человека, которого хотели выделить из всех остальных существ, признать это было не так легко, тем более, что он, в свою очередь, и сам изменяет ту среду, в которой живет. В конце концов, однако, и здесь пришли к заключению что он, подвержен тем же влияниям и развивается в силу тех же самых первоначальных причин, как и все другие организмы. Еще труднее было дойти до объяснения, на основании тех же самых законов, его нравственной эволюции: даже те, которые отрицают свободу воли и признают, что человек действует исключительно под давлением внешних условий, не могут до сих пор принять всех последствий этого, т. е. признать, что причина преступности лежит в характере всего существующего строя, и что поэтому самый этот строй требует преобразований. Немногие, наиболее смелые, соглашались в принципе с тем, что наш общественный порядок плох, что он нуждается в реформах, что некоторые из его учреждений являются, действительно, причиной преступлений; но и в их глазах главной виновницей оказывается все-таки сама порода человека: ей свойственны, говорят они, такие страсти, которые нужно обуздывать, а это может сделать только общество, как бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить ответственность общества в целом, они, кроме того, делят общественную среду на несколько частей, каждой из которых точно также дают название среды и приписывают все дурные влияния этим отдельным частям. Что касается общества, говорят они, то, конечно, оно несовершенно; но все-таки, даже в том виде, как оно есть, оно защищает слабых, обеспечивает личности свободу труда и оказывает ей более действительную и более дешевую защиту, чем если бы ей пришлось защищаться самой. Одним словом, общество – это договор взаимного страхования, заключенный между личностями, и преступления зависят гораздо больше от самой природы человека, чем от общественной организации.

Мы далеко не считаем человека образцом совершенства: по правде сказать, это – довольно жалкое животное, которое или растаптывает ногами себе подобных, или же пресмыкается перед теми, кто может растоптать его самого. Однако человеком руководят не исключительно только дурные инстинкты: все те прекрасные чувства любви, милосердия, братства, самоотвержения, солидарности, которые воспеваются и поэзией, и религией, и нравственностью, показывают, что если он и действует иногда под влиянием чувств дурных,

то в нем все-таки живет некоторое стремление к идеалу, к совершенствованию. И вот это-то стремление общество и подавляет, мешая ему развиваться.

Человек, и в физическом, и в нравственном отношении, не создан сам, как и все другие животные, высшим типом которых он является, он представляет собой продукт известных обстоятельств, известных комбинаций и соединений вещества. Ему пришлось бороться за свое развитие, и если он в значительной степени преобразовал окружающую его среду, то эта последняя оказала в свою очередь влияние на его привычки, на весь его способ жить, думать и действовать. Человек создал общество под влиянием своего характера и своих влечений и до сих пор продолжает оказывать на него известное влияние; но не нужно забывать, что, со времени основания первых обществ; человек не переставал развиваться, тогда как общества, с самого появления крупных общественных групп, не переставали быть основанными на принципах власти и собственности. Революции вносили некоторые изменения в отдельные частности; власть и собственность переходили из рук в руки, от одного класса к другому, но в основе общества все также лежали антагонизм и конкуренция между личностями и оно все также давило всей своей тяжестью на их духовное развитие.

Люди рождаются в общественной среде, в ней же приобретают свои первые понятия и проникаются целым рядом предрассудков и ложных представлений, в ложности которых они убеждаются только после целых веков критического разбора. Приходится поэтому признать, что влияние общественной среды на личность громадно, что оно давит на нее и всей тяжестью своих учреждений, и всей своей коллективной силой, и всем тем могуществом, которое она черпает из самой продолжительности своего существования, у человека же, для сопротивления этому влиянию, нет ничего, кроме его единичных сил.

Как первая попытка осуществления солидарности, общество должно было бы иметь целью улучшить людей, приучить их к той солидарности, во имя которой они соединились, заставить их братски любить друг друга и делиться друг с другом всем: радостью, удовольствиями, наслаждением, горем, страданием, трудом и продуктами труда. В действительности, однако, вышло наоборот: общество прежде всего разделило людей на множество классов, которые сводятся к двум главным: с одной стороны – правящие и имущие, с другой – управляемые и неимущие. На стороне первых мы находим избыток и пользование всеми благами жизни, на стороне вторых – нужду, лишения и недостаток во всем. Результатом этого является враждебность между этими двумя категориями, враждебность, превращающаяся в ожесточенную борьбу, которая может кончиться только или с окончательным порабощением второй категории, или с полным уничтожением первой – по крайней мере, как особого привилегированного класса.

Но это вредное и нелепое деление общества на два противоположные класса ведет еще и к другим последствиям. Лежащая в основе его противоположность интересов ставит личности во враждебное отношение друг к другу даже внутри каждого класса; существование частной собственности ведет к тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обеспечить себя на будущее время, раз общество не берет на себя этого обеспечения. В основе всего современного строя лежит конкуренция: какое бы ремесло, какую бы профессию, какой бы род торговли не избрал себе человек, ему всегда придется бороться с конкуренцией людей, занимающихся тем же самым делом. Для того, чтобы увеличить свои

доходы или шансы на успех, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится рассчитывать на разорение конкурентов. Даже тогда, когда люди соединяются между собой, это оказывается всегда в ущерб какой-нибудь доле их собственного класса, занятой в той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбе между личностями, общество превратило каждого человека во врага всех остальных и сделалось таким образом источником всех тех войн, преступлений, краж и т. п., которые обыкновенно приписывают недостаткам человеческой природы, но которые, в действительности, представляют собой исключительно результат общественной организации: общество только содействует их сохранению, тогда как они должны были бы понемногу исчезать под влиянием новых приобретаемых человеком нравственных понятий.

По той же причине и члены имущих классов постоянно ведут между собой борьбу, не видя в чем состоит истинный интерес их класса и что нужно сделать для того, чтобы обеспечить себе спокойную возможность заниматься эксплуатацией и устранить все то, что может показать эксплуатируемым истинное положение вещей. А это заставляет их делать множество промахов, только ускоряющих их падение.

Если бы буржуазия была действительно сплоченной силой, если бы ею двигал не личный интерес каждого, а исключительно общий интерес всего класса, то, при том могуществе, какое дает ей богатство, власть и господство над всеми учреждениями современного общества, административными, исполнительными и принудительными, при её умственном развитии – неизбежно более высоком, чем развитие рабочих, которым она так же скупое уделяет духовную пищу, как и материальную – она могла бы держать эксплуатируемых под гнетом нужды и зависимости, под которым они находятся теперь, еще неопределенно-долгое время. Но, к счастью, жажда пользоваться удовольствиями, блистать и обогащаться, заставляет её членов вести между собой не менее ожесточенную борьбу, чем они ведут с рабочими. В своей поспешности воспользоваться настоящим положением, они делают ошибки за ошибками, и рабочие, в конце концов, начинают понимать причину своего бедственного положения, начинают сознавать, на каком низком уровне буржуазия стремится их удержать.

Но и в среде рабочих идет такая же борьба, как и в среде буржуазии, и если там она угрожает целостности буржуазного строя, то здесь она, наоборот, содействует его сохранению. Вынужденные бороться за получение возможности заниматься каторжным трудом в пользу буржуазии, рабочие смотрят друг на друга как на врагов, а того, кто их эксплуатирует, склонны, наоборот, считать благодетелем. В обмен за их труд, буржуазия дает им лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду; вот почему они склонны прежде всего смотреть неприязненно на того человека, который оспаривает у них с таким трудом полученную работу. Свободных мест мало; это еще больше усиливает конкуренцию и заставляет рабочего наниматься за более низкую плату, чем другой сотоварищ. И вот эта-то ежедневная борьба за кусок насущного хлеба и заставляет рабочих забывать, что худшие их враги, это их эксплуататоры.

Буржуазия, правда, сильна своим богатством, своим умственным превосходством и находящейся в её руках правительственной властью; но она, в конце концов, составляет, сравнительно со всей массой рабочих, лишь ничтожное меньшинство, и ей скоро пришлось

бы сдаться перед численным превосходством, если бы она не нашла средства разделить рабочих и заставить их самих содействовать поддержанию её привилегий.

Все это нам показывает, что человек – далеко не ангел, а в прошлом был и вполне зверем, в самом прямом значении этого слова. Когда он создал первое общество, он положил в его основу инстинкты борьбы и господства; вот почему это общество оказалось таким плохим. С течением времени общественная организация не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться в руках меньшинства, которое обратило ее в свою пользу, и чем больше развивалось общество, тем больше сосредоточивалась в руках немногих эта власть и тем вреднее становились связанные с ней учреждения. Наоборот, в человеке, по мере развития его ума и облегчения добывания средств к существованию, развивалось чувство солидарности – то самое чувство, которое уже и раньше руководило им при его соединении с другими и которое впоследствии сделалось насущной потребностью. Но религия довела его до крайности, и своей проповедью милосердия и самоотречения обратила и его в новое орудие эксплуатации.

Каких только планов общественных преобразований ради счастья человечества не создавала потребность гармонического общежития! Но каждый раз общество давило всей своей тяжестью на хорошие инстинкты человека, возрождало в нем его первобытный эгоизм и заставляло смотреть на других как на врагов, которых нужно раздавить, чтобы не быть раздавленным самому; оно приучало его быть равнодушным свидетелем гибели тех, кого давили колеса чудовищного общественного механизма: он не мог броситься им на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченным ненасытной пастью чудовища, пожирающего в особенности добрых и наивных людей, руководящихся человеколюбивыми чувствами, и щадящего тех, которые умеют втолкнуть в пасть других и этой ценой отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются против тунеядцев, воров и убийц, против неисправимо-дурных сторон человеческой природы, и не замечают того, что все эти пороки давно бы исчезли, если бы их не поддерживал и не развивал существующий общественный строй. Как же вы хотите, чтобы человек был трудолюбивым, когда в нашем обществе труд считается унижительным и составляет удел парий, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти к наживе, в пытку, в занятие рабов? Как вы хотите, чтобы не было лентяев, когда для всякого человека, который хочет улучшить свое положение, идеал – это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денег, чтобы жить ничего не делая или заставлять работать на себя других? И чем больше число эксплуатируемых им рабов, тем выше его общественное положение, тем большим почетом он окружен и тем, следовательно, больше та сумма наслаждений, которую он может взять от жизни.

Общество построено иерархическим образом и самые высшие положения, т. е. те, на которые смотрят как на награду за ум, добродетель и трудолюбие, составляют удел именно тех, кто никогда ничего сам не делал. Люди, которым удалось тем или иным путем добраться до этой верхушки, едят, пьют и предаются наслаждениям, никогда не ударив палец о палец, а внизу лестницы стоят и смотрят на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работают и производят богатства в поте лица, не получая взамен ничего кроме возможности не умереть с голоду, и не имея другой надежды выйти из этого положения

кроме какого-нибудь счастливого случая. И после этого еще удивляются, что люди имеют склонность жить ничего не делая! Мы скорее удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающиеся работать!

Пример, который общество подает отдельным личностям, таков, что единственный возможный для них идеал, это – создать себе такое положение, где бы они могли заставлять работать и эксплуатировать других, чтобы не быть эксплуатируемыми самим. А когда у человека не хватает средств эксплуатировать людей законно, наживаясь на их труде, то он ищет других путей. Торговля и финансовые операции представляют собой пути, дозволенные законом и дающие огромные барыши, когда они производятся в крупных размерах; в мелких же операциях приходится прибегать к различным уловкам, при которых человек лавирует между различными статьями закона, а иногда и нарушает их, если только знает, что не попадетсЯ. Надувательство и обман являются тут очень ценными вспомогательными средствами, благодаря которым предприниматель может удесятерять свои барыши.

Для тех же, кто не может стать в такие условия, остается еще одно: эксплуатация человеческой доверчивости – мошенничество и другие подобные операции. Еще ниже мы находим грубое воровство и убийство. В зависимости от находящихся под руками средств, от среды, в которой они выросли, люди прибегают к тому или другому из указанных средств, а иногда и соединяют их вместе, чтобы как можно дальше уберечься от строгости закона, считающегося защитником общества.

Нужда и страдания – удел рабочих; тунеядство и наслаждение жизнью – удел тех, которые, благодаря силе, хитрости или происхождению, сделались их паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Как вы хотите, чтобы люди не грызлись между собой, когда они не знают, чем будут завтра питаться сами и чем накормят свою семью, если та работа, на которую они надеются, достанется их конкуренту? Как вы хотите, чтобы в них жило чувство солидарности, когда всякий раз, когда они дают нищему кусок хлеба, они думают, что может быть в будущем им неостанет этого куска? Как могут они поддерживать в себе это чувство, когда им приходится каждый день бороться за свое пропитание, когда на свете есть множество наслаждений, которых они никогда не узнают? Может быть именно потребность сплотиться в борьбе сблизила людей между собой и превратила это чувство в любовь к ближнему; но как бы то ни было, именно общество ответственно за переживание борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Как вы хотите, чтобы человек не желал другому зла, когда он знает, что исчезновение этого другого может помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лестнице, или дать ему лишний шанс на получение желанного места, когда, вообще, это – устранение опасного конкурента? Как можно требовать, чтобы человек сопротивлялся дурным побуждениям, когда он отлично знает, что все, что будет злом для его соседа, будет добром для него самого?

Вы говорите, что человек дурен; мы же, наоборот говорим, что в нем, должно быть, живет сильная склонность к добру, если общество не оказывается еще худшим, чем оно есть, если всевозможные преступления и несчастья не совершаются в нем еще чаще.

Человеку удалось развить в себе стремление к солидарности, справедливости и гармонии, наперекор всем влияниям среды, толкающей его на зло, и вот эти хорошие чувства стали опять-таки предметом эксплуатации для людей, живущих на его счет. Его мечты о счастье, его стремление к лучшему вызвало появление на свет целого класса паразитов, которые стали пользоваться этими стремлениями, суля ему их осуществление. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, как нарушающие общественный порядок, и не смотря на все это, человечество продолжает стремиться воплотить их в жизнь. И после этого нам еще решаются говорить о дурных инстинктах человека!

Гуманные чувства, стремление к свободе и справедливости преследовались и наказывались потому, что люди, сумевшие отделаться от узкого, жестокого эгоизма, служащего опорой современного общества, стали мечтать о том времени, когда настанет общая гармония, и наслаждение жизнью сделается доступным для всех, и задалась вопросом о том, почему общество, созданное для общего счастья, служит только для обеспечения привилегий небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключение, что общественная организация плоха, что она должна исчезнуть и уступить место другой, более разумной. Но так как люди, пользующиеся привилегированным положением, не хотели уступить своих привилегий, то они стали преследовать эти стремления как вредные, а это дало начало новой борьбе, создало новые поводы для развития дурных инстинктов.

Раз мы признали вредное влияние существующего общества на нравственный уровень личностей, то нам уже не трудно найти способ устранить в них дурные инстинкты и развить хорошие. Ваше общество, основанное на враждебности интересов, ведет к борьбе между личностями и создает то зловерное существо, которое мы называем цивилизованным человеком: найдите такую организацию, которая была бы, наоборот, основана на самой тесной солидарности. Сделайте так, чтобы личные интересы не были противоположны ни друг другу, ни интересу общему. Сделайте так, чтобы благосостояние личности вытекало из общего благосостояния и в свою очередь являлось его источником. Сделайте так, чтобы, для того, чтобы жить и пользоваться жизнью, людям не нужно было бояться конкуренции других; сделайте так, чтобы им, наоборот, было выгодно соединять вместе свои силы и свои стремления, и чтобы их ассоциация не могла оказывать вред другим, соседним, ассоциациям.

Вы боитесь лентяев – сделайте труд привлекательным. Вместо того, чтобы приковывать к нему небольшое меньшинство, для которого он обращается в пытку, уничтожьте все ваши бесполезные должности и организуйте общество так, чтобы каждый содействовал производству, и не под давлением какой-нибудь власти, а в силу естественного хода вещей. Сделайте труд полезным и необходимым, устройте так, чтоб он был гигиеническим упражнением, а не пыткой.

Существующая общественная организация не может дать ничего кроме войн, преступлений, обмана и нужды; это – результат существования частной собственности и власти, результат влияния среды. И если вы стремитесь к обществу, основанному на взаимном доверии, солидарности и общем благосостоянии, положите в основание его свободу, взаимность и равенство.

XI. Патриотизм.

Понятия о семье, религии, собственности, власти выделялись понемногу из всей совокупности человеческих понятий и постепенно принимали все более и более определенный характер; вместе с тем, по мере того как эти понятия выяснились, они проходили, каждое в отдельности, свой особый цикл развития и воплощались в существовании особых сословий, имеющих каждое свое назначение и свои привилегии.

Одним из первых выделилось, развилось и получило повсюду преобладание сословие военное; даже там, где ему приходилось уступить первенство духовному сословию, это последнее пользовалось собственно лишь почетным главенством, в сущности же именно военное сословие давало возможность тем, кто стоял у власти, удерживать ее в своих руках, именно оно выбирало тех номинальных или действительных вождей, в которых сосредоточивалась вся сила привилегированных сословий.

Во всех этих столкновениях интересов понятие патриотизма играло очень незначительную роль. Различные группы и племена, а затем, уже в историческое время – различные города, боролись друг с другом; затем, одни народы стали стремиться поработить других, и появилось различие между национальностями; тем не менее понятие о патриотизме было еще очень неясным и неопределенным. Только в очень близкое к нам время мы видим, как оно зародилось и определилось и как оно скоро стало выше и королей, и священников, и воинов, обратив их всех в своих слуг, в служителей новой религии.

Во Франции идея патриотизма, точно также, как и идея законности, проявилась во всей своей силе в 1789 году. Это было гениальное изобретение буржуазии: она заменила авторитет божественного права авторитетом нации, представила его в глазах рабочих как совокупность всех прав и заставила их защищать новый порядок вещей, внушив им, что они борются за защиту своих собственных прав. В самом деле, нужно иметь в виду, что понятие об отечестве, о нации, как говорили тогда, было скорее понятием о народе, о его правах и его учреждениях, чем о самой территории. Только впоследствии, под влиянием различных причин, патриотизм сузился и измельчал до такой степени, что теперь он означает исключительно любовь к известной территории, совершенно независимо от населяющих ее жителей и от существующих на ней учреждений.

Но каково бы ни было содержание этой идеи, буржуазии было в высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы в конце концов превратить ее в род религии, под защитой которой она могла бы удерживать в своих руках власть, уже сильно подвергавшуюся критике. Защита территории была во всяком случае очень удобным предлогом для сохранения армии, нужной для поддержания её привилегий, а общее благо – неопровержимым аргументом для того, чтобы заставить содействовать тому же самому и рабочих. К счастью, критическая мысль развивается и расширяется с каждым днем; человек уже перестает довольствоваться словами и хочет знать, что они означают. Даже если ему

не удастся достигнуть этого сразу, он во всяком случае умеет уже накапливать в своей памяти запас фактов, из которых он затем делает логические выводы.

Что, в самом деле, значит слово «отечество», если мы оставим в стороне естественное чувство любви к семье и близким и привязанность к своей стране, зависящую от привычки жить в ней? Для большинства из тех, которые рискуют жизнью в разных войнах, не зная даже их причин, и несут на себе всю тяжесть их, и как рабочие и как солдаты, это слово не заключает в себе, кроме этого, ровно ничего. Будет ли война удачной, или неудачной, их положение от этого нисколько не изменится. Окажутся ли они победителями или побежденными, они все равно не перестанут быть вечно эксплуатируемыми вьючными животными, над которыми буржуазия всеми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотрим, в каком смысле употребляют это слово те, которые больше всего говорят о любви к отечеству. «Отечество», говорят они, «это – земля, территория, принадлежащая тому государству, подданными которого мы состоим». Но ведь границы государств произвольны и определение их зависит по большей части от исхода войн; политическая группировка стран не всегда была такой, какой мы видим ее теперь, и если завтра нашим эксплуататорам захочется начать между собой войну, то какое-нибудь одно сражение может вновь заставить часть страны перейти под власть другого государства. Да разве не так происходило дело и всегда? В ряде войн различные страны присваивали себе те или другие провинции, определявшие их границы, затем теряли их и вновь завоевывали, так что патриотизм этих провинций переходил то на одну, то на другую сторону и состоял только в том, чтобы сегодня бороться под одним знаменем, а завтра – под другим, сегодня убивать своих вчерашних союзников и сражаться рядом с завтрашними врагами. Это – первое доказательство нелепости патриотизма.

Да и что, вообще, может быть произвольнее границ? На каком основании люди, живущие по ту сторону какой-нибудь воображаемой линии, составляют другое государство, чем те, которые живут по эту сторону? Произвольность этого так очевидна, что для объяснения деления народов на различные нации обращаются теперь к понятию о расе. Но и это не имеет никаких серьезных оснований, потому что каждая из существующих национальностей представляет собой результат смешения многих рас[21], очень различных между собой, не говоря уже о том, что постоянно развивающиеся и все более и более тесные международные сношения ведут к постоянным скрещиваниям.

Если стать на эту точку зрения, то прежнее деление Франции на провинции окажется, пожалуй, более логичным, потому что в нем всё-таки принимались в соображение этнические особенности населения; но теперь и это уже не может иметь значения, потому что человечество все больше и больше объединяется, и различные народности постепенно сливаются между собой; остаются только различия, зависящие от условий среды и климата и слишком глубокие для того, чтобы вполне исчезнуть.

Но что еще нелепее, так это то, что большинство людей жертвует своей жизнью в борьбе с другими людьми, на которых им указывают как на врагов, но которых у них нет никаких особых причин ненавидеть, ради защиты или завоевания земли, которая им не принадлежит

и не будет принадлежать. Она составляет собственность небольшого меньшинства тунеядцев, и эти собственники спокойно сидят у себя дома в полной безопасности, в то время, как рабочие самым бессмысленным образом рискуют своей жизнью, отнимая с оружием в руках землю, которая послужит только для того, чтобы дать эксплуататорам возможность еще больше их эксплуатировать.

Мы уже говорили о том, что собственность не принадлежит по праву тем, в чьих руках она находится: воровство, грабеж и убийство, прикрытые громкими названиями завоеваний, колонизации, цивилизации, патриотизма, сыграли в этом переходе немаловажную роль. Мы не будем возвращаться здесь к вопросу о происхождении собственности, но скажем только одно: если бы рабочие были разумнее, то вместо того, чтобы идти на войну защищать территорию, принадлежащую другим, они прежде всего отделались бы от своих собственных правителей и эксплуататоров, затем предложили бы сделать то же самое всем остальным рабочим, к какой бы национальности они не принадлежали, и соединились бы все вместе для общего производства и потребления.

Земля достаточно велика, чтобы прокормить всех, и не недостаток места, не недостаток пищевых продуктов вызывает кровавые войны, в которых тысячи людей убивают друг друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборот, именно эти безобразные войны, вызванные правительственными соображениями, тщеславием или торговой конкуренцией крупных капиталистов, разделили людей на нации; в средние века они же служили причиной чумы и голода, уносивших тех, кто оставался в живых.

Но тут мы слышим возражения буржуазных шовинистов: «Но ведь если у нас не будет армии, нами завладеют другие державы, которые истребят нас или поставят в еще худшие условия, чем те, в которых мы живем теперь», а некоторые говорят даже, совершенно не замечая сами, что становятся на патриотическую точку зрения: «Мы вовсе не патриоты; мы вполне признаем, что существующее распределение собственности дурно и что общество требует преобразований, но согласитесь, что Франция идет во главе других по пути прогресса, и дать ее разбить – значит допустить шаг назад; представьте, что ее победит какое-нибудь деспотическое государство: конец тогда её свободе!»

Мы, конечно, не имеем в виду давать здесь какую-нибудь программу действий для анархистов на случай войны: их поведение будет зависеть от обстоятельств, от состояния умов и от массы других условий, предвидеть которых мы не можем; здесь мы рассматриваем вопрос только с точки зрения логики, а логика говорит нам одно: раз войны предпринимаются исключительно в интересах наших эксплуататоров, нам не следует в них участвовать.

Мы уже видели, что, каков бы ни был источник власти, тот, кто ей подчинен, всегда остается рабом; вся история пролетариата служит наглядным доказательством того, что «национальные» правительства, нисколько не стесняясь, стреляют в своих «подданных», если последним вздумается потребовать себе некоторой свободы. Не больше этого могут сделать и иностранные эксплуататоры: нашим врагом всегда будет тот, кто нами управляет, к какой бы национальности он не принадлежал.

Каким бы предлогом ни прикрывалась война, в основании её всегда лежит буржуазный интерес: ведутся ли споры из-за политического преобладания, торговых договоров или присоединения колоний, дело идет всегда о выгоде привилегированных классов – правителей, купцов или промышленников. И когда наши современные французские республиканцы хвалятся тем, что их войны ведутся не из-за династических интересов, потому что королевская власть сменилась республикой, то они просто морочат нам голову: как будто бы для рабочего есть какая-нибудь разница в том, что династические интересы заменились классовыми!

Будем ли мы победителями или побежденными, мы все равно будем платить налоги и голодать во время безработицы, а в старости – умирать на улице или в больнице. С какой же стати буржуа хотят, чтобы мы интересовались их распрями? что могут они нам дать?

Что же касается боязни ухудшения положения и остановки прогресса в случае, если какое-нибудь государство исчезнет, то она доказывает только непонимание современных международных отношений и международного распространения идей. Можно раздробить нацию, разбить ее на части, отнять от неё её название – и все-таки, если только ее окончательно не истребят, её внутренней сущности изменить будет нельзя, потому что она зависит от характера, темперамента и природы всех вошедших в состав её рас. Что же касается тех – действительных или вымышленных – вольностей, которые якобы составляют нашу привилегию, то в случае объявления войны, они были бы немедленно ограничены, социалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы в руки военных и наше положение оказалось бы несколько не лучшим, чем при каком угодно самодержавии.

Итак, рабочему война не может дать ничего: для нас с ней не связано никаких интересов и нам нечего защищать, кроме собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ей самым нелепым образом ради выгоды наших правителей и эксплуататоров. Для буржуазии война, конечно, выгодна: она позволяет ей держать постоянное войско для защиты существующих учреждений против народа, она дает ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечных выстрелов, новые рынки; и вот она подписывается под необходимыми для войны займами, а затем оказывается, что мы, рабочие, должны за это платиться. Пусть дерутся сами, если хотят: нас это не касается. Да кроме того, если бы мы восстали, если бы буржуазным привилегиям действительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидели бы, как те самые люди, которые взывают к нашему патриотизму, призывают себе на помощь войска своих собратьев-эксплуататоров из других стран – немецкие, русские, какие бы то ни было. Они похожи на Вольтера, которого считают своим духовным отцом: он не верил в Бога, но считал, что религия нужна для простого народа; они, точно также, воздвигают границы между своими рабами, но не обращают на эти границы никакого внимания, если речь идет об их собственных интересах.

Для человека, достойного этого имени, нет отечества, или, вернее, оно для него там, где он борется за право, где он живет и где у него есть близкие люди, но это отечество может распространяться на весь земной шар. Человечество не делится на маленькие клетки, в каждой из которых сидит человек, смотрящий на всех других как на врагов; для развитой личности все люди – братья и все имеют одинаковое право свободно жить и развиваться на

нашей планете – достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить их всех.

Что же касается ваших условных национальных единиц, то рабочие не могут получить от них ничего и им нечего в них защищать; по какую бы сторону границы случай не заставил их родиться, это не может быть для них причиной взаимной вражды. Вместо того, чтобы убивать друг друга, как они делают теперь, пусть они лучше протянут друг другу руки – через всевозможные границы – и начнут соединенными усилиями борьбу против своих настоящих и единственных врагов: *власти и капитала*.

XII. Патриотизм правящих классов.

Мы уже видели, что «патриотизм» есть ничто иное, как громкое, но пустое слово, предназначенное для того, чтобы заставить рабочих защищать тот самый строй, который их угнетает. Теперь мы посмотрим, действительно ли «священная любовь» к отечеству, любовь к родной земле, которую каждый человек носит в своем сердце с самого рождения, так глубоко коренится в душе разных буржуа, как они говорят, зависит ли у них эта любовь от чисто внутреннего чувства, как у рабочих, или наоборот, основывается на побуждениях исключительно материальных, на грубом коммерческом расчёте. Чтобы найти ответ на это, обратимся лучше всего к тому, что было написано ими самими, для читателей из их же класса; мы найдем там не мало знаменательного.

Если послушать их, когда они обращаются к рабочим, то можно подумать, что на земле нет ничего священнее понятия о родине; каждый гражданин должен приносить в жертву, ради защиты своей страны, и свою жизнь, и свою свободу; отечество – это высшее олицетворение общего блага и, жертвуя собой за него, человек, в сущности, жертвует собой ради себя самого и своих близких.

Но стоит только порыться в буржуазных политико-экономических трактатах, чтобы увидеть, что все это не более, как лживые, громкие фразы, не более, как показные чувства, служащие для одурачивания доверчивых людей; это – маска, которую, приходя к себе домой, буржуа свободно снимают в передней.

Вот, например, что говорит один из их официально-признанных авторитетов: «...Существование войны среди цивилизованных народов искусственно поддерживается интересами господствующих классов, а также их привилегированным положением, которым они, в свою очередь, обязаны именно этой войне»[22].

Как видите, ничего не может быть яснее: наши буржуа, так громко возмущающиеся против злодеев-анархистов, которые осмеливаются доказывать рабочим, что их интересы противоположны интересам буржуазии, сами отлично признают эту противоположность, когда они говорят в своей среде, когда они занимаются построением своей правительственной системы.

А вот другая фраза, еще более характерная:

■

«... Как при старом режиме никогда не было недостатка в предложениях для войны, так нет в них недостатка и при новом; в сущности же, настоящей причиной войны является *всегда интерес того класса или той партии, которая находится у власти – интерес, который не нужно смешивать с интересом народа или массы потребителей*, потому что управляемой нации в такой же мере выгоден мир, в какой правящему классу или правящей партии выгодно, наоборот, продолжение войны» [23].

Что же касается тех выгод, которые приносит война господствующему классу, то мы находим объяснение их у того же автора. «Война внешняя», говорит он, «предполагает спокойствие внутри страны; в это время *управление страной делается легким*: оппозиция молчит, из боязни быть обвиненной в соучастии с внешним врагом. А что может быть желательнее этого, особенно, когда оппозиция беспокойна и когда её силы почти уравнивают силы правительства! Правда, если исход войны неудачен, то это неизбежно влечет за собой падение той партии, которая ее предприняла. Но за то, если война удачна – а ее начинают обыкновенно только тогда, когда рассчитывают на успех, – то партия, которая ее предприняла и довела до благоприятного конца, *получает на некоторое время громаднейший перевес*. Всего этого совершенно достаточно, чтобы не упустить удобного случая для ведения войны, не говоря уже о разных *мелких выгодах*, с ней связанных».[24]

Что касается этих «мелких выгод», то вот в чем они заключаются:

“ «До сих пор простых солдат поставляли, обыкновенно, только *низшие классы общества, т. е. те, которые пользуются наименьшим влиянием*. Достаточные же классы отделялись денежными пожертвованиями, причем и эти, обыкновенно очень скромные, пожертвования с избытком вознаграждались благодаря тому, что вследствие запрещения доступа в армию иностранцам и необходимости для офицеров пройти через военные школы, члены этих классов *получали монополию на все оплачиваемые должности* военной профессии. С другой стороны, если для тех, кто, по образному народному выражению, поставляет «пушечное мясо», война действительно страшна, то для тех, кому удастся избежать военной службы, удаление лишних рук из земледелия и промышленности уменьшает предложение труда, повышает заработную плату и, таким образом, смягчает связанные с войной ужасы».[25]

Неправда-ли, это очень решительно? Как ясно мы видим здесь, что пресловутая «священная любовь» к отечеству есть ничто иное, как любовь к эксплуатации и мелким барышам! Но этого мало: мы находим здесь решительный ответ на возможные возражения со стороны тех, которые скажут, что существует общественное мнение, с которым правительству приходится считаться, что иногда война может быть справедливой и пользоваться

всеобщим одобрением, что не следует восставать против войны вообще, что в некоторых случаях правительства бывают волей-неволей принуждены к ней, что, наконец война есть неизбежное последствие нашего общественного строя и, сколько бы мы не протестовали против неё, сколько бы не скорбели о её неизбежности, нам всё-таки придется ее терпеть. Итак, мы продолжаем цитировать дальше:

“ «....Тем не менее, какой бы силой не обладали люди, решающие вопрос о войне или мире, и какова бы не была степень влиятельности того класса, из которого вербуются генералы – политические, административные и военные, им всё-таки приходится, как мы только что заметили, считаться до известной степени с гораздо более многочисленной массой людей, занятых в различных отраслях производства, для которых война является вредной; опыт показывает однако, что сила сопротивления этого мирного элемента далеко не соответствует его численности. Огромное большинство составляющих его людей в высшей степени невежественно, *и нет ничего легче, как возбудить их страсти и ввести их в заблуждение относительно их собственных интересов.* Люди, просвещенные составляют среди них ничтожное меньшинство, да и могут ли они провести в жизнь свои взгляды, когда против них такая организованная сила, как централизованное государство?» [26].

Итак, наши буржуа нисколько не скрывают, что война для них – не больше, как средство продолжать беспрепятственно эксплуатировать рабочих; массовые убийства служат им для устранения избытка рабочих рук, наводняющих рынок, войско – для доставления выгодных мест и чинов тем, кто иначе явился бы их конкурентами, а войны, которые они торжественно называют «национальными», услаждая слух наивных людей звонкими фразами об отечестве, патриотизме, национальной чести и т. д., составляют лишь предлог для получения разных «мелких выгод».

«Мелкие выгоды» – вот цель всех современных войн, ведутся ли они во имя патриотических чувств, или во имя цивилизации! Эта последняя часто служит теперь (когда патриотизм уже начинает падать) средством натравить рабочих на безобидные племена, которые хотят обратить в предмет эксплуатации, и вся вина которых заключается лишь в том, что они позднее других достигли известной ступени развития того, что называют современной цивилизацией.

Предлогов для такой войны, как например французская тунисская экспедиция, служит наказание какой-нибудь разбойничьей шайки и поддержание господства своей национальности; настоящая же цель её – открыть новое поле для сомнительных финансовых операций; именно на то, чтобы предоставить большой простор крупным аферистам, идут все те суммы, которые взимаются с рабочих в виде налогов и тратятся на всевозможные вооружения. Ради доставления этих «мелких выгод» на счет новых стран открываются с помощью пушек новые рынки, куда буржуазия может сбывать свои никуда негодные товары; ради этого губят целые поколения здоровой молодежи, посылая ее

умирать от ужасного климата, или жертвовать своей жизнью в борьбе с людьми, которые в сущности говоря, только защищают свой дом и свое имущество.

Все эти экспедиции в Сенегал, в Тонкин, в Конго, на Мадагаскар[27], предпринимаемые всегда во имя цивилизации, которая в действительности не имеет ничего общего с этого рода разбоем, все это – войны ради «мелких выгод». У себя дома, патриотизм – высшая добродетель, а там людей, виноватых только в том, что они защищают свою страну и восстают против пришельцев, которые стремятся поработить их и сделать предметом эксплуатации, расстреливают или обезглавливают, как разбойников.

Мы еще вернемся к этому, когда будем говорить о колонизации; теперь же ограничимся вопросом о патриотизме правящих классов. Недавние события показали его во всем его безобразии. Выдача военных тайн, касающихся вооружения и национальной защиты, с соучастием служащих в военном министерстве, самые наглые мошенничества, пропажа целых миллиардов в ущерб карманам граждан и внешней безопасности страны – все это не только не преследовалось, но, наоборот, всячески прикрывалось правительством с целью затушить дело[28]. Крупные заводчики – по большей части депутаты, у которых во главе предприятий стоят отставные офицеры, – оказываются поставщиками оружия, пушек, военных кораблей, пороха и других взрывчатых веществ для иностранных правительств и продают им всевозможные новые изобретения, нисколько не заботясь о том, не послужат ли они против их собственной страны и не будут ли они содействовать убийству тех из их соотечественников, которых они, как правители страны, пошлют сражаться. Наши железные дороги, наши арсеналы, продовольствие нашей армии – все это находится в руках международной шайки банкиров, как еврейских, так и христианских. О буржуа! не говорите нам лучше о своем патриотизме: если бы вы могли превратить вашу страну в акции и продать их в розницу, вы тотчас бы сделали это!

Как вы поступили в 1871 году, во время франко-прусской войны, закончившейся для нас, как известно, контрибуцией в пять миллиардов? Кому как не одной буржуазии выгодно было уплатить эту контрибуцию, чтобы продолжать безраздельно заниматься эксплуатацией страны? А между тем, кто оплатил за это? Рабочие, потому что для покрытия контрибуции был сделан заем, гарантированный новыми налогами, а эти налоги платят в сущности одни рабочие, так как только они работают и только их трудом создается богатство. Ловкость, с которой этот фокус был проделан, положительно достоин удивления: буржуазии нужно заплатить контрибуцию, чтобы отстранить от господства пруссаков и иметь возможность получать все налоги Франции; для этого она вынуждена сделать заем, но так как у обнищавших рабочих денег нет, то подписаться на заем может только буржуазия, которая таким образом сама дает себе займы нужную сумму. Но для уплаты этого займа – капитала и процентов – должны будут в течение целых девяносто-девяти лет изнуряться на работе именно рабочие, которые не получили из него ни одного гроша. Вот он буржуазный патриотизм во всем его великолепии! И кто после этого еще осмелится утверждать, что добродетель не всегда торжествует!

XIII. Милитаризм.

Говоря о патриотизме, нам нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословие образовалось, как мы уже видели, очень рано, и очень рано утвердило свое господство над остальными членами класса или племени, в среде которого установилось таким образом первое разделение на военных и невоенных: раньше все без различия шли воевать, когда в этом представлялась надобность. Несколько позже внутри самого военного сословия произошло второе разделение – на командующих войском и простых солдат.

Мы не знаем, насколько правильно проходило человечество различные стадии своей эволюции, т. е. переходило ли оно постепенно от охотничьего быта к пастушескому, а затем к земледельческому. Оно несомненно начало с охоты, рыбной ловли и сбора диких растений и плодов, но проходило ли оно затем две последующие стадии с такой же последовательностью, с какой ученик переходит из класса в класс, – это далеко недостоверно. Мы склонны скорее думать, что эти три способа добывать себе пропитание соединялись так или иначе, смотря по условиям данной местности, и что какое-нибудь охотничье племя, например, вполне могло продолжать жить главным образом охотой, несмотря на то, что ему был уже известен способ возделывания какого-нибудь полезного растения, и лишь впоследствии перейти к скотоводству.

Как бы то ни было, но достоверно одно: военное сословие при всех условиях сумело сохранить за собой преобладание. Даже тогда, когда ему приходилось делить власть с другими, оно всегда оставляло за собой главную роль и при всех, сменявших друг друга правительствах, становилось их существеннейшей опорой.

Пока это сословие оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своих членов из своей собственной среды и ведшей войны на свой страх и риск, население, хотя и страдало от его хищничества (так как военные не стеснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но раз эта дань была уплачена и раз только по соседству не было никакого войска и никакого укрепленного замка, крестьянин мог быть сравнительно спокоен; во всяком случае, он не должен был отдавать лучшие годы своей жизни на усиление армий своих же собственных эксплуататоров.

Впоследствии владельцы земель начали вооружать, в случае крайности, живущих на их землях крестьян; еще позднее вошла в обычай вербовка солдат для королевского войска с помощью различных уловок и заманчивых обещаний; наконец, буржуазия окончательно взвалила заботу о своей защите на плечи своих рабов: она заставила рабочих отдавать на охрану государствующего класса известную часть своей молодости и таким образом вполне усовершенствовала военную систему. Но так как дать рабочим в руки оружие и сказать им просто «защищайте меня, а я в это время буду наслаждаться жизнью» было слишком опасно, то буржуазия создала в подспорье себе культ патриотизма.

И вот, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочих в течение долгого времени безропотно платить «налог крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у целого ряда поколений самую здоровую, самую цветущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель в тюрьмы, носящие название казарм; и никто не думал сопротивляться: никто не спросил, по какому же праву требуют от людей, чтобы они на целые семь, пять или три года своей жизни превращались в автоматов, в бессознательные орудия убийства, в пушечное мясо.

Впрочем, нет: отдельные протесты были всегда, дезертирство и уклонение от воинской повинности – явления вероятно такие же старые, как и сами постоянные армии. Но они не основывались ни на каком разумном убеждении; совершавшие их люди не руководились сознанием права своей личности, а действовали скорее под влиянием чувства отвращения к военной службе – чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже те голоса, которые раздавались против войны и милитаризма в литературе, обуславливались исключительно непосредственным чувством, а не основывались, или основывались лишь в очень незначительной мере на логических выводах, на соображениях о человеческой природе и правах личности.

Буржуазия и её литературные панегиристы[29] пели такие громкие хвалы во славу патриотизма и войска, употребляли на восхваление их столько лжи и софизмов, что в конце концов люди окончательно перестали сомневаться в действительности существования прославляемых добродетелей: войско стало безусловно считаться олицетворением всевозможных прекрасных качеств,местилищем всех гражданских доблестей. Не было такого романа, где не фигурировал бы старый служака – образец неподкупной честности, беззаветно преданный своему генералу, у которого он служил когда-то денщиком[30], сопровождая его во всех перипетиях его жизни; он охраняет его от козней невидимых врагов и наконец жертвует жизнью ради спасения своего господина; иногда, для разнообразия, он спасает ребенка-сироту, втайне воспитывает из него героя и, наконец, указывает ему средства вернуть себе былое состояние, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваления доблестей, свойственных военному сословию: военная честь, верность, самоотвержение, честность – являлись еще самыми малыми из их добродетелей. И только когда буржуазия сделала такой промах, что заставила всех граждан проводить более или менее долгое время на военной службе – только тогда стали замечать, что под блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кроме нравственной порчи. Допущение однолетней службы для добровольцев и периодическое отбывание воинской повинности в течение двадцати восьми дней, сильнее подрывали милитаризм, чем все, что говорилось против него до того времени.

Пока только один рабочий народ отдавал свою молодость на отупляющую жизнь в казарме, пока в публике знали только внешнюю, декоративную сторону военного дела – блеск, бой барабанов, красивые мундиры, развевающиеся знамена, бряцание оружия – одним словом, все то внешнее великолепие, которым оно облекается, когда показывается народу, – до тех пор литература содействовала его возвеличению, вносила и свою лепту лжи в прославление этого безобразного явления.

Но когда писатели познакомились с ним ближе, когда им пришлось испытать на себе действие оупляющей дисциплины и грубое обращение начальства, преклонение перед армией исчезло: они начали срывать с неё её покровы, начали оспаривать те добродетели, которыми украсили ее их предшественники, и солдат (все равно – простой солдат, или офицер) явился перед публикой в его настоящем виде – в виде грубого, пьяного животного, бессознательного орудия в чужих руках.

И действительно, нужно самому побывать в этом аду, чтобы понять, сколько должен выстрадать в нем чувствующий человек; нужно самому поносить мундир, чтобы увидеть, сколько низости и глупости под ним кроется.

Раз только вы сделались солдатом, вы уже не человек, а автомат, обязанный беспрекословно повиноваться тому, кто над вами командует. У вас в руках ружье – и, несмотря на это, вы должны терпеливо сносить все грубости офицера, который вымещает на вас свое дурное расположение духа или свой винный угар. За какое-нибудь слово, за какой-нибудь жест вы можете поплатиться всей жизнью или, по крайней мере, несколькими годами своей свободы. Каждую субботу вам предусмотрительно читают военное уложение о наказаниях, где слова «смертная казнь» повторяются на каждом шагу; эти слова будут всплывать в вашем уме всякий раз, когда у вас в душе закипит негодование.

Но что больше всего способно вывести человека из терпения, это всевозможные мелочи и придирки. Если кто-нибудь из вашего начальства имеет что-нибудь против вас, или если он просто грубый и тупой человек, то он двадцать раз в день найдет случай придраться к вам, ради одного удовольствия сделать вам неприятность: при перекличке, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую-нибудь пуговицу, которая меньше блестит, чем остальные, за какие-нибудь подтяжки, которые вы забыли надеть, вас будут осыпать бранью, посадят под арест, начнут подвергать бесконечным осмотрам, исследовать весь ваш костюм, до нижнего белья. То же самое и в казарме: постель не совсем хорошо постелена – ругань: «чтобы кровати были как бильярды!» кричат вам постоянно – и эту ужасную фразу хорошо помнят все, кому пришлось пройти через казарму; одежда плохо уложена на полке – опять ругань; самое же главное искусство заключается в том, чтобы солдат умел вычистить подошвы запасной пары сапог, висящей у него под кроватью так, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитых в подошву гвоздей.

А бесконечные осмотры! По субботам – осмотр оружия, причем вы опять слышите те же замечания и ту же ругань – «подлец», «свинья», и другие столь же любезные выражения. Затем, в виде разнообразия, капитан приходит осматривать у вас руки и ноги, чтобы убедиться в их чистоте. Наконец, раз в месяц вы должны терпеть нечто еще худшее – так называемый санитарный осмотр, где полковой живодер осматривает самые сокровенные части вашего тела. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нет дела: все это тотчас же растаптывается грубым сапогом тех, кто поставлен командовать над вами.

«Армия – школа равенства», говорят нам подкупные слуги буржуазии; но это – равенство в порабощении, и не к такому равенству мы стремимся. Но вернемся к бесконечным осмотрам: каждые три месяца – или каждые полгода, не помню в точности – вам производит смотр

какой-нибудь высший офицер, а раз в год – дивизионный генерал. За две недели до этого последнего события в казарме все перевертывается вверх дном – чистят все помещения, моют кухни. В виде развлечения, вы имеете опять-таки смотры: сегодня является унтер-офицер, завтра – офицер, командующий полувзводом, послезавтра – капитан, затем полковой командир, и так до бесконечности. И каждый раз вы должны раскладывать на кровати весь свой багаж: прежде всего осторожно расстилается носовой платок, который тщательно приберегают для этого случая; на него кладутся щетки, смена обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только в этот день) рубашка, свернутая известным образом и определенной длины, ночной колпак, коробка с салом, пузырек с жидкостью для чистки меди, игольник, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это в надлежащем порядке, на стене висят указания, с которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырек с жидкостью для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предмет. Каждая вещь должна быть на своем месте; иначе, если офицер заметит какую-нибудь неправильность, на вас посыплется град ругательств. Ведь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себе только, какой ужас был бы, если бы пузырек оказался на месте коробки с салом! Ведь узнай это генерал – Франция окончательно погибла бы! Мы уже говорили, в чем заключается главное искусство; но здесь оно достигает своей высшей точки: вас заставляют чистить ваксой ножки кровати[31].

В этих смотрах, производимых генералом, обнаруживается все раболепство не только низших, но и высших офицеров. Как только доходит весть о приближении генерала, вы видите, как все эти офицеры, такие высокомерные, когда им приходится говорить с солдатом, вытягиваются в струнку и смиренно следуют за генералом, а генерал – если только он не совсем дряхл – выступает впереди, гордо выпрямившись. И с какой яростью устремляются все глаза на несчастного солдата, который как-нибудь даст повод к замечанию со стороны высшего начальства! Какой ужас! все офицеры вне себя: солдату не хватает иголки или же он забыл, что вчера кончились те две недели, в течение которых мундир нужно застегивать слева направо и что теперь он должен быть застегнут справа налево! Полковой командир от ярости не может произнести ни слова, подполковник готов лопнуть от злости, капитан зеленеет от страха; один только унтер ничего не говорит, потому что знает, что ему достанется от всех. Его положение – ясно; правда, он может утешаться тем, что выместит все на виновном.

Когда не предвидится никаких смотров, вы имеете другого рода развлечение: в четыре часа, обыкновенно по субботам, солдат сзывают на работу, которая состоит в том, чтобы ходить по казарменному двору и собирать в кучу разбросанные там камни. После часа этого приятного времяпрепровождения, вы вновь возвращаетесь в казарму, а сложенные вами кучки камней в течение всей недели разбрасываются проходящими по двору, так что в следующую субботу вы начинаете работу сызнава. Военная жизнь изобилует такими остроумными развлечениями.

Иногда вечером, после столь полезно проведенного дня, вам захочется, может быть, побеседовать со своими товарищами по заключению; но вы скоро увидите, что их разговоры далеко не способны поддержать бодрость человека или внушить ему высокие мысли. Вот вы замечаете несколько человек, которые смеются до упаду; вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болван рассказывает неприличную историю,

глупую и банальную. Вы с отвращением отворачиваетесь, и попадаете в другую группу, где, захлебываясь от удовольствия, вспоминают прошлые попойки или мечтают о будущих, которые они себе устроят, если удастся обманом вытянуть денег у родственников. Вы не найдете ничего, кроме пьянства и грязного разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чем-нибудь другом! вас никто не поймет. Других удовольствий для них не существует. Не удивительно после этого, что среди людей, проводивших три года в этой обстановке, оказывается столько кандидатов на должность полицейских и жандармов. Войско есть ничто иное, как школа деморализации, из которой могут выходить только сыщики, тунеядцы и пьяницы. Лишь очень немногим удастся устоять против отупляющего влияния этих трех лет, да и у тех еще долго остаются следы этого влияния.

Как страшно разбивает человека эта грубая, отвратительная дисциплина! Как она притупляет мозг, портит характер, убивает энергию! Вы отдаете этой ужасной машине молодого человека с душой, открытой для всего справедливого и прекрасного, с энергией, которая бы еще выработалась в ежедневной жизненной борьбе, с умом, который расширился бы в будущем, и под влиянием уже приобретенных знаний, и под влиянием потребности учиться дальше; но дисциплина точно одевает на него чугунную шапку, которая с каждым днем все сильнее и сильнее сдавливает его мозг; даже биение его сердца замедляется. И когда, после трех лет, эта иерархическая машина отдаст вам его – если только отдаст – то перед вами будет лишь бесформенное подобие человеческого существа.

Бесчувственные буржуа! Мы уже видели, что защита страны, к которой вы нас готовите, есть ничто иное, как организация ваших привилегий; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существует только ради вашей защиты, а между тем вы возлагаете всю тяжесть её на тех, против кого эта сила направлена и кто, таким образом, кроме всего остального, дает возможность тем из ваших, которые не способны ни на какое другое, более осмысленное, занятие, получать в изобилии чины, почести и крупные жалования. Эти же чины и деньги служат приманкой для честолюбия тех людей, которые изменяют своему собственному классу, чтобы сделаться тюремщиками на службе у буржуазии.

Что нам за дело до вашего патриотизма, до ваших границ, до вашего искусственного разделения народов! Ваше отечество нас эксплуатирует, ваши границы нас давят, ваши национальности нам чужды. Мы – люди, граждане всего мира; все люди для нас – братья, и наши единственные враги, это те, кто нас эксплуатирует, кто мешает нам свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотим больше быть игрушкой в ваших руках, не хотим больше служить защитниками ваших привилегий, не хотим носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службе, не хотим подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно уж мы гнули перед вами шею, мы хотим, наконец, быть свободными!

А вы – бедняги, которым еще предстоит отбывание воинской повинности, неужели, читая в газетах о несправедливостях, совершаемых во имя дисциплины, слушая рассказы о притеснениях, жертвой которых становятся те, кто имел глупость позволить взять себя в солдаты, – неужели вы не задумаетесь над тем, что ждет вас в казарме? Если вы до сих пор видели жизнь солдата лишь сквозь дым фимиама[32], который курят военщине буржуазные

поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконец, всю ложь, которая заключается в этом воспевании на все лады военных добродетелей, солдатской чести, военного достоинства!.. Идите, несчастные бедняки, губить ради магического слова «патриотизм» или же из страха военного суда, лучшие годы своей молодости в той школе испорченности, которую называют казармой, – идите, но знайте, какая участь вас ждет.

Если вы хотите благополучно окончить срок вашей военной службы, оставьте дома, вместе с штатским платьем, всякое чувство собственного достоинства; скройте в самой глубине вашего сердца всякое стремление к независимости: *военные добродетели, военная честь* требуют, чтобы вы были не больше, как машиной для убийства, как бессознательным автоматом, а если вы всё-таки нечаянно сохраните где-нибудь в глубине души, под лакейской ливреей, в которую вас оденут, хоть малейший признак гордости, это легко может оказаться для вас гибельным.

Если какому-нибудь грубому пьянице вздумается вас оскорбить и если при этом на его мундире нашиты погоны – постарайтесь тщательно скрыть движение мускулов вашего лица, когда они, помимо вашей воли передергиваются от чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорее военным жестом к козырьку вашей фуражки. Если вы открыли рот, чтобы ответить на угрозу или оскорбление, скажите, вместо этого, только: «Слушаю, ваше благородие». Или, нет, лучше не говорите ничего: малейший жест, малейшее слово, малейший признак волнения могут быть истолкованы как выражение иронии и навлечь на вас кару за недостаток почтения к начальству. Каково бы ни было оскорбление, – вы должны совладать со своим гневом, должны оставаться нечувствительным, спокойным, невозмутимым. Руки по швам, каблук к каблуку! Отлично! Вы терпеливо, глазом не моргнув, сносит оскорбления? Прекрасно, вы – хороший солдат! Это именно то, что требуется от защитников отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимым, если, помимо моей воли, кровь приливает мне к мозгу и все начинает во мне кипеть?» Тогда есть только одно средство: не идти в эту каторгу, из которой вы выйдете испорченным, забитым, уничтоженным. Если вы хотите остаться человеком, не идите в солдаты, если вы не умеете сносить оскорбления, не надевайте мундира. Если же вы уже сделали эту оплошность и если когда-нибудь вы окажетесь в таком положении, что не сможете сдержать своего негодования... то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

XIV. Колонизация.

Колонизация – этот ублюдок патриотизма и торгашеского духа, этот вооруженный разбой правящих классов, – получила в наше время такое развитие, что нам неизбежно приходится посвятить ей отдельную главу.

Если какой-нибудь частный человек заберется в квартиру соседа, разобьет все, что попадется ему под руку и возьмет все, что захочется взять, его назовут преступником и «общество» его осудит. Но если какое-нибудь правительство станет в такое положение, что для его внутренней политики необходимо найти внешнее отвлечение, если у него в стране слишком много незанятых рабочих рук, от которых оно не знает как избавиться, и товаров, которые оно не знает куда сбыть, то оно может безнаказанно начать войну с какими-нибудь далекими племенами, слишком слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно может завладеть их страной, эксплуатировать их, навязывать им свои товары, а в случае, если они попытаются стряхнуть с себя гнет этой эксплуатации – может безжалостно истребить их. Все это будет считаться вполне нравственным. Раз только эта операция производится в крупных размерах, все честные люди должны вполне ее одобрять; это уже не будет ни грабежом, ни убийством, потому что для прикрытия бесчестных поступков, когда их совершает все общество в целом, существует вполне приличное название: это называется «цивилизовать» отсталые человеческие племена!

Мы нисколько не преувеличиваем. Какой-нибудь народ считается способным к колонизации тогда, когда ему удалось выжать из данной страны все то количество продуктов, которое она может дать; так Англия – страна колонизаторская, потому что она умеет выжать из колоний все, что нужно для обеспечения благосостояния отправляющихся туда англичан и, кроме того, умеет обогащать казну собираемыми с этих колоний налогами. В Индии, например, англичане наживают громадные состояния; правда, страна опустошается от времени до времени страшным голодом, уносящим сотни тысяч людей, но какое англичанину дело до этих подробностей, раз он может сбывать свои товары и получать такие доходы, которых Великобритания ему дать не в состоянии? Это называется благами цивилизации.

Иначе обстоит дело во Франции: французы – плохие колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабят и эксплуатируют местное население, нисколько: они просто не так *практичны*. Вместо того, чтобы изучать жизнь завоеванных народов, они отдают их в распоряжение военной власти и сразу заставляют подчиниться строю, господствующему в метрополии. Если же население не может приспособиться к этому, тем хуже для него: что за беда, если даже оно и будет понемногу вымирать под давлением непривычных для него учреждений? А если оно будет сопротивляться, на него устроят охоту, как на диких зверей; грабежи станут тогда не только дозволенным, но и выгодным делом, и получают название *набегов*.

На беззащитное население натравляют солдат, в которых тщательно развивают зверские инстинкты и которые поэтому позволяют себе проделывать все, на что только способен разъяренный зверь: насилуют женщин, убивают детей, жгут целые деревни, разгоняют жителей, которые, чтобы спастись, убегают куда-нибудь в пустыню и там неизбежно мрут от голода. И все это считается вполне естественным и дозволительным: это цивилизованный народ насаждает таким образом культуру у дикарей!

Но если мы внимательно присмотримся к тому, что происходит вокруг нас, то это несколько не покажется нам ни удивительным, ни ненормальным: при существующем общественном строе, подобные «подвиги» непременно должны пользоваться полным одобрением и поощрением буржуазного мира. Для буржуазии это разбойничество очень выгодно: оно служит ей предлогом для содержания постоянных армий и вместе с тем дает офицерам возможность упражняться в убийстве и набивать себе руку для будущей более серьезной «работы»; сама же эта армия является пристанищем для целой массы глупых и никуда негодных людей, которых бы иначе буржуазия не знала куда девать и которые теперь становятся, за несколько аршин погонов, самыми ярыми её защитниками. Вместе с тем, завоевания создают очень благоприятные условия для всевозможных сомнительных финансовых операций, которые имеют целью выкачивание денег у всяких доверчивых людей, только и ищущих подобного рода предприятий; они дают возможность захватить земли побежденных, а кстати, благодаря тем массовым убийствам, которые с ними сопряжены, избавляют буржуазию от мешающего ей дома излишка рабочих. Мало того: завоеванной стране «нужна» администрация, а это дает места целой армии карьеристов и паразитов бюджета, которая иначе могла бы оказаться стеснительной. И при всем том, буржуазия получает в свое распоряжение целые племена, которые она может эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставлять приобретать свои продукты, даже истреблять, не отдавая в этом никому отчета. Понятно, что, в виду таких выгод, колебаться не приходится; французская буржуазия отлично поняла это и с увлечением кинулась в колониальные предприятия.

Но что, в самом деле, удивительно и возмутительно, так это то, что находятся еще рабочие, которые одобряют подобные преступления и без всяких угрызений совести содействуют им, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается в том, чтобы истреблять целое население в его собственной стране ради подчинения его чуждому ему строю жизни. Мы заранее знаем все то, что нам ответят, что отвечают обыкновенно, если кто-нибудь начнет возмущаться каким-нибудь особенно бьющим в глаза фактом: «Они возмутились, стали убивать наших – не можем же мы этого стерпеть. ... Это – дикари, их нужно цивилизовать.... Этого требуют интересы торговли... Может быть, мы и действительно напрасно затеяли это дело, но колонии теперь уже стоили нам так много и людей, и денег, что мы не можем отказаться от них, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать наших» – ну так что же? Зачем было идти к ним? Почему не оставили их в покое? Разве они нас просили о чем-нибудь? Им хотят навязать законы, которые им не нравятся – они возмущаются и отлично делают, а если при этом в борьбе погибают люди, то что же делать? им не следовало содействовать подобным предприятиям.

«Это – дикари, их нужно цивилизовать»; но просмотрите историю всех завоеваний и скажите, кто оказывался всегда большим дикарем: тот-ли, кого так называют, или «цивилизованный» человек? Кого следовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидных туземцев, которые, по большей части, встречали новых пришельцев с распростертыми объятиями и которых, в награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите историю завоевания Америки испанцами, Индии – англичанами, Африки, Кокхинхины и Тонкина – французами, и вы увидите, стоит ли прославлять такую цивилизацию. А в истории рассказываются только крупные факты, оставившие в ней следы по своей важности; что же было бы, если бы перед вами нарисовали картину всех мелочей, проходящих незаметными, всех гнусных подробностей, которые, вообще, тонут в массе более важных событий? Вы тогда, наверное, отвернулись бы с отвращением.

Мне пришлось некоторое время прослужить в морской пехоте, и я много раз слышал различные рассказы, из которых ясно видно, что, являясь в завоеванную страну, солдат считает себя полным хозяином её. Местное население для него не более, как вьючный скот, которым он может управлять, как хочет, у которого может отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробует сопротивляться: он быстро узнает, что здесь нет другого закона, кроме грубой силы; учреждения, которые служат для защиты собственности в Европе, не действуют под иным градусом широты. Солдата поощряют в этом и офицеры, сами подающие ему пример, и администрация, делающая из него надсмотрщика за туземцами, которых она заставляет работать. Вам рассказывают о самых возмутительных поступках, как о совершенно естественных, и если вы скажете – по поводу, например, того, что туземцы восстали и начали убивать своих притеснителей – что они вполне правы, то вас встретят возгласами удивления: «Как! ведь мы – хозяева в стране, должны же они нам повиноваться! Ведь если их оставить так, они все взбунтуются и прогонят нас, и после всех принесенных жертв – и людей, и денег – Франция потеряет страну и останется без колоний!»

Вот до чего доводит умы рабочих действие оупляющей военной дисциплины: они сами терпят ту же несправедливость, тот же гнет, который с их помощью ложится на других, и тем не менее не понимают всей возмутительности своей роли; они становятся бессознательными орудиями угнетения, и не только не отдают себе отчета в низости и глупости своего положения, но даже гордятся им.

Что же касается интересов торговли, то здесь именно корень всего остального: господа капиталисты не знают, куда сбыть свои товары, и не могут придумать, ничего лучшего, как только объявить войну каким-нибудь несчастным народам, не могущим защищаться, и навязать им затем свои продукты. Правда, легко было бы сговориться с ними и устроить меновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать ценность предметов: эти народы ценят, главным образом, то, что кажется им красивым, так что их не трудно обмануть и получить большие барыши. Разве не так именно и поступали европейцы, прежде чем им удалось проникнуть вглубь африканского материка, в то время, когда они устанавливали сношения с племенами, жившими дальше вглубь страны, через посредство прибрежных племен? Уже тогда из Африки получались все те продукты, которые она дает теперь.

Все это, конечно, возможно и все это так и было, но дело в том, что для этого нужно время, нужно терпение, а кроме того при такой системе нельзя вести торговлю в особенно крупных размерах и приходится считаться с конкуренцией. «Торговля требует поддержки!» говорят нам, и мы знаем, что это значит: тотчас же посылают два или три броненосца, дюжину канонерских лодок, корпус солдат, и – преклоняйтесь господа! – цивилизация начинает делать свое дело. Мы находим крепкое и здоровое население, а через сорок-пятьдесят лет оно является в виде истощенного, забитого, несчастного, наполовину истребленного, развращенного человеческого стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на земле; цивилизаторская миссия может тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усомнится в справедливости сказанного, пусть возьмет любое описание стран, покоренных европейцами: он увидит, что повсюду местное население убывает и исчезает, повсюду алкоголизм, сифилис и другие европейские изобретения быстро косят туземцев, а остающихся в живых ослабляют и истощают. Да и может ли быть иначе? При тех средствах, к которым прибегают европейцы, конечно, нет. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чем мы, с иными наклонностями, с иными потребностями; вместо того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вместо того, чтобы приобщать их к нашей цивилизации незаметно и постепенно, предоставляя им брать из неё только то, что они могут усвоить, их хотели подчинить вдруг, сломить сразу, – и они не только оказались неспособными к этому, но самый опыт оказался для них губительным. А как прекрасна могла бы быть роль так называемого цивилизованного человека, если бы только он сумел ее понять и если бы его собственную жизнь не разъедали язвы правительственной власти и торгашества – язвы, от которых он должен избавиться сам, прежде чем начать цивилизовать других.

Отсталые племена могли бы воспринимать цивилизацию мирным путем, могли бы даже внести в нее новые оживляющие элементы. Нам может быть возразят, что дикари лживы и жестоки, но стоит только прочесть рассказы тех действительно смелых людей, которые отправились, ради одной только любви к науке и жажды знания, в среду совершенно неизвестных им племен – и мы увидим, правда ли это. Эти люди сумели приобрести в них друзей, могли путешествовать среди них совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже под влиянием тех якобы-путешественников, которые в действительности ищут только выгодных торговых или политических операций; именно они вызвали вражду к белым со стороны туземцев, потому что постоянно обманывали их в торговле, не исполняли своих обещаний, а иногда и просто истребляли их, если только это можно было сделать безнаказанно.

Пусть уж лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставят при себе свои хвalebные речи о благах цивилизации. То, что они прикрывают названием колонизации, очень точно определяется в их же своде законов как «вооружённый разбой», т. е. род поступков, совершаемых кучкой неизвестных личностей. Цивилизация же не имеет ничего общего с разбоем на большой дороге.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вот для этого-то он и посылает разных Солелье, Брацца, Брэмпелей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства там торговых агентств и для

безграничного хищничества. Прежде всего начинается эксплуатация торговая, которая, по мере расширения поля европейского протектората, распространяется и на все другие области; буржуазии нужны главным образом огромные пространства, которые она могла бы постепенно захватывать, истребив так или иначе их население, и в которых нашлось бы достаточно места для стесняющего ее избытка европейского населения.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сделали с теми племенами, которые населяли Америку и которые теперь с каждым днем исчезают, потому что вы изменническим образом нарушаете данное слово и мало-помалу отнимаете у них те охотничьи территории, которые вам раньше пришлось признать их собственностью? Что вы сделали с населением Полинезии, которое, по словам всех путешественников, было прежде крепким и здоровым, а теперь под вашим владычеством, постепенно вымирает?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизация такова, что если бы борющиеся с вами рабочие оказались побежденными, вы скоро выродились бы от лени и бездеятельности, подобно тому как выродились греческая и римская цивилизации, когда достигли высшей точки развития роскоши и эксплуатации; они потеряли тогда всякую способность к борьбе и вообще к чему бы то ни было, кроме наслаждений, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чем благодаря победе варваров. Варвары находились тогда сами в полном расцвете сил и им уже нетрудно было разрушить эти гнилые цивилизации.

Вы решили истребить те расы, которые вы считаете низшими, но которые, как мы покажем дальше, представляют собой просто расы отсталые; вы стремитесь уничтожить и рабочий класс, который тоже считаете низшим. С каждым днем вы все больше и больше стараетесь устранить рабочего и заменить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитию человечества пришел бы конец, потому что вы мало-помалу потеряли бы все способности, выработанные в вас борьбой, и спустились бы на ступень самых отдаленных наших предков; у человечества тогда скоро не стало бы другого общественного идеала, кроме ряда желудков, командующих армией машин, да управляющих этими машинами автоматов, только по названию могущих считаться людьми.

XV. Теория «низших» рас.

Вопрос о колонизации тесно связан с вопросом о так называемых низших расах. Именно эта более низкая природа диких племен служила и служит всегда главным аргументом для оправдания истребления завоеванных народов.

Но ведь тем же самым аргументом пользуются и против рабочих, им же стремятся оправдать и эксплуатацию «низших классов». Разве в глазах капиталистов – и даже в глазах некоторых ученых – рабочий не является просто вьючным животным, назначение которого – обеспечивать благосостояние «избранных» и производить на свет потомство, которое, в свою очередь, будет давать возможность наслаждаться жизнью потомкам этих «избранных» и т. д.?

А между тем, мы, рабочие, нисколько не считаем себя стоящими ниже кого бы то ни было и думаем, что наш мозг совершенно также способен к развитию, как и мозг наших эксплуататоров, но только у нас нет ни времени, ни возможности развиваться. Может быть то же происходит и с так называемыми низшими расами?

Если бы о «низших» расах говорили только политические аферисты, то им не стоило бы и возражать: им, в сущности, решительно все равно, верно это или нет, им нужен только предлог и, если им докажут, что данный предлог не годится, они найдут другой. Но некоторые ученые точно также поддерживают эту теорию и придают ей силу своими научными знаниями, доказывая, что белая раса – единственная, высоко стоящая по своей природе.

Когда-то человек считал себя центром вселенной и не только думал, что солнце и звезды вертятся вокруг земли, но был убежден, что все это совершается ради него. Это было антропоцентрическое мирозерцание. Много веков должно было пройти, прежде чем человек освободился от этого гордого самообмана и понял, какое ничтожное место он занимает в природе. Но мысль о первенстве так крепко засела в нем, избавиться от неё было так трудно, что, потеряв свое воображаемое господство над светилами, он утешился тем, что стал смотреть на весь земной шар, со всеми его продуктами, как на предназначенный исключительно для того, чтобы быть колыбелью венца творения – человека.

Но этого воображаемого царства лишила его наука, показавшая, что он – не больше, чем продукт эволюции, продукт стечения случайных обстоятельств, что в его появлении нет ничего преднамеренного, что его, поэтому, никто не ждал и никто ничего для него не приготавливал; человек, в своем стремлении к господству, не мог, однако, помириться с фактами и признать себя случайным пришельцем, и вот он ухватился за представление о низших расах, причем каждая раса поочередно считала себя самой умной, самой красивой, самой совершенной. Белая раса стала поглощать на этом основании все остальные, а ученые приняли это за отправной пункт для своих обобщений. Они опираются, кроме того,

на следующие аргументы:

- 1) Всем ученым миром признано, что низшие расы существуют столько же времени, как и белая; поэтому, раз последняя развилась, в то время как первые остались на первоначальном уровне, это ясно показывает, что они стоят ниже по самой своей природе.
- 2) Отсталые племена живут обыкновенно в очень благоприятном климате, что должно было способствовать их развитию.
- 3) Дети дикарей, которых пробовали воспитывать на европейский лад, совершенно не оправдали надежд своих воспитателей.

Кроме того, приводят в пример различные поселения дикарей, оставшиеся на том же уровне, на каком они находились и двести лет тому назад, а также негрскую республику Гаити с её бесцельными революциями.

Не нужно заходить особенно далеко вглубь истории, чтобы убедиться, что всеобщее согласие не всегда может служить доказательством справедливости данного мнения. Ведь пока Галилей не доказал, что земля вертится вокруг солнца, почти все без исключения были убеждены, что солнце вертится вокруг земли! Всеобщее согласие ровно ничего еще не доказывает, если оно не опирается на факты, да и то иногда бывает – как в приведенном примере – что видимые факты говорят в пользу ошибочного мнения. Поэтому, еще вопрос, действительно ли одновременность появления различных рас доказывается фактами.

На некоторых египетских памятниках находят изображения африканских типов, существующих и в наше время, и это действительно, говорит в пользу относительной древности их происхождения. Известно также, что эти племена, когда-то подчиненные египтянам, по-видимому, с тех пор не пошли вперед. С первого взгляда это может показаться аргументом в пользу теории низших рас, но более внимательное изучение покажет поспешность такого заключения.

В самом деле, древность египетских памятников определяется в восемь, скажем – в десять тысяч лет; итак, в течение десяти тысяч лет эти племена, по-видимому, нисколько не развились, тогда как белая раса сделала, как известно, громадный шаг вперед. Но дело в том, что в ту эпоху, к которой относится постройка этих памятников, Египет имел уже довольно развитую цивилизацию, и между строителями фильских, карнакских и мемфисских храмов и этими отсталыми племенами уже тогда существовала огромная разница. Египтяне уже пережили тогда свой доисторический период, продолжительность которого оценивают в сотни тысяч лет.

Первые шаги человека четвертичного периода на пути развития должны были быть очень медленными, а если мы допустим существование человека еще в третичный период, то эта медленность окажется еще значительнее. Поэтому 10.000 лет застоя тех племен, о которых мы только что говорили, – очень незначительный срок в общей истории человечества; весьма возможно, что и первобытный египтянин не обнаружил бы через 10.000 лет после того, как он выучился обтесывать первый камень, никакого заметного прогресса и оказался бы, в глазах наблюдателя, человеком низшей расы.

С другой стороны, ведь эти самые египтяне, у которых мы находим такую высокую культуру; такие памятники и такое развитие научных знаний, в сущности вовсе не принадлежат к белой расе, и этот народ, который считают одной из «высших» рас древности, оказывается в наше время в числе рас «низших», что очень ясно показывают им их английские покорители. Удивительное противоречие! Ученые делают из египтян то «высшую» расу, то «низшую», смотря по надобностям своей аргументации.

Череп и челюсти, найденные в Кро-Маньоне, Неандертале и Ла-Нолете и относящиеся к очень отдаленным эпохам, настолько обезьянообразны, что изучавшие их антропологи даже не могли вначале решить, принадлежали ли они предкам человека, или же большим человекоподобным обезьянам. Можем ли мы, после такого скромного начала нашего существования, считать себя чудом человечества? И по какому праву можем мы говорить о «низших» расах, когда их современное состояние зависит от наших-же варварских преследований? Низкий уровень современных краснокожих, например, ровно ничего не доказывает, потому что, как известно, существовавшие у них туземные цивилизации были разрушены европейскими завоевателями, а следующие поколения преследовались, разорялись и истреблялись; они мало-помалу отступали перед победителями и понемногу начинали вымирать. Целые цветущие цивилизации погибли таким образом, и мы не знаем, что они способны были дать: судить об этом по выродившимся туземцам, исчезающим под давлением Соединенных Штатов, совершенно невозможно.

Я не буду приводить в пример ни Мексиканской Империи, ни Инков, потому что во время пришествия испанцев эти цивилизации находились уже в полном упадке и именно потому не могли сопротивляться; гуруны и ирокезы защищали свою независимость с гораздо большей энергией, чем ацтеки и перувианцы[33].

Казалось бы, что есть еще один способ проверить одинаковость возраста различных рас: это – произвести раскопки в еще неисследованных местностях и сравнить возраст скелетов, которые несомненно будут там найдены; но это средство оказывается недействительным, потому что нет никакой возможности установить одновременность отложения тех или других слоев земной коры в различных местностях земного шара. Каким же образом узнать в таком случае относительный возраст скелетов, найденных в различных местностях?

Вопрос о времени происхождения различных рас оказывается, поэтому, вопросом неразрешимым; он не может дать нам никаких доказательств в пользу возможности или невозможности равенства между ними. Да и имеет ли он какое-нибудь значение для тех, кто ставит весь прогресс в зависимость от постоянно меняющихся условий среды?

«Отсталые народы живут обыкновенно в наиболее благоприятном климате», говорит в своих лекциях по зоологической антропологии профессор парижской Антропологической Школы Эрве, сторонник теории низших рас. Но это положение требует еще доказательств. Верно ли оно, например, по отношению к инуитам, к огнеземельцам, или к индейцам, лишенным всех тех животных, которых они могли бы приручить, или к нубийским народам, живущим в болотистой нильской области или народам банту и пигмеев в бесконечных лесах Конго? Можно ли сказать это о сибирских эвенках, или о койсанских народах безводных пустынь Калахари? Нет, очевидно, это совершенно не верно. Да кроме того, еще вопрос, какой

климат нужно считать более благоприятным: тот ли, который толкает человека на труд, или тот, который имеет обратное влияние?

Этот аргумент может очень легко обратиться против тех, кто им пользуется. Не послужила ли легкость добывания средств к существованию скорее причиной застоя многих племен? Если люди могут удовлетворять свои первоначальные потребности без труда, то очень может случиться, что в них вовсе и не проснутся иные потребности; наоборот, народы, принужденные отвоевывать в борьбе с природой и с климатом свое ежедневное пропитание, разовьют в себе новые инстинкты и способности, которые, в свою очередь, дадут начало новым стремлениям и, таким образом, заставят данный народ вступить на путь прогресса. Другие же, поставленные в более благоприятные условия, будут просто брать от жизни то, что она сама им дает.

Затем мы находим доказательства, почерпнутые из опыта искусственного насаждения культуры в некоторых африканских племенах и в тех колониях дикарей, которым была якобы предоставлена полная свобода развиваться в особых отведенных для них деревнях.

Очень возможно, что были действительно неудачные попытки цивилизовать дикарей, но это еще не решает вопроса вообще, потому что для этого нужно было бы знать, при каких условиях были сделаны эти попытки, в каких условиях находились данные племена и не было ли одновременно с этим и каких-нибудь влияний, способствовавших вырождению. Этого рода примеры тем менее убедительны, что существуют примеры и обратного. Так, канадские ирокезы стоят несколько не ниже окружающих их белых; первый географ Мексики – ацтек; наконец, мы были свидетелями того, как прекрасно потомки «низших» рас сумели выжить из Мексики «первых в мире» солдат.

Для того, чтобы какое-нибудь умственное приобретение упрочилось, нужно несколько поколений, ум отдельного человека, как бы он не был способен к развитию, не может проделать в течение одной своей жизни всю ту эволюцию, которую раса проходит в ряде поколений. Поэтому отрицательные результаты опытов над отдельными личностями ровно ничего не доказывают, даже если опыт был обставлен надлежащим образом; им можно всегда противопоставить примеры положительных результатов, точно также как против общего прогресса белых можно выставить и многочисленные случаи прогресса.

Этнографические сочинения указывают нам затем на пример тех же самых краснокожих, негров и других «дикарей», которых начинали учить и которые достигали даже довольно высокой ступени развития; но затем в них вдруг являлось презрение ко всему тому, чему их учили, тоска по своей прежней свободе и, сбросив с себя оболочку культурного человека, они возвращались к кочевому образу жизни. Никто не отрицает того, что атавизм может иногда оказаться сильнее способности к совершенствованию, но эти примеры несколько не доказывают отсутствия этой способности в данной расе вообще, раз уже личности, получившие европейское воспитание, могли, во всяком случае, в течение известного периода своей жизни идти по пути, намеченному им их воспитателями.

Тот же профессор Эрве (мы опять ссылаемся на него, потому что из всех слышанных нами сторонников теории «низших» рас, он защищал эту теорию наиболее убедительно)

указывает на тот факт, что дикарь более понятлив в детстве, чем в зрелом возрасте. Но что же из этого следует? Чем менее развита данная раса, тем раньше приходится детям самим заботиться о себе и тем быстрее приходится им развивать свою сообразительность. Что касается взрослых, то ранняя остановка развития зависит у них, правда, от физической организации – от зарастания черепных швов. В противоположность тому, что происходит у белой расы, сращение начинается именно с передней части черепа, так что развитие мозга прежде всего задерживается в тех частях, которые всего важнее для умственной деятельности. И это могло бы, действительно, послужить доказательством низшей природы, если бы было доказано, что белая раса не проходила через такую же стадию развития; между тем на доисторических черепах видно, что сращение происходило в них точно также начиная с передних частей и точно также очень рано – как у современных нам так называемых низших рас. Случаи подобного атавизма встречаются и в наше время. Что же, в таком случае, остается от этого аргумента?

Затем, нам часто указывают на республику Гаити, часто смеются над её военными переворотами; но давно ли и в нашей истории встречались подобные же факты, еще менее простительные, потому что мы считаем себя людьми высшей породы. Как бы то ни было, жители Гаити сумели во всяком случае, отвоевать свою независимость от французов. Кто же оказался «выше»: те ли, которые отвоевали свою свободу, или те, которые хотели удержать целый народ в рабстве? Кроме того, нужно совершенно не знать истории, чтобы отрицать существование у жителей Гаити некоторого прогресса, несмотря на разных тамошних сулуков[34] – подражателей наших Наполеонов.

Когда подумаешь, что большинство так называемых цивилизованных людей работает и умирает с голоду ради обогащения кучки тунеядцев и паразитов, когда вспоминаешь, что сами эксплуатируемые доставляют ту силу, которая служит для защиты их эксплуататоров, то поневоле явится вопрос: имеем ли мы право так гордиться своей высокой культурой? И дали ли мы, с другой стороны, возможность свободного развития тем диким племенам, которые еще продолжают существовать?

Мы нисколько не хотим этим сказать, что все расы совершенно тождественны между собой: мы только думаем, что все они обладают известными способностями, известными нравственными, умственными и физическими качествами, которые, если бы им предоставить свободно развиваться, могли бы дать возможность каждому племени внести свою лепту в общее дело человеческой цивилизации. Возьмем хотя бы австралийцев – жалких дикарей, стоящих на очень низкой ступени развития: они оказались, однако, способными изобрести бумеранг – метательное оружие с удивительным обратным действием, которого европейцы, несмотря на все свое искусство, на все свои баллистические знания, не могли до сих пор ни сделать, ни объяснить. Положим, изобретение бумеранга – не большой вклад в историю человечества, но раз изобретательность этих племен могла повести к открытию этого свойственного им одним оружия, тогда как пики, палицы и стрелы были известны и всем другим расам, то почему не предположить, что при иных условиях, эта изобретательность развилась бы в направлении более полезном?

Но белая раса (вместе с евреями, которые по этому случаю также вошли в состав белой расы), хотела непременно все завоевать, все вовлечь в круг своей эксплуатации. Повсюду, где она оказалась победительницей, отсталые расы должны были исчезнуть. И когда мы подумаем обо всем этом разрушении, обо всех этих убийствах, связанных с европейской эксплуатацией, то нам приходит в голову вопрос: не принесла ли белая раса человечеству столько же вреда, сколько и пользы?

Для того, чтобы выйти из животного состояния, нам понадобилось, может быть, около 150 000 лет, затем, еще 10.000 лет заняло развитие и падение цивилизаций египетской, халдейской, греческой, римской, индийской и мавританской; вместе с тем, параллельно развивалась и желтая раса. В настоящее время мы присутствуем при начале падения латинских рас – падения, которое не замедлит превратиться в агонию, если только социальный переворот не остановит вовремя физического и нравственного вырождения – результата существования капиталистического строя.

Возможно, что если границы между народами еще будут продолжать существовать, то нашим наследником явится раса славянская, как более молодая и позднее вступившая на путь европейской цивилизации. Но сколько времени продолжится этот период и что будет после? Откуда придет тот обновляющий дух, который оживит нашу ослабевшую белую расу, истощенную плохо понятой и плохо усвоенной цивилизацией?

При упадке каждой из существовавших цивилизаций всегда являлась новая раса, которая усваивала себе все умственные изобретения той, которой она пришла на смену, и, в свою очередь, вносила в них свой свежий ум, свои нетронутые способности, свою сильную и молодую кровь. Эта последовательная смена цивилизаций указывает, по-видимому, на то, что каждая раса имеет лишь ограниченный запас энергии и способностей и что, раз этот запас иссякнет, она или исчезает, или переходит в состояние застоя.

Некоторые из наших единомышленников возражат нам может быть, что в настоящее время рас больше не существует, что цивилизованный мир делится на государства, которые, хотя и представляют собой остаток прошлого, не опирающийся ни на какое реальное деление, тем не менее являются каждое в отдельности прочным целым. Во Франции и в России, в Америке и в Австралии цивилизация одна и та же. Теперь существует уже не деление на расы, а деление на классы.

Мы вполне согласны с тем, что по мере широкого развития международных сношений и облегчения передвижения из одной страны в другую, деление на расы, вследствие постоянных смешений и скрещиваний, все больше и больше исчезает. Но тем сильнее наше негодование при виде того, как целые племена гибнут, не успев внести в нашу цивилизацию тех своеобразных черт, которые они, может быть, были способны внести. Вспоминая об избиении стольких беззащитных племен, о стольких исчезнувших или исчезающих расах, мы с грустью спрашиваем себя, не обладали ли эти «низшие» наши братья некоторыми из тех многочисленных хороших качеств, которых не хватает нам?

Белая раса не сумела понять раз отсталых, и потому уничтожила их. Если бы она задалась целью поднять их на более высокий уровень развития, ей удалось бы достигнуть этого

только путем долгой эволюции; но она никогда не хотела брать на себя роли воспитательницы: она хотела только эксплуатировать, а эта эксплуатация в конце концов должна была свестись к истреблению.

Мы с такой яростью завоевываем дикие страны, а между тем можем ли мы, наверное, сказать, что цивилизация хотя бы ирокезов была ниже нашей? можем ли мы гордиться своим превосходством перед инками, которые, по крайней мере, умели обеспечить жилище и пропитание каждому из членов общества, тогда как в наших обществах царит нищета?

Теория «низших» рас не оправдывается ничем; она только служит оправданием для преступлений рас «высших».

XVI. Почему мы – революционеры?

Выше мы показали (по крайней мере, надеемся, что показали), что все люди без исключения имеют право на свободное развитие и на полное удовлетворение своих потребностей, и что государственная власть, собственность и другие учреждения, созданные эксплуатирующим классом для защиты своих привилегий, основанных на ограблении массы, не имеют никакого права на существование. Нам остается теперь рассмотреть пути к уничтожению того порядка вещей, на который мы нападаем, и к осуществлению желательного нам общественного строя; вместе с тем мы должны показать и наше право употреблять те или иные средства, потому что очень многие, вполне соглашаясь с нашей критикой современного строя, вполне сочувствуя нашему идеалу гармонического общества, не могут, однако, примириться с мыслью об употреблении силы и думают, что лучше было бы действовать постепенно, стараться повлиять на людей исключительно силой убеждения, что следовало бы исправлять современное общество мало-помалу.

В природе, говорят нам, все видоизменяется путем эволюции, почему же вы не признаете того же самого в общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочного не создав, а главное – рискуете погибнуть сами, вызвать реакцию тем более сильную, чем сильнее было революционное движение, и таким образом задержать на несколько столетий общественный прогресс.

Эти возражения, исходящие от добросовестных людей, руководимых искренним желанием выяснить вопрос, опираются на соображения, с первого взгляда кажущиеся справедливыми, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Действительно, все в природе происходит путем медленной эволюции, путем целого ряда мелких изменений, незаметных, если следить за ними постепенно, и бросающихся в глаза только при резком переходе от одного периода к другому. Так именно развилась жизнь на нашей планете, так выделился человек из животного мира, так стал человек нашего времени совершенно непохожим на человека каменного века.

Но тут упускается из виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюция происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встречала на своем пути никаких препятствий; в противном случае, если она обладает достаточным для этого запасом сил, она разрушает эти препятствия, если же нет – то останавливается сама. Всякий раз, когда между чем-нибудь, уже существующим, и стремлением вперед происходит столкновение, мы имеем перед собой революцию, каковы бы ни были размеры данного явления – будет ли это исчезновение целого материка или исчезновение одной частицы в организме.

В настоящее время выяснено, что крупные геологические перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясениями и не внезапными переменами, якобы происходившими под напором сил, скрытых под земной корой, а представляют собой результат медленных процессов и незаметных изменений, действовавших в течение целых тысяч веков. Мы знаем также, что те же причины, которые придали земле её современный вид, продолжают действовать и теперь, постоянно подготавливая новые преобразования.

Повсюду дождевая вода размывает горы, просачивается в камни, разрушает самый крепкий гранит. Ничто не делает этой медленной разрушительной работы заметной для взора путешественника; целые поколения сойдут со сцены прежде, чем появится хотя бы сколько-нибудь ощутимое изменение, и тем не менее в один прекрасный день произойдет обвал, который унесет с собой леса и деревни, засыплет русла рек, изменит их течение и распространит повсюду горе и опустошение. Но затем первое впечатление пройдет, жизнь снова возьмет свое, и еще сильнее, еще энергичнее возродится из развалин.

Вся эта эволюция происходит, конечно, очень медленно, но приходит такой момент, когда она не может продолжаться иначе, как при условии нарушить существующий порядок вещей; она продолжает свой путь – и гора, подмытая в самом основании, рушится, унося с собой все, что находится на её поверхности.

Возьмем другой пример. Мы знаем, что море удаляется от одних берегов и, наоборот, все больше и больше затопляет другие. Волны набегают на плоский берег, отрывают куски от почвы, завоевывая себе, таким образом, все большее пространство, а затем эти же самые куски почвы уносятся к другим берегам и там, наоборот, увеличивают область суши на счет моря. Работа эта происходит так медленно, что ее почти невозможно заметить: в течение столетия таким образом уносится всего несколько сантиметров земли. И однако придет момент – может быть через десять, может быть через сто тысяч лет, не все ли равно? – когда стена суши не сможет больше сдерживать напор волн; она поддастся тогда под каким-нибудь одним ударом, и море наводнит прибрежную равнину, черпая новые силы во встречающихся препятствиях, пока не остановится у подножия какой-нибудь новой преграды, которая снова задержит его на более или менее долгий промежуток времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходит и в наших обществах. Общественная организация и созданные для её поддержки учреждения являются преградами для прогресса; в обществе же, напротив, все стремится к разрушению этих преград: идеи изменяются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уважение к старинным учреждениям, которые тем не менее существуют и хотят продолжать управлять по-прежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа может быть незаметной для поколения современников. От времени до времени исчезают некоторые прежние обычаи или ослабевают какой-нибудь предрассудок, но это подготавливается так постепенно, что никто этого не замечает; только старики, сравнивая привычки своей юности с привычками сменяющего их молодого поколения, видят происшедшее в нравах изменение.

Но изменились только нравы, а общественные учреждения и общественная организация остались те же: они по-прежнему задерживают напирание на них волны, которые в

бессилии разбиваются у их подножья, лишь то там, то сям отнимая по камню. Этим камнями волны в своем бешенстве могут оторвать целые тысячи. Что такое отдельный камень в сравнении с могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносят этот камень с собой и, вновь напирая на каменную преграду, бросают им в нее, бьют им в стену, как тараном, и отрывают еще несколько камней, которые, в свою очередь, превратятся в новые орудия нападения. Борьба может продолжаться тысячи лет и скала будет казаться все такой же неприступной вплоть до того дня, когда, подрытая у самого своего основания, она рухнет под новым напором и даст широкий доступ торжествующим волнам.

Мы, несомненно, были бы очень рады, если бы общественная эволюция совершалась медленно, непрерывно и без потрясений; но это от нас не зависит. Мы, как пропагандисты, исполняем свою задачу, проповедуем идеи общественного обновления, а эти идеи составляют ту каплю, которая просачивается в камень, долбит его и прокладывает себе дорогу к самому подножью скалы. Можем ли мы помешать этой скале рухнуть и унести с собой все те подпорки, которые вы построили для её укрепления?

Никто, кроме буржуазии, не заинтересован в том, чтобы общественное преобразование совершилось без потрясений. Почему же, в таком случае, вместо того, чтобы пытаться сохранить скалу в том виде, как она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборот, не поможет нам скрыть ее и устроить так, чтобы воды могли спокойно течь к плоским равнинам, унося с собой негодные или вредные части, которые затем образуют отложения на этих равнинах и послужат к возвышению их уровня? Безумцы! они не хотят уступить ни малейшей доли своих привилегий; как скала, они считают себя неуязвимыми для напирających на них волн. Что значат для них те немногие уступки, которые рабочим удалось вырвать в течение всего целого столетия? Их привилегии так громадны, что опустошение почти незаметно. Но волны уже пробили брешь, уже борются со скалой с помощью от неё же оторванных камней и скоро окончательно разрушат ее. Мы только содействовали этой эволюции; если же, благодаря безумному сопротивлению буржуазии, она превратится в революцию, пусть пеняют на себя.

И, в самом деле, стоит нам только посмотреть беспристрастным взглядом на окружающие нас общественные явления, чтобы увидеть, что анархисты становятся революционерами только в силу естественного хода вещей. Они убедились в том, что причина всех зол, от которых страдает общество, лежит в самой его организации, и что все палиативы[35], предлагаемые политиками и социалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшение, потому что они уничтожают только внешние проявления, а не самый корень зла.

Когда человек сыт, когда его потребности более или менее удовлетворены, то ему легко ждать; но тот, кто испытывает и физический и умственный голод, не может, раз только он понял причину существующего зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будет всегда стремиться перейти от теоретических соображений к практическому делу.

Разве твердо убежденный в чем-нибудь человек не стремится всегда проповедовать свое убеждение, воплощать его в жизнь? Разве может человек, вполне убежденный в истинности какой-нибудь идеи, не стараться убедить в том же и других, а в особенности – не стараться

осуществить ее, согласуя с ней свою личную жизнь? А что такое, в современном обществе, проведение в жизнь новых идей, как не революционное дело? Как же вы хотите, чтобы те самые люди, которые сделали все, от них зависящее, для распространения новых идей, которые старались показать и причины общественного зла и средства к его устранению, старались нарисовать идеал лучшего будущего, – чтобы эти самые люди стали поперек дороги тем, кто стремится осуществить эти идеи на практике, чтобы они сказали им: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущего счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпением: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, может быть, сделать вам некоторые уступки». Это было бы ничем иным, как жестокой насмешкой.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положения, сами отказались бы от эксплуатации рабочих и передали бы свои фабрики, дома, земли и копи в руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и заменило бы царство конкуренции царством солидарности. Но можно ли серьезно надеяться на то, что капиталисты дойдут когда бы то ни было до такой степени бескорыстия, когда мы видим, что они направляют всю силу своего войска, своей полиции и своих судов на подавление самых ничтожных требований рабочих?

Теории, мечты о лучшем будущем – прекрасная вещь; но если бы оппозиция существующему строю сводилась к салонной философии или к послеобеденным разговорам сытых людей, если бы все ограничивалось бесплодными жалобами на современное положение вещей и мечтаниями о будущем благе, то мы были бы очень похожи на того сытого филантропа, с туго набитым кошельком, который говорит умирающему с голода бедняку: «Мне от души жалко вас, ваша судьба озабочивает меня в высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положение улучшилось; а пока – будьте бережливы и постарайтесь скопить себе на черный день», а затем проходит мимо, вполне довольный собой. Если бы это действительно было так, то буржуазия могла бы рассчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочих, а рабочие еще не скоро увидели бы конец своей нужде и страданиям.

К счастью, от идейных стремлений до попытки их осуществления, как мы видели, – один шаг, и многие человеческие натуры очень склонны этот шаг делать; а так как теория анархизма есть теория деятельная, то эти революционные натуры встречаются чаще в среде анархистов, чем в какой бы то ни было другой. Отсюда те многочисленные революционные акты, которые так пугают робкие умы, но которые для нас служат лишь доказательством развития наших идей.

Проповедовать жертвам эксплуатации покорность судьбе значило бы быть за одно с эксплуататорами; мы предоставляем эту роль христианству. Ни примирение с действительностью, ни платонические надежды не могут изменить положения: для этого нужно дело, а самое лучшее дело, это – устранение стоящих на пути препятствий.

Довольно уже люди преклонялись перед властью имущими, довольно они ждали спасения от свыше посланных личностей, довольно рассчитывали на чисто политические перевороты, на действие законов. Осуществление наших идей на практике требует людей сознательных, понимающих свою силу, умеющих заставить уважать свою свободу, не становясь в то же время тиранами других, – людей, которые не рассчитывают ни на кого, кроме себя самих,

своей собственной инициативы, своей собственной энергии. А эти люди явятся только тогда, когда мы будем проповедовать не примирение с существующим, а, наоборот, протест против него.

Это не значит, однако, что анархисты отказываются от содействия тех, которые не склонны к активной борьбе, а хотят ограничиться исключительно распространением идей, подготовлением дальнейшей эволюции; они даже не требуют, чтобы все их идеи были непременно восприняты целиком. В их область входит все, что уничтожает какой-нибудь предрассудок, устраняет какой-нибудь ложный взгляд, устанавливает какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегают ничьей помощью, не отталкивают никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто может дать им что-нибудь новое; они довольствуются тем, что соединяют в одно отдельные усилия и обобщают отдельные стремления, чтобы дать людям возможность разобраться в их собственных желаниях.

Наконец, если бы даже они этого захотели, анархистам невозможно оставаться мирными деятелями: силой вещей они приходят к более решительным действиям. Может ли выносить хотя бы придирки полицейского тот, кто раз понял, какую низкую роль он играет? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священного ореола, окружавшего его раньше? Можно ли относиться с уважением к богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой он живет, соткана из нищеты сотен семей?

Может ли он согласиться идти в казармы, чтобы там служить игрушкой в руках слуг своих эксплуататоров, тот человек, который уже знает, что патриотизм есть не более, как предлог, а настоящая роль солдата это – убийство его собратьев-бедняков?

Тот, кто понял, что бедность есть результат плохого общественного устройства, что одни умирают с голоду только потому, что другие слишком сыты, или хотят накопить богатства для своих наследников, тот не легко согласится умереть где-нибудь на улице. Приходит минута, когда, как бы человек не был миролюбиво настроен, он отвечает на силу – силой, на эксплуатацию – революционным актом.

Тем, кому хотелось бы, чтобы общество преобразовалось без всяких потрясений, лучше расстаться с этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбежно ведут нас к революции; об этом можно сожалеть, но это – факт, с которым приходится смириться. Никакие сетования тут не помогут, а раз уже революция неизбежна, то единственное средство помешать ей пойти против прогресса, это – принять в ней участие и постараться направить ее к осуществлению нашего идеала.

Мы не принадлежим к числу проповедников насилия; мы не занимаемся и тем, чтобы постоянно ругать фабрикантов и капиталистов, как либеральные буржуа когда-то постоянно ругали попов; мы не хотим толкать людей на то или другое дело, на тот или иной поступок. Мы убеждены, что люди делают только то, на что твердо решились сами, и что проповедовать какой-нибудь поступок можно только примером, а не словами или советами; вот почему мы ограничиваемся тем, что выводим известные логические последствия, предоставляя каждому выбирать тот способ действия, который кажется ему наилучшим. Но мы уверены, вместе с тем, что чем лучше будут поняты и чем больше будут развиваться

наши идеи, тем многочисленнее будут и акты революционного протеста.

Чем глубже проникнут наши взгляды в массу, тем сознательнее она будет становиться, тем живее будет в ней чувство собственного достоинства, и тем менее она, следовательно, будет склонна переносить притеснения со стороны властей и эксплуатацию со стороны капиталистов; тем чаще и многочисленнее станут в ней проявления духа независимости. И это не только не огорчает нас, но совершенно наоборот: каждый акт индивидуального протеста – лишний удар топора в давящее нас старое общественное здание. А раз уже прогресс не может обойтись без потрясений и жертв, то мы можем только приветствовать тех, кто погибает в буре, и надеяться, что их пример вызовет новых подражателей, более многочисленных и лучше вооруженных, и что их удары будут еще сильнее.

Но каково бы ни было число гибнущих в борьбе, это число все-таки очень мало в сравнении с теми бесчисленными жертвами, которых постоянно поглощает чудовищная пасть нашего общества. И чем напряжённое будет борьба, тем меньше будет её продолжительность, а, следовательно, тем больше окажется спасенных человеческих жизней – жизней, которые иначе были бы осуждены на нужду, болезни, истощение и вырождение.

XVII. Принципы и средства борьбы.

Нам часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленных, быть может, самыми лучшими намерениями, выражения удивления по поводу того, что анархисты отрицают некоторые приемы борьбы, как противные их убеждениям. «Почему бы вам не попробовать, говорят одни, захватить в свои руки власть, чтобы принудить общество к осуществлению ваших идей на практике?» «Почему, восклицают другие, вы не хотите послать своих представителей в палату депутатов, или в муниципальные советы? Они могли бы там быть вам полезными, а, вместе с тем, пользовались бы большим авторитетом для распространения ваших идей в массе».

С другой стороны, некоторые анархисты воображают, что поступают очень последовательно, доводя свои рассуждения до абсурда и вырабатывая в себе целый ряд понятий, решительно не имеющих ничего общего с анархическими идеями. Некоторые, например, начинают, под предлогом разрушения собственности, защищать воровство; другие доходят в своей проповеди свободной любви до таких нелепостей, которые они, не колеблясь, назвали бы развратом, если бы дело шло о каком-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это – те, которые отрицают всякие принципы, считая их предрассудками; «что мне за дело до принципов!» кричат они, «раз дело идет о революции – все средства хороши и нам нечего останавливаться совершенно некстати из-за каких-то принципов».

Но это – большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумают, то они сами быстро увидят, что не все средства хороши для достижения анархического идеала: есть и такие, которые идут ему наперекор. Какой-нибудь прием борьбы может иногда с первого взгляда казаться успешным, в действительности же – он будет только задерживать развитие идеи, служа исключительно личным интересам того или другого деятеля. Поэтому – все равно признаем мы это или не признаем, – но из каждого порядка идей вытекает известный руководящий принцип, на котором нам приходится основываться при выборе средств для практического осуществления данной идеи или для её более успешного распространения. Этот принцип действует с неизбежностью естественного закона и сам карает всякое нарушение; отступая от него, вы отдаляетесь от намеченной цели и достигаете результатов, совершенно обратных тем, к которым стремитесь.

Возьмем хотя бы пользование всеобщим избирательным правом, о котором мы упомянули в начале этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попытаетесь послать ваших товарищей в палату: они могли бы там провести те реформы, к которым вы стремитесь, или, по крайней мере, лучше организовали бы силы для будущей революции?» Нет сомнения, что при умно и систематически веденной оппозиции голосование, как и всякое другое средство, может повести к революции; но так как оно само есть ничто иное, как очень

совершенное орудие власти, то и вызванная им революция может быть только революцией сверху вниз, революцией чисто политической. Вот почему анархисты отрицают это средство, как отрицают и самую власть.

Если бы наш идеал заключался в том, чтобы произвести общественный переворот при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой-нибудь данной формуле, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщим избирательным правом и постараться повлиять на массу так, чтобы она поручила кому-нибудь из наших заботиться о своей судьбе и проводить наши теории в жизнь. Да и то, как мы уже видели выше, в главе о государственной власти, пользование избирательным правом могло бы выдвинуть только посредственности, потому что оно связано со столькими унижениями, с таким опошлением для тех, кто добивается избрания, что ни один искренний и сколько-нибудь умный человек не захочет стать в такое положение.

Причина неуспеха коллективистов в избирательной борьбе всегда именно в том и заключалась, что они – люди сравнительно умные, и потому их побеждали поппулисты[36], среди которых были только пустые болтуны, не имеющие ничего за душой; коллективисты же хотели (хотя и не везде) и сохранить в неприкосновенности свои революционные убеждения и вместе с тем выставить программу реформ. Понятно, что избиратель, как он ни глуп, начинал думать: «Если мне все равно придется прибегнуть к революции, то зачем же требовать реформ? Если эти реформы – не могут предотвратить необходимости взяться за оружие, то зачем посылать в Палату своих депутатов, чтобы они их там предлагали?» Если даже он и не рассуждал в такой именно конкретной форме, в какой мы передаем (это было бы выше среднего уровня избирателей), то таков был, во всяком случае, общий смысл дебатов на избирательных собраниях, такова была смутно бродившая в головах публики мысль; и вот избиратель решал подавать голос или за радикалов, которые восхваляли пользу предлагаемых реформ, или за поппулистов, которые тоже занимались восхвалением парламентских панацей, но при этом – чтобы польстить рабочим – приправляли свои речи несколькими нападками на буржуазию; что касается революции, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги с чисто политическими партиями и, ценой взаимного обмена услуг, обеспечивать избрание своих кандидатов.

Другой недостаток избирательной системы состоит в том, что она всегда подавляет личную инициативу, которую мы наоборот, должны всеми силами стараться развить. Она представляет из себя орудие власти, а мы стремимся к полному освобождению человеческой личности; она – орудие угнетения, а мы хотим, наоборот, вдохнуть в людей дух протеста. Избирательная агитация не может быть нам полезна, а может быть только вредна; поэтому мы должны выступать против пользования ей. Раз мы говорим людям, что нужно действовать всегда только по своему внутреннему убеждению, что не нужно подчиняться силе, которая хочет заставить вас делать то, что вам кажется дурным, – мы не можем, не впадая в противоречие сами с собой, проповедовать им подчинение закулисным интригам какого-нибудь избирательного комитета, не можем советовать им выбирать людей для установления законов, которые они заранее обязуются исполнить, не можем приглашать их принести в жертву этим людям всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

Это очевидное противоречие должно бы было бросаться в глаза даже наименее проницательным людям: если бы мы в него впали, мы сами сломали бы находящееся в наших руках оружие, потому что, унизившись до таких средств, мы оказались бы не больше не меньше, как простыми шарлатанами.

Кроме того, человек, как известно не совершенен, и мы рисковали бы попасть, в своем выборе, на честолобцев и интриганов, которые, раз очутившись в буржуазной среде, воспользовались бы этим, чтобы создать себе положение и оставить в стороне всякие идеи. Что же касается людей искренних, то в этой испорченной атмосфере им оставалось бы одно из двух: или добросовестно признать свое бессилие и удалиться, или же приспособиться к парламентским правам и самим обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу от увлечения отдельными личностями, стараемся объяснить ей, что от них нечего ждать, – мы оказались бы в положении людей, потративших все свои усилия на создание карьеры для нескольких человек. В случае же, если бы они оказались изменниками, это бросило бы тень на наши идеи. Большинство людей сказал бы: «Анархисты нисколько не лучше других», и лишь очень немногие сумели бы отделить идеи от личностей, понять, что нельзя ставить в упрек первым то, что зависит исключительно от слабости или испорченности последних.

И вот, потратив массу драгоценного времени и массу сил на доставление торжества нескольким личностям, мы должны были бы потерять еще столько же не менее драгоценного времени и потратить понапрасну еще столько же сил, ради доказательства того, что эти люди – изменники, но что их измена нисколько не касается проповедуемых нами идей. И неужели же после этого мы опять выставили бы новых кандидатов? Конечно, нет! Пословица «паршивая овца все стадо портит» очень стара, но вместе с тем и вполне верна; в особенности же она верна тогда, когда речь идет, наоборот, об одной здоровой овце, пущенной в стадо паршивых.

Мы видим, таким образом, что нам нет цели пользоваться избирательным правом: оно не только не может дать никаких результатов, но, что еще важнее, идет наперекор нашей цели, наперекор нашим принципам.

Другие противники – а с ними вместе и некоторые анархисты – говорят, что во время революции непременно придется признать, если и не власть какого-нибудь вожака – так далеко они не идут, – то, во всяком случае, превосходство какого-нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за ним признаем. Это – удивительное противоречие, удивительное переживание крепко укоренившихся в нас вместе с воспитанием предрассудков. Мы громко требуем свободы, а между тем в страхе отступаем перед её последствиями; мы не доверяем её силе и хотим, для достижения её, прибегнуть к помощи... власти! Вот она, непоследовательность человеческого ума!

Чтобы стать свободным, самое лучшее средство это – начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опеке; чтобы научить ребенка ходить, во всяком случае, никогда не начинают с того, чтобы связать ему ноги!

«Однако», говорят нам, «есть вещи, которые одни люди знают лучше, чем другие; поэтому, прежде чем начать действовать, нужно посоветоваться с этими знающими людьми и последовать их совету». Мы всегда были того мнения, что инициатива отдельной личности нисколько не исключает взаимного соглашения в виду общего дела, и что из этого соглашения вытекает всегда известная организация, известное разделение труда, в силу которого каждый становится солидарным со всеми остальными и приспосабливается в своей деятельности к деятельности своих товарищей по борьбе или по работе; но от этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдельной личности подчинять свою волю тому, кто будет признан более компетентным в той или иной определенной области.

Когда мы, например, отправляемся компанией на прогулку и поручаем тому из нас, кто лучше других знает местность, привести нас к намеченной цели, то разве это значит, что мы избрали его своим вождем и обязались слепо идти за ним, куда бы ему не вздумалось нас повести? Разве мы даем ему в руки силу, которой бы он мог принудить нас подчиниться в случае, если мы бы отказались за ним следовать? Конечно, нет. Если среди нас есть человек, который знает дорогу, мы идем за ним, потому что предполагаем, что он сможет привести нас к цели, и знаем, что он сам идет туда же, но этим мы нисколько не отрекаемся от своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь из нас заметит, что наш провожатый ошибается, или хочет завести нас не туда, мы постараемся где-нибудь получить верные сведения о дороге и пойти по тому пути, который покажется нам наиболее коротким или приятным.

Не иначе должно быть и в борьбе. Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы целыми армиями против армий, от правильных сражений в открытом поле, от военной стратегии и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доске. В борьбе нужно, главным образом, направить свои удары на учреждения – сжечь документы, устанавливающие права на собственность, податные реестры, нотариальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможные официальные записи и т. д. Экспроприация капиталистов, захват собственности в общую пользу, предоставление массе пользоваться предметами потребления – все это дело скорее небольших и рассеянных групп, дело мелких стычек, чем правильных сражений. Эту борьбу анархисты должны будут постараться начать в возможно большем числе пунктов, чтобы таким образом напасть на правительство со всех сторон и, принудив его разделить свои силы, разбить его по частям.

Но для этого рода борьбы не нужно никаких вождей. Если кто-нибудь задумает то или другое дело, он примется за него сам и постарается привлечь товарищей, которые, если предприятие им понравится, последуют за ним, нисколько не отказываясь этим от своей собственной инициативы; они просто пойдут за тем, кто им покажется способным руководить данным делом, но если во время борьбы явится другой и предложит иной путь, то этот другой не подумает спрашивать у первого разрешения поступить по своему, а прямо предложит свой план, на который другие согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется он им целесообразным или нет.

Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, делился своими знаниями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проект, принимался за его осуществление, объяснив его тем, кого он хочет за собой увлечь; но никто не должен

отрекаться, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равные между собой личности, взаимно помогающие друг другу, сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав, ни от своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это – прилагать их на практике.

То же самое можно сказать и о всех тех средствах борьбы, на которые нам указывают. Есть, например, анархисты, которые из ненависти к собственности доходят до оправдания воровства, и даже – доводя эту теорию до абсурда – до снисходительного отношения к воровству между товарищами.

Мы не намерены, конечно, заниматься обличением воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существовании. Но дело в том, что когда мы стремимся к разрушению частной собственности, мы боремся главным образом против присвоения несколькими лицами, в ущерб всем остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякий, кто стремится создать себе какими бы то ни было средствами такое положение, где он может жить паразитом на счет общества, для нас – буржуа и эксплуататор, даже в том случае, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имея возможности заниматься эксплуатацией законным путем, старается сделать это помимо закона – что нисколько не мешает ему, в случае, если ему удастся самому сделаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиции.

Какое для нас, революционеров, лучшее средство достигнуть революции? Развитие человеческого достоинства, подъем нравственного уровня, развитие в человеке независимости и гордости, которые заставляют его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетению, восставать против всего, что ему кажется ошибочным или нелепым. Все окольные пути, все мелочные и унижительные уловки, все старания обойти тот или другой пункт закона могут с нашей точки зрения, только повредить пропаганде, только отдалить нас от цели. Они принуждают к таким низменным поступкам, которые мы, вообще, отвергаем, и вместо того, чтобы возвышать характер человека, наоборот, портят и принижают его, приучая употреблять всю свою энергию на мелочи. Мы одобряем, например, (и хотели бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человека, который, будучи поставлен нашей общественной организацией в невозможность жить, открыто и силой захватывает то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существование; но мы относимся совершенно холодно и равнодушно к поступкам, входящим в категорию обыденного воровства, потому что в них нет того характера общественного протеста, который, по нашему мнению, должен быть ясно виден во всем, что делается с целью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропаганде делом». Чего только не говорилось по этому поводу, каких только нелепых взглядов не высказывалось, как со стороны защитников, так и со стороны противников этого приема борьбы?

«Пропаганда действием» есть ничто иное, как мысль, перешедшая в действие, а в предыдущей главе мы видели, что сильно чувствовать что-нибудь значит вместе с тем

стремиться применить свое чувство в практической жизни. Это – достаточный ответ противникам. Но, с другой стороны, мы встречали и таких сильно увлекающихся, но мало думающих анархистов, которые хотели свести все к одной только пропаганде действием; убивать буржуа, истреблять фабрикантов, поджигать фабрики, разрушать здания – вне этого для них не существовало ничего. Всякий, кто не говорил об убийствах или поджогах, не был, в их глазах, достоин названия анархиста.

Мы вполне сочувствуем практическому делу вообще: дело, это, как мы уже говорили – цвет мысли. Но нужно все-таки, чтобы оно имело какую-нибудь цель, чтобы человек сознавал, что он делает: иначе его действие обратится против него самого.

Представим себе, например, что сгорит какой-нибудь, находящийся в полном ходу, завод, на котором работают, скажем 50, 100, 200 или 300 – все равно, сколько – рабочих. Хозяин этого завода ничем не отличается от всех остальных: он не хорош, не дурен, ничего особенного сказать о нем нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни с того ни с сего подожжет этот завод, то из этого выйдет только то, что рабочие окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бедственным положением, в котором они временно очутятся, несомненно не станут доискиваться мотивов, которые толкали поджигателя, а обратятся против него и против вдохновляющих его идей. Вот – последствия необдуманного поступка.

Но допустим, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходит стачка. В числе хозяев есть такие, которые выдаются среди остальных своей жестокостью – которые вызвали своей особенно сильной эксплуатацией эту стачку, или своим упорством затягивают ее, мешая другим хозяевам уступить; они, несомненно, навлекут на себя неприязнь рабочих. Представим себе теперь, что такого хозяина найдут где-нибудь убитым, причем тут же будет записка, объясняющая, что его убили именно как эксплуататора, или допустим, что по тем же причинам подожгут его завод. Тут же уже сомнения в мотивах действия быть не может, и мы уверены, что рабочий мир встретит такой акт сочувственно. Это – поступок обдуманный. В каждом данном случае, следовательно, нужно подчинять свои действия общему руководящему принципу.

«Цель оправдывает средства» – лозунг иезуитов. Правда, некоторые из наших товарищей хотят применить его к анархическому движению, но в сущности он годится только для людей, которые ищут эгоистического удовлетворения своих личных потребностей, не заботясь о тех, кого они могут оскорбить, или кому могут повредить по пути. Но когда человек ищет себе удовлетворения в проведении в жизнь принципов солидарности и справедливости, употребляемые им средства должны быть всегда подчинены цели; в противном случае они приведут к результатам, обратным тем, которых от них ожидают.

XVIII. Революция и анархизм.

Это различие во взглядах на приемы борьбы зависит от того, что некоторые увлекающиеся товарищи, мало задумываются над идеями и в сущности, имеют в виду исключительно только революцию, даже тогда, когда им кажется, что они борются за анархический идеал. Они думают, что этот идеал целиком заключается в революции, совершенно также, как республиканцы думали когда-то, что стоит только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщего счастья и благоденствия. Нам нечего напомнить читателю о тех разочарованиях, которые пришлось испытать рабочей массе после установления республиканского правления; постараемся же предотвратить те, не менее ужасные, разочарования, которых нам не миновать, если мы не отвыкнем ждать всего от революции и делать из неё цель, когда она есть не более как средство.

Наши товарищи исходят из той – может быть и очень рекомендуемой их – мысли, что можно сгруппировать людей заранее в виду революции, и как только их соберется более или менее значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь восстание; они думают, что можно искусственно создать такое положение дел, при котором революция вспыхнет, а затем уже организованные революционные группы постараются придать ей должное направление. Отсюда их сочувственное отношение к некоторым приемам борьбы, которые, как им кажется, могут приблизить этот момент; отсюда их старания сгруппировать все революционные силы вокруг одной смешанной революционной программы, оставляя в стороне такие подробности и оттенки мнений, которые могут внести разногласия и отдалить некоторых лиц, которых они считают обладающими революционным темпераментом.

Мы же, наоборот, уверены в том, что революция придет сама и прежде, чем мы будем достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаем, что современная общественная организация неизбежно ведет к этому и что если существующий экономический кризис усложнится каким-нибудь политическим событием, то это может явиться искрой, которая подожжет порох; то движение, которое наши товарищи хотят вызвать искусственно, вспыхнет, таким образом, само.

Всякому, кто не хочет закрывать глаз на действительность и прятать, как страус, голову под крыло, ясно, что настоящее положение не может продолжаться долго. Недовольство царит повсюду; именно ему буланжизм[37] был обязан той силой, с которой он охватил Францию, и если это движение окончилось неудачей, то это зависело исключительно от глупости и трусости стоявших во главе его людей. Но то, что не удалось одним, может удасться другим.

Если в настоящее время это недовольство и не выражается так резко, как во время буланжизма, оно однако существует; оно не менее распространено, не менее глубоко. Промышленный кризис не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднее и труднее; безработица затягивается, и армия безработных делается все многочисленнее и многочисленнее. И всякий раз, как приходит зима, мы всякий раз вновь и вновь видим длинные очереди нищих, дрожащих от холода и голода, с тревогой ожидающих у ворот казарм, больниц, ресторанов и некоторых благотворительных учреждений, той минуты, когда можно будет получить тарелку супа или кусок хлеба. А так как такое положение не может продолжаться долго, то людям, наконец, надоеет умирать с голоду, и они сделают революцию.

И вот, когда эта революция произойдет, влияние анархических идей будет, по нашему мнению, тем сильнее, чем больше они за это время успеют распространиться, чем лучше они будут поняты, чем полнее будут они выяснены и очищены от всех тех предрассудков, которые еще живут в нас благодаря привычке, наследственности и воспитанию. Наша цель, поэтому – прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательных, избегающих всяких уступок, которые могли бы стушевать часть нашего идеала, всяких союзов ради увеличения нашей численности, союзов, которые могут рано или поздно явиться нам помехой и вызвать сомнение относительно наших настоящих целей.

Итак, революция для нас не цель, а средство – средство, несомненно неизбежное и к которому, наверное, придется прибегнуть, но имеющее ценность постольку, поскольку оно ведет к цели. Предоставим самому обществу создавать своей несправедливостью недовольных, протестующих, революционеров; наше же дело – создавать людей сознательных, знающих, чего они хотят, одним словом – настоящих анархистов. Они несомненно, должны быть революционерами, но пусть они останавливаются не только на идее насильственного переворота, но и на той цели, которой он должен послужить.

Мы заранее предвидим возможные возражения: «Что сделали до сих пор все ваши прекрасные теории относительно личной инициативы и самостоятельности?» скажут нам. «Что делают ваши рассеянные повсюду и не связанные между собой группы? Разве вам самим не приходится бороться против различных поступков и взглядов, прикрывающихся названием анархических, но которых вы не хотите признать таковыми?»

Анархическая пропаганда действительно не дала до сих пор всех тех результатов, которые она может дать; ее действительно поняли далеко не все те, кто заявляет себя её сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повторений, чтобы сосредоточить внимание именно на тех пунктах, которые наиболее нужно выяснить.

Кроме того, если в деятельности анархистов и не хватает иногда, сознательной осязательной стройности, практической организации, то она тем не менее ведется довольно энергично и у них, во всяком случае, есть та последовательность и стройность, которая вытекает из общности ясно замеченной цели. Во Франции, в Испании, в Италии, в Англии, в Америке, в Австралии – повсюду анархисты стремятся к уничтожению частной

собственности и государственной власти, к полной и безусловной независимости личности. В этом общая основа всех их взглядов.

В вопросе о способах достижения общей цели могут, конечно, быть разногласия: идеальное единство пока еще не установилось. Но мало-помалу мы к этому приближаемся и, как только исчезнет боязнь некоторых слов, под которыми люди понимают самые различные вещи, мы увидим настоящее взаимное соглашение между группами разных стран, настоящую серьезную организацию, основанную на совершенно свободных началах и тем более прочную, что она будет вытекать из самой практики, а не из искусственного и основанного на уступках договора.

Что же касается существования таких теорий и поступков, от которых следует сторониться, то, действительно, существует в движении известное направление – направление, несомненно имеющее полицейский источник, но распространяющееся благодаря искреннему увлечению некоторых из наших товарищей – против которого мы всеми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать к революции – плохое средство уберечься от предателей, от ложных идей, от ложных принципов. Есть только один путь для разграничения между идеями действительно анархическими и мнениями, высказываемыми с целью свести движение с его настоящей дороги: это – стараться еще лучше выяснить наши взгляды, еще полнее очистить их от всех переживаний стремления к господству над другими. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди, к которым мы обращаемся, нас понимали и умели сами отличить, имеет ли данный поступок анархический характер, или нет; это будет гораздо действительнее чем заранее высказанное осуждение той или другой категории действий.

Правда, то, что происходит в настоящую минуту в наших рядах, может иногда внушить людям, с нетерпением ожидающим осуществления нашего идеала счастья и гармонии, сомнение в возможности его, в возможности водворения согласия среди того хаоса идей, которые, под именем анархизма, борются в наше время так или иначе с буржуазным строем. Но разве всякая новая идея, стремящаяся к разрушению существующего, не создает временно хаоса и беспорядка? Повторяем: предоставим нашим нетерпеливым товарищам немного успокоиться, и займемся более точной разработкой идей; по мере того, как они будут серьезнее обдумываться и сознательнее восприниматься, они сами уложатся в систему, и эта система будет тем стройнее, чем меньше препятствий мы будем ставить свободному развитию мысли. Развитие анархической идеи само создаст сознательных людей и увеличит таким образом вероятность успеха для будущей революции.

Зарождение этого, ошибочного взгляда на принципы, как на лишнее стеснение в революционной борьбе, в значительной степени зависело от того, что при виде хаоса в идеях и поступках, царящего вокруг них, многие из наших товарищей начинали с одной стороны отчаиваться в возможности сгруппировать силы в виду революции, а с другой – относиться как к метафизике к обсуждению всяких идейных вопросов. Не находя в нашем собственном запасе идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить из другого источника, и вернулись к средствам борьбы, прямо заимствованным из понятий

государственных. При этом они самым наивным образом думают, что, переименовав названия, они изменили и сами понятия. Нетерпение мешает им видеть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилия борцов тем не менее все ведут к одной цели, и этому объединению остается только сделаться сознательным, чтобы приобрести всю ту силу, которую они хотели бы ему придать и которая в действительности может явиться только следствием полного развития идей.

Мы хотим, говорят они нам, чтобы, когда кто-нибудь из товарищей обещает нам свое содействие в каком-нибудь деле, мы могли на него рассчитывать, и чтобы он не нарушил своего обещания, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно с этим согласны, но мы думаем вместе с тем, что дело пропагандиста показать людям, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда уверены, что выполнят его, и что, раз уже они дали обещание, простая честность заставляет исполнить его. Конечно, при этом приходится бороться с тем самым деморализующим направлением, о котором мы говорили выше, но опять-таки доказать преимущества солидарности и полного доверия между товарищами может только пропаганда. Какая польза от того, что от человека заранее потребуют взять на себя то или иное обязательство? Допустим даже, что мы напишем огромными буквами в заранее выработанных программах, что люди должны исполнять то, что они обещали; что же нам из этого, у нас нет в руках никакой силы, чтобы принудить тех, кто захочет нарушить свое обещание, к исполнению его?

Будем меньше руководствоваться нашим нетерпением и больше – голосом рассудка, и мы увидим, что метафизика не всегда бывает на той стороне, где ее ищут.

XIX. Бесплезность реформ.

Разбирая вопрос о том, что заставляет нас быть революционерами, мы уже видели, что сам современный строй порождает и нищету, и недовольство и, таким образом, неизбежно ведет к революционному протесту; а раз уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать в этой революции, то самое лучшее, что мы можем сделать, это – начать к ней приготавливаться. Есть и еще одно соображение, о котором мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняет почему анархисты не борются за осуществление некоторых реформ, которые многие представляют рабочим как лекарство от всех зол, или как средство достигнуть освобождения мало-помалу и мирным путем.

Мы убеждены в том, что при существующем капиталистическом строе, при делении общества на два класса, из которых один живет на счет другого, всякое улучшение в положении класса эксплуатируемого будет, вместе с тем, ослаблением привилегий класса эксплуататоров. Поэтому одно из двух: или данная реформа есть ничто иное как мираж, как приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочих и, заставить их потратить все свои силы на приобретение мыльных пузырей, которые тотчас же лопнут, как только их захотят взять в руки, или же эта реформа действительно может изменить положение дел. В последнем случае привилегированный класс, стоящий у власти, сделает все возможное, чтобы помешать её осуществлению, или обратить ее в свою пользу, и тогда рабочим придется опять-таки прибегнуть к решительному средству, к силе.

Мы не думаем заниматься разбором всех планов реформ, всех избирательных фантазий, изобретаемых ищущими новинок политиками или жаждущими избрания кандидатами: для этого нам потребовались бы целые томы. Но мы надеемся, что читатель уже убедился в том, что источник существующей бедности лежит в плохом экономическом строе, и что он легко поймет, почему мы оставляем в стороне все реформы, относящиеся к чисто-политическим переменам. Что касается реформ экономических, то таких, которые стоило бы разбирать, очень немного и их легко перечислить: это – подоходный налог, сокращение рабочего дня и установление минимума заработной платы, увеличение налогов на наследства и уничтожение права наследства для наследников не по прямой линии. Прибавим к этому еще и устройство рабочих синдикатов, и превращение их в потребительные товарищества, и мы получим весь реформаторский багаж тех, кто хочет преобразовать общество путем постепенной эволюции. По количеству это немного; посмотрим, каково качество.

Во-первых, подоходный налог. Его уже давно проповедуют как лекарство от всех зол, но понемногу он начинает терять свое прежнее обаяние. Это – одна из тех реформ, которыми различного рода политики успешнее всего прельщали рабочих и которые пользовались наибольшей популярностью: в самом деле эта реформа, казалось, должна была возложить

заботу о государственных издержках на богатых и восстановить некоторое равновесие в обществе, заставив каждого члена его участвовать в расходах сообразно количеству тех услуг, которые общество ему оказывает.

Но стоит только внимательнее присмотреться к общественному механизму и поискать, в чем состоят действительные источники богатства, чтобы увидеть, что эта реформа не может изменить ничего, что она – ничто иное, как грубая ловушка для рабочих, с целью подать им ложную надежду на неосуществимые улучшения и помешать искать более действительных средств к освобождению.

Есть, правда, среди буржуазии люди, которые, при одном намеке на подходящий налог, пугаются и уже представляют себя «ограбленными» в пользу «черни»; людей, которые дрожат и прячутся при малейшей тревоге, что не мешает им кричать точно их режут, как только кто-нибудь сделает вид, что хочет тронуть их привилегии, не мало среди буржуазии. Возможно также, что в числе тех, кто защищает эту реформу, есть и люди искренние, действительно верящие в её полезность. Во всяком случае, как крики ужаса одних, так и наивная вера других, ведут к тому, что обманутые рабочие принимают эту игру за серьезное дело и перестают слушать тех, кто доказывает, что им нечего ждать от эксплуататоров и что действительно освобождение наступит для них только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнут.

В старые времена, когда существовала десятина, рабочий народ знал, сколько именно он платит своим господам и угнетателям: столько-то шло помещику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. В конце концов, он заметил, что для него самого остается при такой системе слишком мало, и устроил революцию. Власть перешла в руки буржуазии, а так как народ боролся за уничтожение десятины, то восстановить ее было бы слишком неосторожно. И вот, буржуазия изобрела прямые и косвенные налоги. Та же десятина продолжала взиматься по-прежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различного рода посредники, которые уже затем с избытком вознаграждали себя на счет карманов производителей и потребителей. А так как последние не имеют дела непосредственно с казной, то они и не могут дать себе точного отчета в том, сколько именно они платят; все идет таким образом, к лучшему в лучшем из буржуазных миров.

Во Франции, говорят нам, на каждого человека приходится от 130 до 140 франков податей в год; ведь это – сумма настолько незначительна, что не стоит отказывать себе в удовольствии иметь за такую дешевую плату, почти даром, правительство, которое берет на себя заботу о вашем благополучии! Это, конечно, даром, но дело в том, что, рабочий не замечает, что, так как только он производит, то только он и платит: он вносит не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разных паразитов, живущих продуктами его труда.

Сколько бы софизмов не пускали в ход буржуазные экономисты ради оправдания существования капиталистов, во всяком случае несомненно одно: капитал сам умножаться не может, а может быть только продуктом труда; но так как капиталисты сами не работают, то их капитал должен быть результатом труда других. Вся торговля между отдельными

личностями и между народами, весь обмен, все международные сношения – все это существует благодаря труду, а барыш, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, как та же десятина, взимаемая владельцами капитала с труда производителей.

Если мы получаем от земли различные продукты: хлеб, овощи, плоды, служащие нам в пищу, лен и коноплю, которые мы употребляем на одежду, то разве мы обязаны этим вложенному в землю капиталу? Разве благодаря ему существуют пастбища для нашего скота? Разве одной силы капитала было бы достаточно для получения из копей металлов, нужных нам в разных отраслях нашей промышленности, для машин и для всевозможных инструментов? Разве капитал обрабатывает сырой материал и превращает его в предметы потребления? Никто не решится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономия, все сводящая к капиталу, не идет так далеко: она старается только доказать, что раз капитал необходим для всякого промышленного предприятия, он имеет право на долю – и притом самую большую – в получаемой прибыли, в вознаграждение за тот риск, которому он якобы подвергается.

Чтобы показать бесполезность капитала, прибегнем к известной и много раз уже служившей гипотезе: представим себе, что все виды денег – золотые и серебряные монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другие ценные бумаги – исчезли; что же, неужели производство от этого приостановится? Неужели крестьянин перестанет обрабатывать землю, углекоп – работать в копях, фабричный рабочий – производить различные предметы потребления? Неужели рабочие не найдут средства устроить обмен продуктов и продолжать жить и производить, несмотря на устранение денег? Ответ на эти вопросы может быть только один, и он ясно показывает нам, что капитал служит лишь маской, скрывающей бесполезность общественных паразитов и позволяющей им взимать за свое посредничество дань с рабочего класса. Поэтому, к каким бы средствам государство не прибегло для обложения налогами доходов с капитала, эти налоги в конце концов все равно падут на производителей, потому что и сами доходы зависят исключительно от труда этих последних.

Чем больше будет этот налог, тем большей тяжестью он ляжет на рабочих, а разного рода посредники еще увеличат ее. И, в конце концов, благодаря недостаткам, присущим нашему общественному строю, хваленая реформа обратится в новое орудие эксплуатации и грабежа.

После подоходного налога, уже пережившего время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является в настоящее время сокращение рабочего дня с установлением минимальной заработной платы.

Установить – в пользу рабочих – известные определенные отношения между трудом и капиталом, добиться того, чтобы работать не двенадцать часов в день, а восемь – кажется, с первого взгляда громадным шагом вперед; поэтому ничего удивительного, если многие увлекаются этим палиативом и употребляют на достижение его все свои силы, в полной уверенности, что работают для освобождения рабочего класса. Но мы уже видели, когда нам пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это – поддержание существующего порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы

государство вмешивалось в отношения между трудом и капиталом, значит идти наперекор всякой логике: это вмешательство может оказаться выгодным только для тех, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видели на примере подоходного налога, что роль капиталиста – существовать на счет настоящего производителя; поэтому, советовать рабочим просить у буржуазии ограничить свои доходы, когда она только и старается о том, чтобы их как-нибудь увеличить, – значит не больше не меньше, как жестоко смеяться над ними. Даже для политических изменений, гораздо менее важных, чем это, и то потребовались целые революции.

Если рабочий день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим поднять впоследствии заработную плату. С первого взгляда, это рассуждение кажется вполне правильным, но для всякого, кто попытается дать себе отчет в явлениях, связанных с современным строем нашего так называемого общества, скоро станет ясна ошибочность его.

Мы уже видели выше, что излишек товаров в торговых складах происходит не от слишком больших размеров производства, а от того, что большинство производителей живет в нужде и не может потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочего, чтобы обеспечить себе работу, это – захватить в свои руки все те продукты, которых его лишают и употребить их на удовлетворение своих потребностей. На этой стороне вопроса мы поэтому останавливаться не будем; мы хотим только показать, что эта реформа не может принести рабочим и никакой денежной выгоды.

Когда капиталист вкладывает свои капиталы в какое-нибудь промышленное предприятие, он имеет в виду, что это предприятие будет приносить ему доход. При настоящих условиях, например, он считает, что для получения известного барыша ему нужно десять, одиннадцать или двенадцать часов труда его рабочих. Если вы уменьшите продолжительность рабочего дня, эти расчёты нарушатся, и барыш предпринимателя падет, а так как капитал непременно должен приносить ему известный определенный процент и весь труд капиталиста именно в том и состоит, чтобы найти путь к этому, покупая как можно дешевле и продавая как можно дороже (т. е. обкрадывая как можно лучше всех тех, с кем он входит в сношения), то он примется искать нового способа наживы, с целью вознаградить себя за понесенный убыток.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цену продуктов, или уменьшить плату рабочим, или, наконец, заставить этих последних производить в восемь часов то, что они раньше производили в двенадцать.

Против второго из этих способов сторонники реформы оберегаются тем, что требуют одновременного установления минимальной заработной платы. Что касается первого, то вряд ли предприниматели будут рассчитывать на повышение цен продуктов, потому что им помешает в этом конкуренция; но во всяком случае, если бы дороговизна жизни возросла по мере увеличения заработной платы, то это послужило бы доказательством того, что всю тяжесть реформы опять-таки придется нести рабочему. Если он будет получать за восемь часов работы то же, что получает теперь, то его положение окажется худшим, потому что

повышение цен сделает для него этот заработок сравнительно меньшим.

На примере северной и южной Америки мы видим, что повсюду, где рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно с этим увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать в день двадцать франков, то это значит, что для того, чтобы жить так, как может жить человек, имеющий хороший заработок, ему нужно было бы двадцать пять; этот заработок всегда, таким образом, остается ниже среднего необходимого уровня.

Но в наш век пара и электричества, конкуренция требует от производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознаграждения своих убытков эксплуататоры не будут особенно рассчитывать на вздорожание продуктов. Самым удобным средством охранить свои барыши явится для них третье, т. е. они постараются заставить рабочих производить в восемь часов то, что они производили в двенадцать.

Рабочему придется работать быстрее, а благодаря этому то загромождение рынка товарами и та безработица, которых хотели избежать, останутся прежними: размеры производства не изменятся, а возможности потреблять будет у рабочего не больше, чем теперь.

Но этой безуспешностью реформы дело не ограничится: уменьшение рабочего дня поведет за собой, прежде всего, введение более совершенных машин и замену живого рабочего рабочим железным. В благоустроенном обществе это было бы шагом вперед, но в нашем – оказывается только лишней причиной бедности. Кроме того, при более скорой работе, рабочему придется усилить быстроту своих движений, больше сосредоточиваться на своей работе, а это напряжение сил всего организма будет для него еще более вредным, чем продолжительность труда. Правда, он будет работать меньшее число часов, но он будет тратить в это гораздо более короткое время больше сил, а потому будет утомляться сильнее и скорее.

Если мы обратимся к примеру Англии, на которую нам указывают сторонники реформы и где рабочий день сведен к 9-ти часам, то мы увидим, что это «улучшение» является, в действительности скорее «ухудшением» для рабочих. В подтверждение сошлемся на того самого Маркса, которого инициаторы реформы считают своим оракулом.

В первом томе «Капитала» мы находим следующую выдержку из доклада одного фабричного инспектора (стр. 418 первого русского издания): «Так, например, относительно гончарного производства фирма Cochrane под названием «Britain Pottery, Glasgow» говорит: «чтобы поддержать количество продуктов, мы усиленно вводим в употребление машины с неискусными рабочими, мы ежедневно более и более убеждаемся, что можем этим путем производить больше, нежели старым способом»... «Влияние фабричного закона выражается в том, что он понуждает к дальнейшему введению машин».

А на стр. 370 мы находим следующее:

«Потому, хотя инспекторы фабрик без устали, имея на это полное право, восхваляли благоприятные результаты фабричных законов 1848-1850 гг., однако они сознаются, что сокращение рабочего дня вызвало усиление напряжения труда, разрушающее здоровье, а,

следовательно, и саму рабочую силу. «Кажется в большей части хлопчатобумажных, шерстяных и шёлковых фабрик изнурение, вследствие возбуждённого состояния, - необходимого для работ при машинах, движение которых в последние годы так необыкновенно ускорилося, составляет одну из причин сильно увеличивающейся смертности от болезни лёгких», как показал D-r Greenhow в своём превосходном последнем отчёте. Коль скоро капиталу преграждён законом путь **удлинения рабочего дня**, то не подлежит ни малейшему сомнению[38], что он будет стремиться наверстать это систематическим повышением **степени интенсивности** труда, и обратить каждое усовершенствование машины в средство сильнейшего высасывания рабочей сил. Но это стремление, дойдя до известной степени, необходимо ведёт за собой новое сокращение рабочих часов».

Итак, замена рабочего машиной и большая опасность заболеть для того, кто работает, вообще – уничтожение всякого влияния реформы и возвращение к исходной точке (даже оставляя в стороне происшедшие ухудшения) – таковы выгоды этой благодетельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясные.

«Все это – правда», возразят нам, «но ведь развитие машинизма все равно произойдет, даже если мы будем работать двенадцать часов. Уменьшение рабочего дня все-таки вносит хотя бы временное улучшение, потому что дает нам возможность оставаться на фабрике не двенадцать часов, а всего восемь, а это – нравственная победа, которой мы пока и довольствуемся». Такое возражение показывает только, что наши противники обладают добрым сердцем и довольствуются малым; но мы, анархисты, – более требовательны и находим, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованиями, которые равно ничего не преобразуют. Стоит ли пропагандировать меру, которая хороша только пока не применена на практике, а как только переходит в жизнь, так обращается против преследуемой цели?

Машинизм, конечно, постепенно развивается, но в настоящее время это развитие, благодаря господствующей рутине, совершается довольно медленно. Известно, сколько сил приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое-нибудь новое изобретение: эксплуататоры порывают с рутинной только тогда, когда им приходится сделать это под угрозой разорения. Все это ускоряет ход событий и приближает ту социальную революцию, которую мы предвидим. А так как она все равно неизбежна, то мы не хотим быть застигнутыми врасплох и стараемся приготовиться заранее, чтобы в момент, когда она произойдет, воспользоваться ей соответственно нашим убеждениям. Мы стремимся внушить рабочим, что им нечего ждать от подобного рода детских забав и что единственный путь к преобразованию общества, это – разрушение управляющих им учреждений.

В самом деле, давящее на нас эксплуататорское общество слишком хорошо организовано для того, чтобы вся его деятельность изменилась от маленького преобразования в его механизме, от маленького улучшения в его приемах. Мы уже видели, что всякое улучшение, всякое новое усовершенствование тотчас же обращается во вред трудящемуся классу и становится новым орудием эксплуатации в руках тех, кто захватил в свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогресс был полезным для всех, если вы хотите действительного освобождения рабочего, вы должны начать с уничтожения причины

того зла, с которым вы боретесь.

Бедствия рабочих происходят от того, что они вынуждены производить на целую армию паразитов, сумевших захватить в свою пользу львиную долю продуктов. Если вы относитесь к делу искренно, не теряйте же времени на согласование непримиримых интересов, не старайтесь об улучшении положения, которое ничего хорошего дать не может; уничтожьте лучше общественный паразитизм. А так как этого нельзя ожидать от людей, которые сами – ничто иное, как паразиты, и, вместе с тем, это не может быть делом никакого закона, то мы и говорим, что систему эксплуатации нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кроме этих двух реформ, существует еще одна, которой некоторые, даже просвещенные умы, придают известное значение: это – увеличение налога на наследство по косвенной линии.

Последствия этого были бы совершенно те же, как при введении подоходного налога. Кроме того, мера эта могла бы быть применена только к поземельной собственности, во всем же остальном ее совершенно парализовало бы развитие анонимных и акционерных обществ – развитие, которое тогда, несомненно, пошло бы еще быстрее. Вместо того, чтобы быть собственниками своих имений, усадеб, домов и лесов для охоты, богачи стали бы их нанимать, а отдача в наем организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всем государственным мероприятиям.

Государство смогло бы контролировать таким образом лишь незначительное число наследств, и закон сделался бы совершенно бесполезным. Кроме того, благодаря массе всевозможных предварительных соглашений между теми, кто оставляет наследство, и теми, в чью пользу он хочет им распорядиться, последние всегда будут иметь возможность получить наследство и помимо прямого права наследования.

Чтобы помешать этому, пришлось бы создать сотни законов, которые стали бы вмешиваться во все человеческие поступки и отношения и мешать людям распоряжаться своим имуществом; но даже и при такой инквизиторской системе нельзя было бы быть уверенным в том, что цель будет достигнута. Чтобы заставить общество примириться с такого рода мерами, пришлось бы прибегнуть к революции или к государственному перевороту: а раз уже будет революция, то не лучше ли сделать ее ради действительного шага вперед, чем ради введения стеснительных мер?

Но даже если мы допустим, что эти меры окажут известное влияние на распределение собственности, то в чем же изменится положение рабочего? Собственность еще раз перейдет из одних рук в другие, но она опять-таки не попадет в распоряжение рабочих. Собственником сделается государство, и оно же будет заниматься эксплуатацией, а мы уже видели выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезного для себя рабочий от него ожидать не может. Пока деньги будут лежать в основе всего общественного устройства, до тех пор им будут управлять люди, их имеющие. Будет ли государство само непосредственно эксплуатировать те имущества, которые окажутся у него в руках, или оно отдаст их в аренду частным лицам, – операция эта все равно будет происходить в пользу тех, кто уже владеет собственностью. Допустим даже, что ей

воспользуется какой-нибудь вновь образовавшийся класс: это опять-таки будет в ущерб всем остальным.

Но чтобы допустить возможность осуществления этой реформы, мы должны были прежде всего сделать другое предложение, а именно, что буржуазия, возведшая в догмат неприкосновенность частной собственности и построившая на её законности и на необходимости её защиты все свое законодательство, – что эта самая буржуазия позволит нарушить порядок, который она сама считает незыблемым. Может ли кто-нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убедить буржуазию согласиться на меры, которые она будет считать посягательством на её «права»? А сколько еще времени уйдет, уже после осуществления этой реформы, на то, чтобы увидеть, что она не внесла ровно никаких изменений? И не будет ли при этом потеряно столько же времени, сколько, говорят, нужно для осуществления наших «утопий»?

Мы считаем бесполезным заниматься здесь критикой производительных и потребительных товариществ: мы хотим освобождения полного и всеобщего и знаем, что освобождение отдельной личности невозможно без освобождения всех; различные мелкие попытки частичного освобождения не имеют, поэтому, для нас интереса. Кроме того, концентрация капиталов и постоянное развитие техники, требующее все более и более крупных затрат, делают бессильным и это орудие улучшения положения отдельных мелких групп.

Есть и такие реформаторы, которые думают внести свою лепту в дело освобождения человечества, разрабатывая какую-нибудь одну область знания; но под влиянием борьбы с различного рода препятствиями они, в конце концов, доходят до того, что возводят свою мысль в какое-то магическое средство, обладающее всевозможными драгоценными качествами и долженствующее излечить наш страждущий общественный организм от всех болезней. И сколько среди этих фанатиков искренних людей! Сколько среди этого хаоса идей встречается идей ценных, которые принесли бы человечеству огромную пользу, если бы их приложить в разумном обществе; но теперь, осуществляясь по одиночке и в обществе с уродливой организацией, они могут только или привести к обратным результатам, или быть задушены в самом зародыше, не дождавшись даже своего применения.

Среди этих убежденных сторонников одной какой-нибудь мысли мы укажем на одного, очень типичного и вполне подходящего для тех выводов, которые мы хотим сделать: это – Жорж Вилль, проповедник системы химического удобрения.

Мы не намерены входить здесь в подробные объяснения этой системы. Достаточно будет сказать, что химическое исследование растений показало Виллю, что в них входит четырнадцать химических веществ и что эти вещества всегда одни и те же во всех растениях и только меняются количественно, смотря по семействам. Исследовав затем землю и воздух, он увидел, что растение может найти там десять из этих веществ и что, следовательно, остается только доставить ему, в виде удобрения, четыре остальных, т. е. известь, едкий кали, фосфор и азот. На этом он строит целый проект химического удобрения, применительно к характеру обрабатываемой почвы и возделываемого растения, и доказывает, на основании цифр, что при настоящем положении наших знаний мы могли бы получать, с меньшей, сравнительно с навозом, затратой удобрения, урожай вчетверо и

впятеро больший с той же площади земли; вместе с тем мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшем количестве пастбищ и таким образом понизить цену на мясо. Но при этом он спешит заключить, что ключ к решению социального вопроса лежит именно в улучшении земледелия. «Изобилие сельскохозяйственных продуктов будет выгодно для всех», говорит он, «собственники земли получают обильный урожай и смогут продавать свои продукты по низким ценам; рабочие же будут покупать их за дешевую плату и смогут жить в довольстве; они будут делать сбережения, а затем, в свою очередь станут капиталистами». Все, одним словом, пойдет к лучшему в лучшем из возможных обществ.

Мы вполне уверены в искренности г. Вилля и, насколько наши слабые познания в этой области позволяют нам судить о его системе, она кажется нам вполне рациональной. Мы нисколько поэтому не отрицаем той пользы, которую принесло бы повсеместное приложение его системы в смысле улучшения положения рабочих, если бы только рабочим, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу в современном обществе. Его цифры только подтверждают мысль анархистов, что при тех средствах, которыми располагает современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктов, что их даже не пришлось бы делить, а каждый смог бы брать из общего достояния сколько ему будет нужно, соответственно его потребностям или желаниям; при этом обществу не грозило бы никакой опасности голода, – вопреки предсказаниям некоторых мрачно-настроенных пессимистов, которые думают, что только им одним свойственна добродетель умеренности. Они готовы сделать нам уступку и признаются, что сами, конечно, обошлись бы без всякой власти, но считают эту власть все-таки необходимой для подавления тех дурных инстинктов, которыми проникнуто все остальное человечество.

В маленькой брошюре, озаглавленной «Продукты земледелия» один из наших товарищей показал, на основании официальных цифровых данных, что даже при настоящем, еще детском, состоянии земледелия, общая сумма продуктов всего мира на много превышает цифру их потребления. С другой стороны, Вилль доказывает, что при разумном пользовании химическими веществами можно, не затрачивая лишнего труда, получать с земли в четыре или пять раз больше того, что она дает теперь. Разве это не блестящее подтверждение той мысли, которую мы всегда защищаем?

Но когда Вилль видит в своей системе разрешение социального вопроса, когда он думает, что, благодаря изобилию продуктов, они станут настолько дешевыми, что рабочий сможет жить так, чтобы мало тратить и делать сбережения, – он вполне ошибается. Если бы Вилль читал буржуазных экономистов, хотя бы того же Молинари[39], то он узнал бы, что «избыток продуктов на рынке» приводит к такому падению цен на них, что их производство перестает быть выгодным для капиталистов и капиталы отливают от этой отрасли производства, пока не восстановится равновесие и не вернется прежнее положение».

Если бы Вилль не был так поглощен своими учеными расчётами, а сколько-нибудь отдавал себе отчет в функционировании общественного механизма, он увидел бы, что, несмотря на огромный избыток производства над потреблением, в нашем современном обществе люди буквально умирают с голоду, что самые лучшие теоретические расчёты на практике приводят к результатам совершенно иным, чем от них ожидали. Природа, несомненно, может, при помощи человеческого ума и человеческого труда, доставить дешевые продукты

в количестве, достаточном для прокормления всего человечества; но, благодаря торговле и ажиотажу, собственники и капиталисты найдут всегда средство получить желательную сумму барыша: они уменьшат количество продуктов на рынке, чтобы иметь возможность продавать их дороже, а в случае надобности – помешают их дальнейшему производству, чтобы создать фиктивно-высокие цены и удержать их на том уровне, который кажется им желательным по их жадности и по их привычке к роскошной и праздной жизни.

Возьмем, например, уголь – продукт совершенно готовый; который остается только извлечь из земли; залежей его так много, что они встречаются на всем земном шаре и могут удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тем цена его стоит довольно высоко, так что далеко не все могут пользоваться топливом в том количестве, какого требует температура; изобилие продукта не делает его, следовательно, более доступным для рабочих.

А зависит это от того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаниями, которые ограничивают производство и, кроме того, скупают, ради уничтожения конкуренции, мелкие копи, принадлежащие другим владельцам, предпочитая совершенно не эксплуатировать их, чем завалить рынок товарами, потому что это понизило бы цены и уменьшило таким образом доходы.

То же самое происходит и с землей. Каждый день мы видим, как земля мелкого собственника, разоряемого ростовщиками, переходит в руки капиталиста: с каждым днем крупная собственность все разрастается. Распространение земледельческих машин должно, кроме того, привести к образованию земледельческих синдикатов, т.е., к образованию таких же анонимных обществ, какие господствуют в эксплуатации фабрик и копей.

Если можно будет получать от земли вчетверо или впятеро больше продуктов, чем теперь, то от этого произойдет только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будет обращено в места для охоты или в парки, служащие только как предмет роскоши для наших эксплуататоров. Это начинается теперь во Франции и давно уже сделано английскими лордами в Шотландии и Ирландии, где население вытесняется и уступает место оленям и лисицам, агония которых должна служить развлечением для шикарной публики – такой же публики, как та, которая аплодировала лекциям Вилля и его филантропическим соображениям.

Общество наше устроено так, что тот, кто владеет капиталом, является господином всего мира. Движение продуктов в обществе происходит при помощи капитала, а потому от этого последнего зависит все. Всякое усовершенствование, всякий шаг вперед, сделанный человеческим трудом, промышленностью или наукой – все это обращается в пользу тех, кто и так уже владеет всем; все это становится лишь новым орудием эксплуатации, еще ухудшающим ужасное положение тех, кто ничем не владеет.

Усовершенствования в производстве только делают рабочих все менее и менее нужными для капиталиста, усиливают конкуренцию между ними и заставляют их продавать свой труд за более низкую плату. Вы мечтаете быть полезным для рабочих, а существующая общественная организация делает так, что вы только содействуете их большей

эксплуатации и еще больше скрепляет сковывающую их цепь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содействовать увеличению числа продуктов, так, чтобы каждый мог быть сытым, сделать так, чтобы рабочий мог скопить хоть несколько грошей, чтобы оградить себя от всевозможных случайностей будущего – это, конечно, еще не идеал, но нельзя и требовать большего от человека, который по самому своему положению огражден от всех физических и нравственных бедствий, грозящих обездоленной массе. Это, во всяком случае, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тех пор, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатации, благодаря которой все заманчивые обещания превращаются в лживые и обманчивые иллюзии. У капитализма в распоряжении есть много сил, и если мы даже допустим, что изобилие продуктов действительно понизит их цены до такой степени, что рабочий сможет сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой фактор, о котором вы сами упомянули – рост населения.

В настоящее время промышленный рынок завален товарами; вместе с тем, вследствие развития машин, с каждым днем увеличивается число рабочих без работы. Чтобы найти работу, им остается только одно средство: взаимная конкуренция и понижение заработной платы. А так как механический прогресс идет все быстрее и быстрее, и уже теперь один человек может производить все, что нужно для потребления десятерых, то при удвоении населения количество произведенных продуктов увеличится в двадцать раз; при этом то изобилие, которое должно было послужить на пользу рабочих, послужит исключительно на увеличение барышей капиталиста, который будет платить своим рабочим тем меньшую плату, чем в большем числе они окажутся на рабочем рынке.

Вы говорите, что требования рабочих до известной степени законны – лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о том, что рабочие борются уже целые тысячелетия, что их никогда не удовлетворявшие требования появились вместе с зарождением исторической жизни? Если они и выливаются в резкую форму, то только потому, что им не дают никакого удовлетворения. Неужели же рабочие должны бесконечно стоять на коленях перед своими эксплуататорами и благодарить их, когда они знают, что если им и удавалось чего-либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своих господ, и взять силой ту свободу, к которой стремились. Правящие классы смотрят на нас, как на рабов и потому совершенно естественно, что они презрительно говорят: «Изложите вашу просьбу в вежливой форме и мы посмотрим, сможем ли мы ее исполнить»; но мы, которые видим в освобождении рабочих не уступку, а акт справедливости, скажем просто: «Мы требуем этого!» Если же каким-нибудь баричам[40] этот тон не понравится, то как им будет угодно.

В давящем нас строе все тесно связано одно с другим и для достижения желаемых результатов одних хороших намерений еще недостаточно; пока не уничтожен этот строй, никакое улучшение невозможно. Он существует исключительно с целями эксплуатации и угнетения, а мы не хотим улучшать ни того, ни другого: мы хотим совсем их уничтожить.

Это – естественный вывод, к которому неизбежно придет всякий, кто сумеет подняться над узкой точкой зрения и охватить вопрос в его целом; он поймет, что революции зависят не только от воли людей, но и от того, что существующие учреждения преграждают путь

прогрессу, и увидит, что они – явление необходимое и неизбежное.

Пусть все, кто искренно хочет служить человечеству, усвоят себе раз и навсегда ту мысль, что даже в интересах их собственных планов, они не должны враждебно относиться к Революции, не должны противодействовать ей. Только она одна может помочь им достигнуть цели, потому что только она может помешать общественным паразитам убить прогресс в самом зародыше, или обратить его в свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконец, люди поймут, что они употребляют на достижение их свои лучшие силы, никогда ничего не достигая, что пора уже им перестать бороться за эти утопии – гораздо более опасные, чем мысль о полном освобождении, потому что единственный упрек, который можно сделать последней – упрек в неосуществимости – ни на чем не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сделано, тогда как, чтобы убедиться в бесполезности любой реформы, стоит только посмотреть на её осуществление на практике.

Анархистов упрекают в том, что они служат помехой мирному освобождению рабочих, что они отрицают всякие реформы. Но в этом заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформ, они восстают вовсе не против них, а против тех ложных обещаний, которые возводят в цель то, что, в действительности, есть в лучшем случае лишь заплатка на старой вещи, а то и простой обман.

Пусть те, кто верит в реформы, старается над их осуществлением; мы не имеем против этого ровно ничего, даже напротив: чем больше буржуазное общество их испробует, тем скорее рабочие увидят, что они ни к чему не ведут. Но мы восстаем против того, что их изображают каким-то все исцеляющим средством, когда рабочим говорят: «Ведите себя смирно, тихо и спокойно, а тогда мы посмотрим, что можно для вас сделать!»

Тогда-то мы, понявшие, что реформы бесполезны и что эксплуататоры, вообще, занимают место, по праву им не принадлежащее, мы говорим рабочим: «Вас обольщают ложными надеждами; все эти реформы – ничто иное, как обман. Кроме того, вас хотят заставить просить их, как милостыни, тогда как вы имеете право требовать гораздо большего. Если вы хотите испробовать предлагаемые вам средства, это – ваше дело; но знайте заранее, что они нисколько не будут содействовать вашему освобождению. Поэтому, не оставайтесь долго в том заколдованном круге, в который вас хотят вовлечь, а организуйтесь для того, чтобы завладеть всем, на что вы имеете право. Пусть те, кто не может поспешить за общим движением, продолжают, если хотят, поддаваться обману; вы же знайте, что революция уже надвигается на вас с своей грозной силой, что ее порождает сам наш общественный строй и что она волей-неволей вынудит вас взяться за оружие, чтобы заставить признать ваше право на существование. А раз у вас окажется оружие в руках, то не будьте же настолько глупы, чтобы удовольствоваться какими-нибудь реформами, которые оставят нетронутым самый корень зла. Вот – то, что у вас отняли, вот – идеал, к которому вы должны стремиться; теперь уже ваше дело не останавливаться на пустяках и суметь нанести решительный удар тому подгнившему и со всех сторон разрушающемуся зданию, которому еще решаются давать название Общества! Не старайтесь подпирать его, или накладывать на него заплатки; наоборот, очистите место сразу, чтобы потом вам не было помех в

построении нового, лучшего общества.

XX. Экспериментальный метод.

Когда противникам – добросовестным, конечно – анархических идей приходится признать все недостатки нашего общественного строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованиях и что все средства, предлагавшиеся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что делают нам этим громадную уступку. Затем, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достижения той же цели, а иногда и доходят до признания того, что анархическое общество – самый высокий идеал, который только можно поставить как цель человеческой эволюции.

Но здесь является затруднение: под влиянием предрассудков, унаследованных от предков и поддерживающихся воспитанием, средой и инертностью характера, они спешат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрений.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все-таки обеспечивает нам некоторую безопасность, некоторую возможность прогресса, которую революция может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это – путь медленный, но верный».

Если им возразят на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы безопасности, от этой якобы цивилизации, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатация, действительно, возмутительна, что ею вполне оправдываются все протесты эксплуатируемых; некоторые даже признают, что революция неизбежна, но поспешат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпеть поражение и отбросить нас далеко назад.

«Определить болезнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дело вылечить ее. В социологии же затруднение еще гораздо значительнее, потому что здесь это искусство находится еще в периоде детства. Привести к каким-нибудь результатам здесь может только рационально-приложенный опытный метод, а анархические идеи не заключают в себе ничего научного: это – продукты чистого умозрения, вытекающие из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающиеся на опыте».

С первого взгляда это рассуждение кажется вполне логичным; оно даже оказывается совершенно верным в том случае, если данную болезнь знают только по её внешним признакам, а сами причины её остаются неизвестными. Но когда источник болезни открыт, то способ лечения её указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависело от того, что, хотя действие данного лекарства на данное явление организма и было известно, но так как одно

и то же патологическое явление может происходить от различных причин, то лечение, полезное в одном случае, могло оказываться бесполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорее эмпирическим искусством, чем наукой. В общественной терапевтике, где существовали такие же пробелы и такое же незнание, люди точно также делали ряд никогда не удававшихся революций, пытались вводить реформы, никогда не приводившие ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой – и все-таки не могли помешать ни росту бедности, ни эксплуатации народных масс.

Люди хотели уничтожить последствия, нисколько не задаваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; менялся только правительственный ярлык, производилась некоторая очистка в составе должностных лиц; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и от которого надеялись избавиться, снова всплывало, после ничтожного перерыва, и продолжало существовать по-прежнему, как будто бы никаких изменений не произошло, то все начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться с болезнями, это – предупреждать их, уничтожая, при помощи разумной гигиены, те причины, которые их вызывают. Анархисты хотят применить ту же точку зрения и к общественной гигиене. Они поставили вопрос о причинах болезней, от которых страдает современное общество, нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеобщих панацеях, которые они предоставляют политическим шарлатанам, говорят людям, на основании сравнительного изучения различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от которого вы страдаете, лежит в дурной общественной организации; власть и капитал – вот двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете сколько угодно менять в ней колеса, преобразовывать и улучшать их; функция этой машины – раздавить вас, и вы будете непременно раздавлены, если не уничтожите самую машину, с теми двигателями, которые доставляют ей всю её силу, – властью и капиталом. Если вы не хотите терпеть последствий, уничтожьте самую причину».

Когда, после долгих исканий, физиологи открывают источник такой болезни, которая прежде была известна только в её последствиях, то может случиться, что все лечебное искусство окажется от этого перевернутым: больному будет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборот, запрещаться то, что предписывалось; в политике это называется революцией. Иногда старые рутинёры[41] называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с целым рядом самых вероятнейших гипотез. И эта вражда будет преследовать их до тех пор, пока достигнутые и много раз повторившиеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинёров, не верящих ни во что, кроме формул, почерпнутых из прошлого.

Врач, пробуя новый метод лечения, делает в маленьких размерах то, что анархисты хотят сделать в больших, по отношению к целому обществу. Когда он оставляет проторенную дорожку рутины и пытается приложить новые научные данные, то, если только он уверен в своих знаниях, в своей подготовке, в верности своих наблюдений, ему нечего заботиться о преследующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в социологии. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут делать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, которая уверяет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их делать то, что, с её точки зрения, для них полезно и помешать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его прежде нужно разрушить; в таком случае, буржуазии нечего жаловаться, когда, в своем стремлении к свободе, люди хотят устранить стесняющие их учреждения.

Пользование опытным методом предполагает переход от теории к практике; но даже при самых точных расчётах в каждом опыте останется всегда известная доля непредвиденного, которую робкие умы и изберут как предлог для отрицания всякого нововведения. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствия рутинеров.

Раз причина болезни известна, пусть лучше нож хирурга извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корне; хирургия каждый день подает нам пример смелого удаления членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложнений. Почему же мы должны колебаться в уничтожении того, что всеми – за исключением тех, кому существующий порядок выгоден – признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдельной личностью, что последняя может погибнуть незаметно, тогда как общественный переворот может повести к гибели или к шагу назад для всего человечества. Затем, мы услышим опять о преимуществах медленного, постепенного действия посредством проведения ряда реформ. И это называется опытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже целые столетия – все их частичные преобразования и починки – показывает нам только, что единственные полезные реформы, это – те, которые разрушают сами учреждения, лежащие в основе общественного строя. Но разрушение учреждений, это – революция, потому что буржуазия, имеющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у неё, защищать свое существование и поддерживающий его порядок вещей. Если только она заметит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у неё власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицию, и войско. Она позволит только те реформы, которые не затрагивают учреждений, служащих опорой для её привилегий, допустит к употреблению только те лекарства, которые стремятся лишь облегчить болезнь, а не уничтожить её причины. Мы сталкиваемся с этими реформами с тех самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что они постоянно являются в избирательных программах политических партий. Реформы эти таковы, что до тех пор, пока они не вышли из области проектов, они обещают погрузить рабочего в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как они в лучшем случае оказываются не приводящими ни к каким заметным результатам, а иногда и прямо становятся лишним орудием порабощения и эксплуатации в руках правящих классов.

Дело в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем делается прекрасного и полезного, попадает, в конце концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобретение служит только тому, кто имеет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствование, благодаря которому можно производить предметы быстрее и экономнее, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вследствие этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собой армию умирающих с голоду безработных; другая же будет по-прежнему мучиться на той же долгой работе, а её заработок даже упадет вследствие конкуренции тех, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали все испробованные реформы и вот те неотразимые аргументы, которые мы выставяем против всех подобных проектов. Мы можем поэтому с полным правом возвратить упрек в эмпиризме тем, кто говорит, что анархические идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возражение против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой форме: «Конечно, ваши теории прекрасны, но они неосуществимы». Но это – не аргумент. Почему же они неосуществимы? спросим мы, а на это нам, вместо всяких доводов, ответят выражением ряда опасений. «В виду недостатков человеческой природы» скажут нам, «*можно опасаться*, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать»; или: «раз не будет регулирующей власти, *может случиться*, что более сильные станут эксплуатировать более слабых» и т. д.

Анархисты доказывают, что все эти опасения напрасны; они говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организацией, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себе пропитание, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кроме того, они говорят – и доказывают, – что всякая общественная организация, основанная на власти, должна неизбежно повести к вредным последствиям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны те же недостатки, как и всем остальным, а раз люди не умеют управлять сами собой, то они еще меньше сумеют управлять другими.

Остается еще последнее возражение, это – что анархизм до сих пор не доказал своей осуществимости[42] и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаний, потому что он не может осуществиться без насильственного переворота, а последний совершенно нежелателен. Но это возражение не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпеть эксплуатацию? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нет, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществлением, пока не будет больше трусливых рутинеров, – ради того только, что этот идеал получил свое ясное выражение только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопределенным

стремлением.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тем, что для его осуществления нужно только, чтобы люди действительно захотели этого и выучились поступать соответственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только все те, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собой, а затем, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стесняющих их учреждений, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влечениям и симпатиям.

Мы хотим быть свободными, и нам нет никакого дела до трусливых рабов, которые боятся потерять свои оковы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать внимания на их жалобы, тем более, что они перейдут на нашу сторону, как только победа окажется за нами. Мы хотим быть свободными и пусть те, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно те, которые хотят уничтожить последствия, не дотрагиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающие средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надежде, что его излечит сама природа, между тем как небольшая операция верно и быстро избавила бы его от болезни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вес вдруг принимают разного рода софизмы, когда речь идет о сохранении рутины, о борьбе с нововведениями. «Нужно двигаться вперед потихоньку и наощупь», – говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобного рода несмелые попытки длются (даже если взять одни только латинские расы) уже около трех или четырех тысяч лет, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполнения все тех же обещаний, не переставали страстно бороться за все те же желанные реформы – и ничего до сих пор не изменилось в их положении. Мы страдаем все от тех же болезней, а нам предлагают, под предлогом рационального образа действий, прибегнуть для их излечения все к тем же припаркам.

Человеческий ум развился, область науки расширилась, промышленность сделала необычайные успехи, радости жизни стали утонченнее и многочисленнее, но кто воспользовался всем этим прогрессом? Все то же владеющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничем? Все та же обездоленная масса.

С тех пор, как в человечестве создались первые общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованиях, не переставали бороться без устали, чтобы получить некоторые уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положение; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищие, то брали силой; последнее происходило тогда, когда бедность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к восстанию, когда они предпочитали смерть своему настоящему положению.

И однако их положение не меняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им места в законодательных собраниях, соглашаться на некоторые из требуемых реформ, или самим смягчать до известной степени свой экономический и политический гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетение управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабевала ли бедность? переставало ли богатство с каждым днем все больше сосредоточиваться в руках все меньшего числа привилегированных?

Предлагать после этого беднякам, чтобы они продолжали по-прежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованием поверхностных реформ (потому что те, которые могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущие довести к революции) – значит предлагать рабочей массе позволить эксплуатировать себя еще неопределенно долгое время, потому что опыт прошлого показывает нам, что пока не будут изменены сами основы общества, все так-называемые реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники – по крайней мере, добросовестные – сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положение рабочих в высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазии основывается исключительно на их нужде и непосильном труде. Они соглашаются с нами, что такое положение не может продолжаться, что революция неизбежна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бедняк не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случае, раз уже столкновение неизбежно, зачем тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачем внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть на руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнее установить свое господство. Вот еще одно из последствий недостатков нашего современного строя: тот, кто не становится решительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всех их требований, оказывается силой вещей на стороне эксплуататоров. Все его добрые намерения, все те добрые чувства, которые заставляют его желать уменьшения наших бедствий, превращаются в наркотические средства, смягчающие острую боль и отдающие бедняков связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбежна, не лучше ли подготовиться к ней заранее, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущего, который наши противники сами считают хорошим и только вследствие рутины не могут признать осуществимым? Не лучше ли сделать так, чтобы в момент революции люди сумели воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какие учреждения вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишний раз обмануть себя.

Не будет ли это рациональнее и научнее, чем терять время на сожаление о том, чему помешать мы не можем, и на попытки сохранения того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшего?

Логично ли, в самом деле, стараться отложить на неопределенное время осуществление новых идей потому только, что они нигде еще не были приложены на практике и неизвестно, что могут дать? Так рассуждать можно только из страха новизны и нежелания отказаться от привычных понятий; только исходя из этого можно проповедовать, что лучше довольствоваться тем, что имеешь, или пытаться улучшить его, чем рисковать попасть в положение еще худшее.

Мы можем считать вполне доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы сами основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практике, значит рассуждать совершенно антинаучным образом и осуждать человечество на полный застой. Новые идеи всегда оказывались в большем или меньшем противоречии с идеями, господствовавшими в большинстве, и всякий раз, когда делалось какое-нибудь новое открытие, чтобы убедиться в его истинности, его приходилось проверять на опыте. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сделан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чем добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить некоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществлению в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно верное сравнение: когда у человека желтуха, то он не старается улучшить ее, а хочет совсем от неё избавиться. Мы гибнем от бедности и эксплуатации и стремимся освободиться от убивающего нас ига, что же с нами еще может случиться худшего?

Я знаю заранее, что в ответ на это мы услышим старую песню об опасности, грозящей прогрессу, о гибели науки во всеобщем катаклизме, о том, что человеческому уму грозит опасность пойти назад, раз только победа достанется народным массам, более грубым и менее образованным, чем правящие классы.

Ниже мы покажем, что эти опасения напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значение могут они иметь для тех, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоело? Какое дело до прогресса и всех чудес промышленности тем, кого судьба заставляет только быть орудиями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и все открытия человеческого ума, если они должны вечно служить только для всё большего порабощения и отупения страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развития?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалеете об их бедственном положении и всем сердцем сочувствуете их страданиям, но, так как внезапное освобождение их может привести к остановке хода прогресса, то они должны примириться со своим непосильным трудом и тяжелой жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых исследователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всех, могла свободно работать над разрешением научных вопросов. Имейте смелость высказать ваше мнение, скажите все это тем, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном труде – и вы увидите, как вас встретят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпение пойдет на пользу... будущим поколениям, что эти последние пожнут плоды самоотвержения предков... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезные реформы. Бедняки ответят вам, что они отказались от христианства именно потому, что оно обещало им рай только после смерти; вы же можете обещать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоело работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданий не в лице будущих поколений, а теперь, – и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновения науки, не сопротивляйтесь требованиям обездоленных масс: вместо того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся здание, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мешающие ей учреждения, не раздражать ее понапрасну бессмысленным и несправедливым сопротивлением. Вместо того, чтобы становиться на сторону защитников прошлого, пусть всякий человек, мыслящий и действительно стремящийся служить развитию человеческого ума, перейдет на сторону тех, которые не требуют ничего другого, кроме возможности воспользоваться своей долей того счастья и света, созданию которого они сами содействовали.

Представьте тех, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общего солидарного труда; пусть представители прошлого пытаются сколько угодно удержать свои привилегии, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человеческой эволюции. Если вы таким образом и не предотвратите столкновения (их упорство делает его неизбежным), то, по крайней мере, поможете спасти от гибели научные завоевания, потеря которых была бы, несомненно, огромным вредом для человечества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имеют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всех тех благ, исчезновения которых вы так боитесь; этим людям надоело быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достоянием. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это – единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сделаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случае, если победа народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, действительно, такая опасность существует).

Последнее возражение, которое нам делают, заключается в том, что, во всяком случае, в обществе замечается известный прогресс, что общий уровень нравственного и умственного развития рабочего повышается, его положение становится лучше, его потребности возрастают и получают возможность удовлетворения, что даже самый закон подвергается преобразованиям, и законодательство все более и более приспосабливается к требованиям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких пределах все эти положения верны.

Несомненно, общий уровень развития рабочего повысился, его потребности возросли вместе с ростом возможности их удовлетворения; теперь, например, рабочий[43] ест за обедом мясо и пьет вино, чего он не мог сделать хотя бы только пятьдесят лет тому назад. Но нужно иметь в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность

его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для восстановления их, и в гораздо большем числе питательных веществ.

Пятьдесят лет тому назад рабочий ходил по воскресеньям в блузе и питался овощами и сыром; иногда, в понедельник, ему случалось, где-нибудь за городом, съесть жареного кролика и выпить несколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую неделю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машине, за которой нужно непрерывно следить. Работа была по большей части ручная и делалась не спешно: рабочий производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вместе с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спешный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочий – машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношении, в смысле нравственных условий работы, он, следовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличения затраты его сил, а во-вторых – от большого умственного развития. В то время, как внешние условия ставят его на более низкий уровень сравнительно с его эксплуататорами, сам он становится сознательнее и лучше умеет оценивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти более высокие потребности вполне законны, и что он сам приобрел на них право собственными силами.

Да никто и не осмелится утверждать, что эти увеличившиеся расходы излишни для рабочего; никто не решится оспаривать его право на долю участия в пользовании теми благами, созданию которых он содействует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочего в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имеет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тем не менее поставить в упрек развившиеся в нем новые потребности, что он удовлетворяет их в наше время очень тяжелыми лишениями и что то – очень относительное – благосостояние, которым он, действительно, пользовался во время наиболее быстрого роста промышленности, теперь составляет в каждом ремесле удел лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во внимание безработицу, оказывается несколько не выше, чем пятьдесят лет тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышение заработной платы и удешевление продуктов позволили им дать удовлетворение этим возросшим потребностям; однако, в конечном счете, больше всего воспользовались этим развитием производства все-таки капиталисты. Новые потребности рабочего, нарождающиеся в наше время, уже не могут найти себе удовлетворения, вследствие безработицы, и он оказывается в положении еще худшем, чем раньше, так как, помимо его материальной нужды, в нем живет кроме того сознание, что

эта нужда – не заслужена, так как он – единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидеть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многого и они не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тех причин, которые создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всеми продуктами соответственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семье приходится умирать с голоду.

Вот что неизбежно говорит себе всякий мыслящий рабочий, когда он наблюдает и обсуждает те явления, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочий развился и понял цену прогресса – того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его более обострившиеся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замечал. А опыт, опять-таки, не только не подает ему надежды на улучшение,

но, наоборот, предвещает все большую нужду, все более сильный и все более унижительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствовании законов, якобы все более приспособляющихся к интересам общей пользы и к её охранению. Но и здесь мы не находим ничего, кроме пустой приманки: самые лучшие законы, по самому существу своему, на практике совершенно отклоняются от своей первоначальной цели. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всей своей тяжестью на бедняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношению к классу привилегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у соседа кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих миллионами – биржевых игроков, дельцов. «Соединенного Общества» или Панамы, разных участников операций Март и Рейно, Массе и Берно; по-прежнему мошенники, открывающие россыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить доверчивых людей. Если иногда следователь и оказывается вынужденным вмешаться в их дела и спросить у них кое-каких объяснений, то он не заставляет привести их к себе под конвоем двух полицейских, как это делается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неуместность своего нескромного вмешательства и, конечно, не дает делу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бедняка, который за неимением денег, пообедает где-нибудь и не заплатит за обед.

Перед законом все равны – это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малейшее сопротивление грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбление полиции»; может быть, в участке его зверски избьют и оставят на койке полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбление действием» тех же полицейских.

Все те, кому случается бывать в суде, отлично знают, что когда человека судят за оскорбление полиции или за сопротивление ей, то, как бы не было это обвинение ложно, адвокат всегда советует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмеливается противоречить заключениям следователя и свидетельству полицейских, суд всегда применяет к нему высшую меру наказания.

Да, прекрасная вещь закон! Он, несомненно, справедлив в одном отношении: это – что если завтра власть перейдет в другие руки, то новые правители употребят его как оружие против тех, кто пользуется им теперь.

Итак, к какой бы области мы не обратились, мы везде увидим, что все наши стремления подавляются современным общественным строем, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожным меньшинством, которое гораздо больше берет от общества, чем само дает ему.

Опасения, которые высказываются относительно возможности исчезновения в будущей революции некоторых сторон современной жизни, касаются только таких областей, до которых массе нет и не должно быть ровно никакого дела. Что же касается положительных знаний, то они могут только выиграть от общественного переворота. Не будем же останавливаться перед напрасными страхами и примемся лучше с удвоенной силой за разрушение существующего общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмам!

XX. Экспериментальный метод.

Когда противникам – добросовестным, конечно – анархических идей приходится признать все недостатки нашего общественного строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованиях и что все средства, предлагавшиеся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что делают нам этим громадную уступку. Затем, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достижения той же цели, а иногда и доходят до признания того, что анархическое общество – самый высокий идеал, который только можно поставить как цель человеческой эволюции.

Но здесь является затруднение: под влиянием предрассудков, унаследованных от предков и поддерживающихся воспитанием, средой и инертностью характера, они спешат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрений.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все-таки обеспечивает нам некоторую безопасность, некоторую возможность прогресса, которую революция может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это – путь медленный, но верный».

Если им возразят на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы безопасности, от этой якобы цивилизации, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатация, действительно, возмутительна, что ею вполне оправдываются все протесты эксплуатируемых; некоторые даже признают, что революция неизбежна, но поспешат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпеть поражение и отбросить нас далеко назад.

«Определить болезнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дело вылечить ее. В социологии же затруднение еще гораздо значительнее, потому что здесь это искусство находится еще в периоде детства. Привести к каким-нибудь результатам здесь может только рационально-приложенный опытный метод, а анархические идеи не заключают в себе ничего научного: это – продукты чистого умозрения, вытекающие из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающиеся на опыте».

С первого взгляда это рассуждение кажется вполне логичным; оно даже оказывается совершенно верным в том случае, если данную болезнь знают только по её внешним признакам, а сами причины её остаются неизвестными. Но когда источник болезни открыт, то способ лечения её указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависело от того, что, хотя действие данного лекарства на данное явление организма и было известно, но так как одно

и то же патологическое явление может происходить от различных причин, то лечение, полезное в одном случае, могло оказываться бесполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорее эмпирическим искусством, чем наукой. В общественной терапевтике, где существовали такие же пробелы и такое же незнание, люди точно также делали ряд никогда не удававшихся революций, пытались вводить реформы, никогда не приводившие ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой – и все-таки не могли помешать ни росту бедности, ни эксплуатации народных масс.

Люди хотели уничтожить последствия, нисколько не задаваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; менялся только правительственный ярлык, производилась некоторая очистка в составе должностных лиц; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и от которого надеялись избавиться, снова всплывало, после ничтожного перерыва, и продолжало существовать по-прежнему, как будто бы никаких изменений не произошло, то все начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться с болезнями, это – предупреждать их, уничтожая, при помощи разумной гигиены, те причины, которые их вызывают. Анархисты хотят применить ту же точку зрения и к общественной гигиене. Они поставили вопрос о причинах болезней, от которых страдает современное общество, нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеобщих панацеях, которые они предоставляют политическим шарлатанам, говорят людям, на основании сравнительного изучения различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от которого вы страдаете, лежит в дурной общественной организации; власть и капитал – вот двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете сколько угодно менять в ней колеса, преобразовывать и улучшать их; функция этой машины – раздавить вас, и вы будете непременно раздавлены, если не уничтожите самую машину, с теми двигателями, которые доставляют ей всю её силу, – властью и капиталом. Если вы не хотите терпеть последствий, уничтожьте самую причину».

Когда, после долгих исканий, физиологи открывают источник такой болезни, которая прежде была известна только в её последствиях, то может случиться, что все лечебное искусство окажется от этого перевернутым: больному будет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборот, запрещаться то, что предписывалось; в политике это называется революцией. Иногда старые рутинёры[41] называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с целым рядом самых вероятнейших гипотез. И эта вражда будет преследовать их до тех пор, пока достигнутые и много раз повторившиеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинёров, не верящих ни во что, кроме формул, почерпнутых из прошлого.

Врач, пробуя новый метод лечения, делает в маленьких размерах то, что анархисты хотят сделать в больших, по отношению к целому обществу. Когда он оставляет проторенную дорожку рутины и пытается приложить новые научные данные, то, если только он уверен в своих знаниях, в своей подготовке, в верности своих наблюдений, ему нечего заботиться о преследующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в социологии. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут делать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, которая уверяет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их делать то, что, с её точки зрения, для них полезно и помешать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его прежде нужно разрушить; в таком случае, буржуазии нечего жаловаться, когда, в своем стремлении к свободе, люди хотят устранить стесняющие их учреждения.

Пользование опытным методом предполагает переход от теории к практике; но даже при самых точных расчётах в каждом опыте останется всегда известная доля непредвиденного, которую робкие умы и изберут как предлог для отрицания всякого нововведения. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствия рутинеров.

Раз причина болезни известна, пусть лучше нож хирурга извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корне; хирургия каждый день подает нам пример смелого удаления членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложнений. Почему же мы должны колебаться в уничтожении того, что всеми – за исключением тех, кому существующий порядок выгоден – признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдельной личностью, что последняя может погибнуть незаметно, тогда как общественный переворот может повести к гибели или к шагу назад для всего человечества. Затем, мы услышим опять о преимуществах медленного, постепенного действия посредством проведения ряда реформ. И это называется опытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже целые столетия – все их частичные преобразования и починки – показывает нам только, что единственные полезные реформы, это – те, которые разрушают сами учреждения, лежащие в основе общественного строя. Но разрушение учреждений, это – революция, потому что буржуазия, имеющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у неё, защищать свое существование и поддерживающий его порядок вещей. Если только она заметит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у неё власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицию, и войско. Она позволит только те реформы, которые не затрагивают учреждений, служащих опорой для её привилегий, допустит к употреблению только те лекарства, которые стремятся лишь облегчить болезнь, а не уничтожить её причины. Мы сталкиваемся с этими реформами с тех самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что они постоянно являются в избирательных программах политических партий. Реформы эти таковы, что до тех пор, пока они не вышли из области проектов, они обещают погрузить рабочего в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как они в лучшем случае оказываются не приводящими ни к каким заметным результатам, а иногда и прямо становятся лишним орудием порабощения и эксплуатации в руках правящих классов.

Дело в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем делается прекрасного и полезного, попадает, в конце концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобретение служит только тому, кто имеет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствование, благодаря которому можно производить предметы быстрее и экономнее, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вследствие этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собой армию умирающих с голоду безработных; другая же будет по-прежнему мучиться на той же долгой работе, а её заработок даже упадет вследствие конкуренции тех, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали все испробованные реформы и вот те неотразимые аргументы, которые мы выставяем против всех подобных проектов. Мы можем поэтому с полным правом возвратить упрек в эмпиризме тем, кто говорит, что анархические идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возражение против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой форме: «Конечно, ваши теории прекрасны, но они неосуществимы». Но это – не аргумент. Почему же они неосуществимы? спросим мы, а на это нам, вместо всяких доводов, ответят выражением ряда опасений. «В виду недостатков человеческой природы» скажут нам, «*можно опасаться*, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать»; или: «раз не будет регулирующей власти, *может случиться*, что более сильные станут эксплуатировать более слабых» и т. д.

Анархисты доказывают, что все эти опасения напрасны; они говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организацией, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себе пропитание, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кроме того, они говорят – и доказывают, – что всякая общественная организация, основанная на власти, должна неизбежно повести к вредным последствиям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны те же недостатки, как и всем остальным, а раз люди не умеют управлять сами собой, то они еще меньше сумеют управлять другими.

Остается еще последнее возражение, это – что анархизм до сих пор не доказал своей осуществимости[42] и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаний, потому что он не может осуществиться без насильственного переворота, а последний совершенно нежелателен. Но это возражение не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпеть эксплуатацию? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нет, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществлением, пока не будет больше трусливых рутинеров, – ради того только, что этот идеал получил свое ясное выражение только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопределенным

стремлением.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тем, что для его осуществления нужно только, чтобы люди действительно захотели этого и выучились поступать соответственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только все те, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собой, а затем, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стесняющих их учреждений, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влечениям и симпатиям.

Мы хотим быть свободными, и нам нет никакого дела до трусливых рабов, которые боятся потерять свои оковы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать внимания на их жалобы, тем более, что они перейдут на нашу сторону, как только победа окажется за нами. Мы хотим быть свободными и пусть те, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно те, которые хотят уничтожить последствия, не дотрагиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающие средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надежде, что его излечит сама природа, между тем как небольшая операция верно и быстро избавила бы его от болезни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вес вдруг принимают разного рода софизмы, когда речь идет о сохранении рутины, о борьбе с нововведениями. «Нужно двигаться вперед потихоньку и наощупь», – говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобного рода несмелые попытки длются (даже если взять одни только латинские расы) уже около трех или четырех тысяч лет, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполнения все тех же обещаний, не переставали страстно бороться за все те же желанные реформы – и ничего до сих пор не изменилось в их положении. Мы страдаем все от тех же болезней, а нам предлагают, под предлогом рационального образа действий, прибегнуть для их излечения все к тем же припаркам.

Человеческий ум развился, область науки расширилась, промышленность сделала необычайные успехи, радости жизни стали утонченнее и многочисленнее, но кто воспользовался всем этим прогрессом? Все то же владеющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничем? Все та же обездоленная масса.

С тех пор, как в человечестве создались первые общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованиях, не переставали бороться без устали, чтобы получить некоторые уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положение; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищие, то брали силой; последнее происходило тогда, когда бедность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к восстанию, когда они предпочитали смерть своему настоящему положению.

И однако их положение не меняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им места в законодательных собраниях, соглашаться на некоторые из требуемых реформ, или самим смягчать до известной степени свой экономический и политический гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетение управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабевала ли бедность? переставало ли богатство с каждым днем все больше сосредоточиваться в руках все меньшего числа привилегированных?

Предлагать после этого беднякам, чтобы они продолжали по-прежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованием поверхностных реформ (потому что те, которые могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущие довести к революции) – значит предлагать рабочей массе позволить эксплуатировать себя еще неопределенно долгое время, потому что опыт прошлого показывает нам, что пока не будут изменены сами основы общества, все так-называемые реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники – по крайней мере, добросовестные – сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положение рабочих в высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазии основывается исключительно на их нужде и непосильном труде. Они соглашаются с нами, что такое положение не может продолжаться, что революция неизбежна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бедняк не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случае, раз уже столкновение неизбежно, зачем тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачем внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть на руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнее установить свое господство. Вот еще одно из последствий недостатков нашего современного строя: тот, кто не становится решительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всех их требований, оказывается силой вещей на стороне эксплуататоров. Все его добрые намерения, все те добрые чувства, которые заставляют его желать уменьшения наших бедствий, превращаются в наркотические средства, смягчающие острую боль и отдающие бедняков связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбежна, не лучше ли подготовиться к ней заранее, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущего, который наши противники сами считают хорошим и только вследствие рутины не могут признать осуществимым? Не лучше ли сделать так, чтобы в момент революции люди сумели воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какие учреждения вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишний раз обмануть себя.

Не будет ли это рациональнее и научнее, чем терять время на сожаление о том, чему помешать мы не можем, и на попытки сохранения того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшего?

Логично ли, в самом деле, стараться отложить на неопределенное время осуществление новых идей потому только, что они нигде еще не были приложены на практике и неизвестно, что могут дать? Так рассуждать можно только из страха новизны и нежелания отказаться от привычных понятий; только исходя из этого можно проповедовать, что лучше довольствоваться тем, что имеешь, или пытаться улучшить его, чем рисковать попасть в положение еще худшее.

Мы можем считать вполне доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы сами основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практике, значит рассуждать совершенно антинаучным образом и осуждать человечество на полный застой. Новые идеи всегда оказывались в большем или меньшем противоречии с идеями, господствовавшими в большинстве, и всякий раз, когда делалось какое-нибудь новое открытие, чтобы убедиться в его истинности, его приходилось проверять на опыте. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сделан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чем добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить некоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществлению в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно верное сравнение: когда у человека желтуха, то он не старается улучшить ее, а хочет совсем от неё избавиться. Мы гибнем от бедности и эксплуатации и стремимся освободиться от убивающего нас ига, что же с нами еще может случиться худшего?

Я знаю заранее, что в ответ на это мы услышим старую песню об опасности, грозящей прогрессу, о гибели науки во всеобщем катаклизме, о том, что человеческому уму грозит опасность пойти назад, раз только победа достанется народным массам, более грубым и менее образованным, чем правящие классы.

Ниже мы покажем, что эти опасения напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значение могут они иметь для тех, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоело? Какое дело до прогресса и всех чудес промышленности тем, кого судьба заставляет только быть орудиями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и все открытия человеческого ума, если они должны вечно служить только для всё большего порабощения и отупления страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развития?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалеете об их бедственном положении и всем сердцем сочувствуете их страданиям, но, так как внезапное освобождение их может привести к остановке хода прогресса, то они должны примириться со своим непосильным трудом и тяжелой жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых исследователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всех, могла свободно работать над разрешением научных вопросов. Имейте смелость высказать ваше мнение, скажите все это тем, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном труде – и вы увидите, как вас встретят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпение пойдет на пользу... будущим поколениям, что эти последние пожнут плоды самоотвержения предков... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезные реформы. Бедняки ответят вам, что они отказались от христианства именно потому, что оно обещало им рай только после смерти; вы же можете обещать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоело работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданий не в лице будущих поколений, а теперь, – и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновения науки, не сопротивляйтесь требованиям обездоленных масс: вместо того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся здание, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мешающие ей учреждения, не раздражать ее понапрасну бессмысленным и несправедливым сопротивлением. Вместо того, чтобы становиться на сторону защитников прошлого, пусть всякий человек, мыслящий и действительно стремящийся служить развитию человеческого ума, перейдет на сторону тех, которые не требуют ничего другого, кроме возможности воспользоваться своей долей того счастья и света, созданию которого они сами содействовали.

Представьте тех, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общего солидарного труда; пусть представители прошлого пытаются сколько угодно удержать свои привилегии, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человеческой эволюции. Если вы таким образом и не предотвратите столкновения (их упорство делает его неизбежным), то, по крайней мере, поможете спасти от гибели научные завоевания, потеря которых была бы, несомненно, огромным вредом для человечества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имеют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всех тех благ, исчезновения которых вы так боитесь; этим людям надоело быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достоянием. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это – единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сделаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случае, если победа народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, действительно, такая опасность существует).

Последнее возражение, которое нам делают, заключается в том, что, во всяком случае, в обществе замечается известный прогресс, что общий уровень нравственного и умственного развития рабочего повышается, его положение становится лучше, его потребности возрастают и получают возможность удовлетворения, что даже самый закон подвергается преобразованиям, и законодательство все более и более приспосабливается к требованиям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких пределах все эти положения верны.

Несомненно, общий уровень развития рабочего повысился, его потребности возросли вместе с ростом возможности их удовлетворения; теперь, например, рабочий[43] ест за обедом мясо и пьет вино, чего он не мог сделать хотя бы только пятьдесят лет тому назад. Но нужно иметь в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность

его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для восстановления их, и в гораздо большем числе питательных веществ.

Пятьдесят лет тому назад рабочий ходил по воскресеньям в блузе и питался овощами и сыром; иногда, в понедельник, ему случалось, где-нибудь за городом, съесть жареного кролика и выпить несколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую неделю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машине, за которой нужно непрерывно следить. Работа была по большей части ручная и делалась не спешно: рабочий производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вместе с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спешный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочий – машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношении, в смысле нравственных условий работы, он, следовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличения затраты его сил, а во-вторых – от большого умственного развития. В то время, как внешние условия ставят его на более низкий уровень сравнительно с его эксплуататорами, сам он становится сознательнее и лучше умеет оценивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти более высокие потребности вполне законны, и что он сам приобрел на них право собственными силами.

Да никто и не осмелится утверждать, что эти увеличившиеся расходы излишни для рабочего; никто не решится оспаривать его право на долю участия в пользовании теми благами, созданию которых он содействует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочего в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имеет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тем не менее поставить в упрек развившиеся в нем новые потребности, что он удовлетворяет их в наше время очень тяжелыми лишениями и что то – очень относительное – благосостояние, которым он, действительно, пользовался во время наиболее быстрого роста промышленности, теперь составляет в каждом ремесле удел лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во внимание безработицу, оказывается несколько не выше, чем пятьдесят лет тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышение заработной платы и удешевление продуктов позволили им дать удовлетворение этим возросшим потребностям; однако, в конечном счете, больше всего воспользовались этим развитием производства все-таки капиталисты. Новые потребности рабочего, нарождающиеся в наше время, уже не могут найти себе удовлетворения, вследствие безработицы, и он оказывается в положении еще худшем, чем раньше, так как, помимо его материальной нужды, в нем живет кроме того сознание, что

эта нужда – не заслужена, так как он – единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидеть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многого и они не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тех причин, которые создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всеми продуктами соответственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семье приходится умирать с голоду.

Вот что неизбежно говорит себе всякий мыслящий рабочий, когда он наблюдает и обсуждает те явления, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочий развился и понял цену прогресса – того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его более обострившиеся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замечал. А опыт, опять-таки, не только не подает ему надежды на улучшение,

но, наоборот, предвещает все большую нужду, все более сильный и все более унижительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствовании законов, якобы все более приспособляющихся к интересам общей пользы и к её охранению. Но и здесь мы не находим ничего, кроме пустой приманки: самые лучшие законы, по самому существу своему, на практике совершенно отклоняются от своей первоначальной цели. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всей своей тяжестью на бедняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношению к классу привилегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у соседа кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих миллионами – биржевых игроков, дельцов. «Соединенного Общества» или Панамы, разных участников операций Март и Рейно, Массе и Берно; по-прежнему мошенники, открывающие россыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить доверчивых людей. Если иногда следователь и оказывается вынужденным вмешаться в их дела и спросить у них кое-каких объяснений, то он не заставляет привести их к себе под конвоем двух полицейских, как это делается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неуместность своего нескромного вмешательства и, конечно, не дает делу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бедняка, который за неимением денег, пообедал где-нибудь и не заплатит за обед.

Перед законом все равны – это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малейшее сопротивление грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбление полиции»; может быть, в участке его зверски избьют и оставят на койке полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбление действием» тех же полицейских.

Все те, кому случается бывать в суде, отлично знают, что когда человека судят за оскорбление полиции или за сопротивление ей, то, как бы не было это обвинение ложно, адвокат всегда советует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмеливается противоречить заключениям следователя и свидетельству полицейских, суд всегда применяет к нему высшую меру наказания.

Да, прекрасная вещь закон! Он, несомненно, справедлив в одном отношении: это – что если завтра власть перейдет в другие руки, то новые правители употребят его как оружие против тех, кто пользуется им теперь.

Итак, к какой бы области мы не обратились, мы везде увидим, что все наши стремления подавляются современным общественным строем, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожным меньшинством, которое гораздо больше берет от общества, чем само дает ему.

Опасения, которые высказываются относительно возможности исчезновения в будущей революции некоторых сторон современной жизни, касаются только таких областей, до которых массе нет и не должно быть ровно никакого дела. Что же касается положительных знаний, то они могут только выиграть от общественного переворота. Не будем же останавливаться перед напрасными страхами и примемся лучше с удвоенной силой за разрушение существующего общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмам!

XXI. Что же будет после?

«А что же будет после?» спрашивают нас иногда наши противники, когда нам удастся, наконец, показать им недостатки нашего современного общественного строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существовании, что самые лучшие из них неизбежно, в силу самых существующих учреждений, обращаются против своей первоначальной цели и только ухудшают положение эксплуатируемых; что всякая реформа, способная действительно улучшить положение рабочего, должна для этого изменить существующие учреждения в самых их основах, а так как правящие классы никогда на это не согласятся, то для её осуществления все равно придется прибегнуть к революции.

Но эта революция пугает многих связанными с ней потрясениями, а потому, вполне признав болезненное состояние общества, они останавливаются перед этим средством к его изменению.

«Конечно», говорят они, «может быть вы и правы: общество, действительно, плохо устроено и должно измениться. Что касается революции, то..., пожалуй, я ничего не имею против неё... но что же будет дальше?»

«А дальше», отвечаем мы, «личностям будет предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворения своих физических, умственных и нравственных потребностей. Раз власть и собственность будут уничтожены, раз общество будет основано уже не на борьбе интересов, а, наоборот, на самой тесной солидарности, раз людям не придется дрожать за будущее и постоянно думать о том, чтобы скопить копейку на черный день, – они перестанут смотреть друг на друга как на врагов, каждую минуту готовых перегрызться из-за куска хлеба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнут, а вместе с тем в обществе воцарится согласие.

Будет, конечно, существовать соревнование между различными группами – соревнование в достижении лучшего, в достижении той или другой идеальной цели, которая будет все больше и больше расширяться по мере того, как стремления личностей будут находить себе удовлетворение. Но это соревнование будет вполне мирным, потому что к нему не будет примешиваться никакого торгашеского или правительственного интереса; те группы, которые отстанут от других, всегда смогут воспользоваться плодами деятельности более передовых.

В наше время существование бедности зависит от того, что торговые склады переполнены товарами, так что, пока они не найдут сбыта, очень многие рабочие остаются без работы и голодают; это одно уже ясно показывает нам всю ненормальность современного общественного строя.

В том обществе, к которому мы стремимся, будет происходить обратное; чем в большем изобилии окажутся продукты, тем легче установится всеобщее согласие, потому что людям

не придется высчитывать размеров своего потребления; чем быстрее научатся они производить, тем больше будет введено усовершенствованных машин, тем меньше будет количество труда, на долю каждого, и тем скорее этот труд сделается тем, чем он должен быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражнения мускулов.

В разумно устроенном обществе труд должен перестать быть для человека тягостью и страданием, каким он является, благодаря своей чрезмерности, в нашем эксплуататорском строе. Он должен сделаться ничем иным, как одним из занятий в ряду всевозможных других развлечений и работ – физических и умственных, – которые люди будут выбирать себе сообразно своим склонностям и без которых они постепенно превратились бы в простые пищеварительные мешки, что не преминуло бы случиться с буржуазией, если бы ей удалось упрочить свое господство, и. что уже случилось с одним видом муравьев, которые потеряли способность сами кормиться и умирают с голоду, если возле них не окажется рабов.

«Конечно», возражают наши противники, «все это очень хорошо и ваш идеал, несомненно, – высший идеал, к какому только может стремиться человечество; но на чем вы основываетесь, когда думаете, что всё пройдет так гладко, что сильные не захотят угнетать слабых, что не найдется лентяев, которые предпочтут жить на счет чужого труда? Если напор толпы не будет сдерживаться никакой плотиной, то кто знает, не окажется ли революция шагом назад, вместо того, чтобы быть шагом вперед? А если она будет побеждена, то не приведет ли это к застою в идеях на какие-нибудь двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть и больше лет?»

«Если же вы победите, то разве вы сможете помешать отдельным случаям мести? разве вы сможете всегда сдерживать толпу? И с той, и с другой стороны тогда разгорятся дикие, животные страсти, свойственные человеку, вернувшемуся к состоянию зверя».

Мы ответим на это, что все окружающее неизбежно ведет нас к этой революции; и все обостряющийся экономический кризис, и все большая трудность жизни, и политические затруднения, все усиливающиеся и заставляющие терять голову людей, держащих «бразды правления». Мы придем к этому самой силой вещей, а потому единственное, что нам остается, это – быть готовыми к участию в событиях, чтобы по возможности повернуть их в пользу наших идей.

Но страх перед неизвестностью так упорно сидит в людях, что, вполне согласившись с логичностью и правильностью наших выводов, наши противники всё-таки продолжают возражать: «Все это так, но всё-таки лучше было бы действовать с осторожностью. Прогресс совершается мало-помалу и сильных потрясений лучше избегать; может быть удастся и так вынудить у буржуазии кое-какие уступки».

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно относящиеся к делу, сознательно не желающие убедиться, то мы бы просто бросили всякий спор с ними. Но, к несчастью, между ними есть и люди в высшей степени добросовестные, но просто захваченные влиянием среды, воспитания и привычки видеть повсюду деятельность власти, – люди, которые думают, что все погибло, как только эта власть исчезла с горизонта. Не находя никаких новых возражений, они тогда невольно возвращаются к первому своему аргументу – что

нельзя себе представить такого общества, где не было бы ни законов, ни судей, ни полицейских и где люди жили бы без всякой борьбы, мирно помогая друг другу.

Что сказать им в ответ? Они требуют доказательств того, что общество будет функционировать именно так, как мы думаем; мы приводим им доказательства, почерпнутые из логики фактов, из сравнения и разбора их, но что касается доказательств более осязательных, то их может дать только опыт, а, чтобы его проделать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Нам остается тогда ответить им следующее:

Мы доказали вам, что современный строй вызывает бедность и голод, что он держит в невежестве целый – и наиболее многочисленный – класс народа, что он мешает развиваться целым поколениям, передавая им по наследству всевозможные предрассудки и ложные понятия.

Мы доказали, что вся современная общественная организация ведет только к эксплуатации массы в пользу привилегированного меньшинства.

Мы доказали и то, что как недостатки общественного устройства, так и развитие новых стремлений среди рабочих, неизбежно ведут нас к революции. Что же мы можем прибавить еще? Если нам все равно придется сражаться, то будем же лучше сражаться за то, что кажется нам лучшим и справедливейшим.

Окажемся ли мы победителями, или побежденными? Этого никто предсказать не может. Но если мы будем ждать с нашими требованиями до тех пор, пока мы не будем уверены в победе, то наше освобождение может отдалиться на целые века. Да и не в наших силах управлять обстоятельствами: по большей части, наоборот, они увлекают нас за собой и единственное, что мы можем сделать, это – постараться предвидеть их, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А раз борьба начнется, дело анархистов – приложить всю свою энергию для того, чтобы своим примером увлечь за собой массу.

Что в готовящейся революции будут отдельные случаи мести, будут убийства, будут даже проявления дикости – это очень вероятно и этого следует ожидать; но можем ли мы эти случаи предотвратить?

Им не только никто не может помешать, но даже и *не должны* мешать. Если толпа пойдет дальше самих пропагандистов – что-ж! тем лучше. Лучше пусть она расстреляет тех, кто захочет проявить излишнюю сентиментальность, чем даст оставить себя ради спасения нескольких жертв: иначе она, пожалуй, позволит удержаться и тем, кто захочет сделать это с целью усмирить революционный дух или помешать ей разрушить некоторые учреждения, которые должны исчезнуть, или ради желания спасти кое-что из того, что должно быть уничтожено. Раз борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не доверяет разным сентиментальным фразерам; пусть она неумолимо разрушит все то, что захочет стать ей поперек дороги.

Все, что мы можем сделать, это – теперь же заявить, что исчезновение той или другой личности не должно иметь значения для рабочих, что предметом их разрушительной работы должны быть учреждения, что именно их нужно вырвать с корнем и окончательно уничтожить, не оставив ничего такого, что дало бы им возможность вновь возродиться под другим названием.

Буржуазия сильна только благодаря своим учреждениям, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемым, что они заинтересованы в сохранении этих учреждений, и заставить их сделаться их вольными или невольными защитниками. Предоставленная самой себе, она не сможет сопротивляться революции, да и много ли найдется среди неё людей, которые сделают этого рода попытку? Вот почему отдельные личности сами по себе не представляют для нас никакой опасности.

Но если найдутся в момент революции такие, которые явятся препятствием, пусть тогда революционная буря унесет их; если встретятся отдельные случаи мести, то виноваты в этом будут те, кто вооружил против себя массу. Должно быть эти люди сделали много зла, если ненависть к ним не успокоилась на уничтожении их класса, на отмене их привилегий; пусть же те, которые хотят их защищать, выпутываются из этого положения, как им будет угодно. Толпа никогда не идет слишком далеко, хотя это иногда и говорят некоторые из её вожаков, боящиеся нравственной или фактической ответственности.

Отбросим же в сторону глупый сентиментализм – даже если и случится, что гнев толпы обратится на более или менее невинную голову. Чтобы заглушить в себе чувство жалости, нам достаточно будет вспомнить, сколько тысяч жертв поглощает теперь ежедневно пасть общественного минотавра ради выгоды сытой буржуазии. И если окажется, что несколько буржуа будут повешены где-нибудь на фонаре, убиты на улице или брошены в воду, то они только пожнут то, что сами посеяли. Тем хуже для них! Кто не с толпой, тот против неё.

Для нас, рабочих, положение дел очень ясно: с одной стороны – настоящее, современное общество со всеми его бедствиями, с неуверенностью в завтрашнем дне, с лишениями и страданиями без всякой надежды на улучшение, общество, в котором мы задыхаемся, где наш мозг гложет, где мы должны подавлять в себе всякое стремление к добру, к красоте, всякое чувство справедливости и любви к людям; с другой – будущее, идеал свободы, счастья, умственного и физического удовлетворения, одним словом – полный расцвет нашей личности. Колебаний в выборе у нас быть не может. Какова бы ни была судьба будущей революции и что бы с нами не случилось, ничто не может быть для нас хуже настоящего положения. Современное общество стесняет нас, мы должны его низвергнуть, и будь что будет с теми, кто окажется раздавленным под его тяжестью! Они сами виноваты в том, что хотели укрыться у его стен, удержаться за его гнилые подпорки, вместо того, чтобы стать на сторону разрушителей.

XXII. Осуществим ли анархический идеал?

«В теории, ваши идеи очень хороши, но на практике они не применимы: людям нужна власть, которая бы поддерживала равновесие и заставляла бы их подчиняться общественному договору», – вот возражение, которое выставляют против нас сторонники современного порядка вещей, когда все другие аргументы их уже исчерпаны и нам удалось уже доказать им, что при сохранении существующего общественного порядка рабочему нечего рассчитывать ни на какое улучшение своего положения.

«Ваши идеи прекрасны, но неосуществимы: человек еще недостаточно развит для того, чтобы жить в таком идеальном обществе. Для того, чтобы оно стало возможным, нужно, чтобы человек был совершенным», говорят точно также многие, вполне искренние, люди, которые, благодаря рутине и полученному воспитанию, видят повсюду одни только препятствия и не имеют достаточно убежденности, чтобы работать для проведения в жизнь своих убеждений.

А затем, рядом с открытыми врагами и людьми индифферентными, которые могут стать друзьями, существует еще третья категория личностей, более опасная, чем прямые враги. Это – люди, которые заявляют себя восторженными сторонниками наших взглядов, которые громко провозглашают, что прекраснее нашего идеала быть ничего не может, что современный строй никуда не годится, что он должен исчезнуть и уступить место новому, что такова именно цель, к которой должно стремиться человечество и т. д. «Но», прибавляют они, «эти идеи пока еще неосуществимы: к ним нужно еще подготовить человечество, нужно еще заставить его понять все преимущества нового строя». И вот, под предлогом большей практичности, они стараются слегка обновить кое-какие старые проекты реформ, всю бесполезность которых мы уже показали, поощряя таким образом, существующие предрассудки и содействуя их сохранению. Затем, они стараются извлечь из существующего положения как можно больше выгод для себя лично, а вместе с тем их идеал все более и более стушевывается, и уступает место инстинктивному стремлению сохранить настоящее.

К несчастью, конечная цель наших стремлений, действительно, неосуществима сейчас же. Наши идеи понятны пока еще для слишком незначительного меньшинства, а потому не могут еще иметь непосредственного влияния на ход событий общественной жизни. Но разве это должно мешать нам работать для их осуществления?

Если мы убеждены в их справедливости, то почему же нам не стараться применить их на практике? Ведь если все будут говорить: «это невозможно», и на этом основании покорно склоняться под игом современного общества, то буржуазный строй и в самом деле сможет

рассчитывать еще на долгие годы существования.

Если бы первые мыслители, боровшиеся против церкви и монархии за независимую и разумную мысль и шедшие за исповедание её на костер и эшафот, думали так о своем идеале, то в нашем обществе до сих пор царили бы мистицизм и феодальное право. Если в наше время человек начинает понемногу узнавать историю своего происхождения и избавляться от всяких предрассудков относительно божеской или человеческой власти, он обязан этим только тому, что всегда были «непрактичные» люди, твердо убежденные в истинности своих идей и стремившиеся всеми силами их распространить.

Жан Мари Гюйо, в одной из глав своей в высшей степени замечательной книги: «Очерк системы нравственности без принуждения и санкции» развивает ту мысль, что «если человек не поступает соответственно своей мысли, то это значит, что самая его мысль неполна». Это совершенно верно. Тот, кто вполне убежден в справедливости какой-нибудь идеи, не может не стараться о её распространении, о её приведении к жизни.

Как часто случается, что два приятеля спорят и ссорятся из-за пустяков только потому, что каждый стоит за свой взгляд и уверен в справедливости того, что говорит. Казалось бы, что стоит сделать удовольствие приятелю, или просто воздержаться от доставления ему неприятности? Отчего не пропустить молча мысль, с которой вы не согласны, раз только эта мысль не затрагивает существенных пунктов ваших убеждений? Вы так и делаете сплошь да рядом, когда речь идет о предметах, о которых у вас нет определенного мнения; но как только дело коснется того, о чем у вас мнение составилось, то, хотя бы это был совершенный пустяк, вы сейчас же вступаете в спор и защищаете свой взгляд даже против лучшего друга. А если так бывает в вопросах пустяшных, то что же сказать о вопросах и идеях, касающихся будущего всего человечества, освобождения нашего класса, наших потомков и нас самих?

Мы, конечно, вполне понимаем, что не всякий одинаково способен на сопротивление и борьбу, не всякий может проявить одинаковую энергию в деле разрушения существующих учреждений; не все темпераменты, не все характеры обладают достаточной для этого твердостью. Трудностей так много, лишения так тяжелы, преследования так сильны, что мы вполне понимаем, что в деле распространения тех идей, которые мы считаем истинными и справедливыми, должны существовать различные степени. Но энергия нашей деятельности, во всяком случае, всегда будет пропорциональна силе первоначального толчка, данного нам, и степени нашей веры в данную идею. Очень часто вас могут останавливать разные соображения, касающиеся семьи, окружающей среды, необходимости сохранить хлеб насущный; но, какова бы ни была сила этих соображений, если вы – человек действительно убежденный, они никогда не заставят вас примириться со всеми совершающимися на ваших глазах безобразиями; придет минута, когда вы отбросите все это в сторону и будете помнить только одно: что вы – человек и что вы мечтали когда-то о чем-то лучшем, чем то, что вам приходится выносить.

Тот, кто неспособен ни на какую жертву ради убеждений, которые он якобы исповедует, в действительности не имеет ровно никаких убеждений: он просто прикрывается ими, как ярлыком, для вида, потому что в данную минуту они в моде, или потому, что он хочет

оправдать ими какие-нибудь дурные поступки; берегитесь довериться такому человеку: он вас обманывает. Что же касается тех, которые хотят прибегнуть к помощи существующих учреждений якобы для пропаганды новых идей, то это – не более, как честолюбцы, которые под предлогом будущего хотят только свободно пользоваться жизнью в настоящем.

Из этого одного видно, что наш идеал не может быть осуществлен сейчас, и мы вполне готовы это признать; но он будет становиться все более и более осуществимым в той мере, в которой люди, его усвоившие, сумеют приложить к этому свою энергию. Чем живее будет их пропаганда, тем ближе будет и достижение цели. Если мы будем входить в сделки с существующими учреждениями, мы не разрушим их; если мы будем прятать наши убеждения в карман, мы не добьемся их распространения.

Чтобы бороться с современным строем и работать для воплощения в жизнь новых идей, нужна энергия, а эту энергию дает только твердое убеждение. Вот почему те, кто такие убеждения имеет, должны стараться быть «ловцами людей».

Выше мы показали, что никакие реформы не действительны в нашем обществе; поэтому, проповедовать их рабочим значило бы сознательно обманывать их. Мы знаем, с другой стороны, что сами события неизбежно приведут рабочих к революции, что экономические кризисы, безработица, развитие машинизма, политические осложнения – все содействует тому, что выброшенный на улицу рабочий оказывается вынужденным громким протестом заявлять о своем праве на существование. А раз уже революция неизбежна, раз все реформы ни чему не служат, то единственное, что нам остается, это – подготовиться к ней. Это именно мы и делаем, когда стремимся идти прямо к цели, предоставляя разным честолюбцам создавать себе карьеру и обогащаться на счет людей нуждающихся, которым они якобы хотят помочь.

Здесь мы предвидим еще одно возражение. «Раз вы сами признаете», скажут нам, «что ваши идеи еще не созрели для осуществления на практике, то вы, значит, требуете от современного поколения, чтобы оно жертвовало собой для поколений будущих, чтобы оно боролось за идеал, немедленного осуществления которого вы ему обеспечить не можете?»

Мы вовсе не проповедуем никакого самоотречения; мы только не хотим обольщать себя ложными надеждами и не хотим помогать энтузиастам ими обольщаться. Мы берем факты как они есть, рассматриваем их и делаем выводы; мы видим, с одной стороны, общественный класс, владеющий всем и ни от чего не соглашающийся отказаться; с другой – класс, производящий все и ничего не имеющий, класс, которому остается или покорно склонить голову перед своими эксплуататорами, потеряв всякую гордость, всякое чувство собственного достоинства, все, что возвышает характер человека, и терпеливо ждать, пока ему бросят кость, или же восстать и решительно потребовать того, чего он не может добиться никакими коленопреклонениями. Для тех, кто думает только о себе, кто хочет наслаждаться жизнью во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой, в этой альтернативе, конечно, нет ничего приятного. Таким людям мы посоветуем примириться с требованиями современного общества и постараться пробить себе дорогу, не обращая внимания на то, что попадается им по пути и не боясь раздавить того, кто может им помешать; с ними у нас нет ничего общего.

Но тому, кто считает, что его свобода – только тогда настоящая свобода, когда она не нарушает свободы более слабых; тому, кто не может пользоваться наслаждениями, если он знает, что они куплены ценой слез других, обездоленных людей – тому мы скажем, что в признании того, что для освобождения нужна борьба, нет никакого самоотречения с чьей бы то ни было стороны.

Мы признаем, как несомненный факт, что только приложение наших идей может действительно привести нас к освобождению человечества: его дело – хочет ли оно освободиться сразу и целиком, или же всеми плодами прогресса всегда должно пользоваться лишь незначительное привилегированное меньшинство, на счет тех, кто гибнет, производя богатства для других.

Увидим ли мы зарю этого освобождения? Выпадет ли это на долю современного поколения, или того, которое за ним последует, или еще позднейшего? Этого мы не знаем и этим мы не занимаемся. Достижение цели выпадет на долю тех, у кого хватит энергии и огня в сердце, чтобы настойчиво захотеть быть свободными.

XXIII. Правда без прикрас.

Все сказанное в предыдущей главе, несомненно, противоречит обыкновенным речам членов различных политических партий, которые всегда обещают золотые горы и от малейшей реформы ждут наступления земного рая для её сторонников. Но мы, которые не ждем от увлечений массы никакой личной выгоды, которые хотим, чтобы она выучилась сама управлять собой, – мы не станем обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнее, и наша деятельность имела больше значения, мы должны ясно видеть путь, лежащий перед нами, не обольщаясь никакими иллюзиями, не останавливаясь ни перед какими предрассудками, которые могли бы заставить нас свернуть с истинного пути.

Наши идеи станут приложимыми только благодаря энергии, с которой люди их усвоившие будут вести свою пропаганду. Их успех зависит от той силы, которую мы сможем отдать в распоряжение революции; если же мы до сих пор не прилагаем этой силы, не стараемся сразу перейти от теории к практике, то причина этого – мы вполне это признаем – лежит в существовании различного рода препятствий. Если бы наши убеждения можно было приложить к жизни сейчас же, то с нашей стороны было бы непростительным не попытаться этого сделать. Но препятствия существуют, и наше дело – не отрицать их, а наоборот узнать, в чем они заключаются, и постараться их преодолеть. Мы потому именно и ведем пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить в жизнь: если бы они были уже готовы к осуществлению, то для этого достаточно было бы естественного хода событий.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотреть в увеличительное стекло на то, к чему мы стремимся, и, наоборот, в противоположное стекло бинокля – на то, что представляет для нас опасность. Мы ищем правды и если мы будем обманывать себя и других, то ту революцию, которую мы, может быть, вызовем, придется начинать сначала.

Наши противники говорят нам о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у них нет других аргументов, и этот последний аргумент довольно затруднителен, если не по существу, то по форме, потому что в современном обществе, наш идеал в самом деле может очень легко показаться утопией. Человеку, никогда не выходившему умственно за пределы существующего, очень трудно представить себе, что можно жить без правительства, без законов, без судей, без полиции и без всякой другой власти, без каких бы то ни было денежных знаков, когда в наше время людям и так уже трудно столкнуться между собой, несмотря на существование законов, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегчения соглашений между людьми.

Мы не можем выставить против этого возражения никаких фактических доказательств, потому что наш идеал пока еще находится в будущем. Мы можем, конечно, указывать на существующие в современном человечестве течения, на разные частичные попытки осуществления этого идеала в маленьких размерах, но какое все это может иметь влияние на предубежденный ум, не идущий в своих стремлениях дальше улучшения того, что

существует?

Совершенно отвергнуть этот аргумент? Это значило бы спрятать, как страус, голову под крыло: возражение осталось бы все-таки в полной силе. Ответить какими-нибудь софизмами? Мы оказались бы в глухом переулке, выйти из которого можно только при помощи новых софизмов. От этого рода приемов наши идеи никогда ничего не выигрывают. Если мы хотим действительно выяснить вопрос и ответить на все противопоставляемые аргументы, мы должны сами искать возражения, должны стараться вызывать их, чтобы затем по возможности найти на них ответ. И прежде всего мы должны высказываться ясно и определенно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно к правде. Раз мы заявили, что она лежит в основе наших идей, мы должны доказать это тем, чтобы всегда и повсюду стремиться найти ее. Мы вполне сознаем, что такое признание не имеет в себе ничего особенно привлекательного для массы, что оно не может увлечь ее за собой; некоторые из наших товарищей, может быть, даже обвинят нас в том, что, недостаточно скрывая темные стороны нашего общественного мирозерцания, мы сеем в наших рядах безнадежность и разочарование.

Такой упрек будет ничем иным, как следом влияния различных политических партий. С какой стати мы будем обещать то, исполнение чего от нас не зависит, и подготавливать, таким образом, реакцию, которая обратится против нас?

Если бы мы составляли политическую партию, стремящуюся к завоеванию власти, тогда, конечно, мы могли бы обещать людям все, что угодно, лишь бы только они помогли нам в нашем предприятии; но у анархистов дело обстоит иначе: нам нечего обещать, нечего просить, нечего давать. И когда нам возражают, что наш идеал неосуществим, нам не остается ничего другого, как указать на факты, в которых обнаруживается стремление человечества пойти именно по этому направлению, а затем вновь показать вытекающие из современного строя бедствия, ложность его основ и недействительность всех реформ, предлагавшихся до сих пор в видах успокоения умов. Мы скажем затем, что перед людьми, в конце концов, стоит все та же альтернатива: или продолжать терпеть эксплуатацию, или прибегнуть к революции, причем успешность этой революции будет зависеть от того, насколько сильно они захотят осуществления идеала, который они признают желательным. Вот все, что мы можем сделать; остальное же будет зависеть не от нас.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи громких – высокопарных или сентиментальных – фраз: они только заставляют людей надеяться на немедленное исполнение их желаний, а это – невозможно. Люди входят в движение полными огня и энтузиазма, думая, что вот-вот достигнут намеченной цели, а затем понемногу разочаровываются и бесследно исчезают один за другим. Сколько мы видели за последние десять лет в наших кружках таких товарищей, которые хотели разрушить сейчас же, как Самсон, здание храма? А где они теперь?

Мы хотим делать дело менее громкое, менее блестящее, но более прочное. Мы хотим действовать не только на чувство людей, но и на их ум, на их логику. Это не значит, что мы относимся отрицательно к пропагандистам, которые, главным образом, умеют действовать на чувство: всякий делает свое дело сообразно своим взглядам, своему темпераменту. Но

мы ищем, не людей *верующих*, а людей *убежденных*. Пусть те, которые входят в наше движение, знают заранее все трудности, с которыми им придется встретиться, они должны подготовиться к борьбе с ними, чтобы не впасть в разочарование при первой же неудаче. Путь наш долог и труден и прежде, чем вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своих мышц: многие изранят себя о придорожные камни, придется нам иногда оставлять на дороге и трупы товарищей. Пусть те, в ком нет достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужат помехой длядвигающегося вперед отряда.

Другой предрассудок, довольно распространенный среди анархистов, состоит в том, чтобы смотреть на массу как на какое-то тесто, из которой можно вылепить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоит. Источник его коренится в том, что люди, сделавшие, сравнительно с другими, шаг вперед, считают себя какими-то пророками, стоящими выше обыкновенных смертных. «Мы заставим массу сделать то-то, мы поведем ее за собой», говорят они, совершенно уподобляясь в этом любому диктатору. Этот взгляд на массу – ничто иное, как наследие нашего прошлого, основанного на понятии о власти.

Мы нисколько не отрицаем влияния меньшинства на толпу: наоборот, мы именно потому и стараемся действовать как можно энергичнее, что убеждены в этом влиянии; но мы думаем, что единственный путь, которым анархисты могут, в момент революции, повлиять на массу, это – практическое дело, пропаганда собственным примером, который один только может увлечь толпу. При этом нужно иметь в виду, что такое влияние будет возможно только тогда, когда эта масса будет до известной степени подготовлена предварительной, ясной, и определенной пропагандой, когда она сама придет в движение под влиянием воспринятых раньше идей.

И вот, если мы сумеем надлежащим образом распространить теперь наши взгляды, в этот момент окажется их влияние; только при условии, если мы будем выяснять их и делать доступными для всех, можем мы рассчитывать на долю участия в будущем общественном перевороте. Тогда нам не придется уже бояться, что за нами не пойдут; единственной опасностью будут тогда, наоборот, те преграды, которые захотят поставить движению люди, которые будут считать себя его вожаками.

В революциях толпа всегда идет дальше предшественников движения. Будем же поэтому как можно шире распространять наши убеждения, будем как можно лучше выяснять их, будем даже повторяться, если нужно, – и не будем закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнет людей от нашего дела, но, наоборот, привлечет к нему всех тех, кто жаждет свободы и справедливости.

Краткая библиография Жана Грера

На русском языке:

Будущее общество (№ 3. Изд. 3, стереотип., «URSS», 2018.)

Удивительные приключения Ноно («Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°», 1918.)

Синдикализм в общественном развитии

На французском языке:

Ce que nous voulons. 1882 (в газете Le Droit social от 12 февраля, автор – Жан Грав, по мнению журнала «Автоном»)

La Société au lendemain de la Révolution. 1882. (позже переделанное в La Société future) (в газете Le droit social от 15 декабря)

Organisation de la propagande révolutionnaire. 1883.

Autorité et Organisation. 1885.

La Révolution et l'autonomie selon la science. 1885.

La Société future, 1895 («Будущее Общество»)

La Grande Famille (J. Grave), 1896.

L'Individu et la société, 1897.

Le Machinisme. 1898.

La panacée-Revolution. 1898.

Enseignement bourgeois et enseignement libertaire, 1899 или 1900.

L'Anarchie, son but, ses moyens, 1899.

La colonisation, 1900. (brochure n° 15 des "Temps Nouveaux")

Les Aventures de Nono, 1901. («Удивительныя приключенія Ноно»)

Organisation, initiative, cohésion. 1902.

Guerre-militarisme, 1902.

Patriotisme-Colonisation, 1903.

Malfaiteurs! 1903.

Responsabilité! (Theaterstück) 1904.

Le syndicalisme dans l'évolution sociale. 1908. («Синдикализм в общественном развитии»)

Terre Libre. 1908.

Réformes, révolution, 1910.

Si j'avais à parler aux électeurs. 1912.

Les scientifiques et Contre la folie des armements. 1913.

Sur le traité de paix, septembre 1919.

Au travail, septembre 1919.

Le Mouvement libertaire sous la IIIe République, 1930.

Quarante ans de propagande anarchiste, Flammarion, coll. «L'histoire», Paris, 1973.

Газеты, в которых выходили статьи Жана Грера:

Le droit social

Le Révolté

la Révolte

Les Temps nouveaux

«La Bataille Syndikaliste»

«Freedom»

«Libre Federation»,

Литература о Жане Граве

Jean Maitron: Le mouvement anarchiste en France. Paris 1975.

Вадим Дамье: Жан Грав, теоретик анархизма. Вступительная статья к Ж. Грав, «Будущее общество», Либроком, Москва, 2009.

Примечания

[1] Герберт Спенсер – английский философ, один из родоначальников эволюционизма.

[2] Жорж Этьеван – сообщник Равашолья, крал динамит для него.

[3] Октав Мирбо – французский писатель-анархист, романист, драматург, публицист и художественный критик, член академии Гонкуров. По словам Льва Толстого, «Октав Мирбо — величайший из современных французских писателей, наилучшим образом выражающий дух Франции этого столетия»

[4] Книга впервые опубликована в 1893 году

[5] Дело Дрейфуса – судебный процесс в декабре 1894 года во Франции и последовавший за ним социальный конфликт (1896—1906) по делу о шпионаже в пользу Германской Империи офицера французского генерального штаба, еврея родом из Эльзаса (на тот момент территории Германии) капитана Альфреда Дрейфуса

[6] Явное предначертание – крылатое выражение, описывающее характерное для Соединённых Штатов Америки XIX века убеждение о необходимости и оправданности экспансионизма, захвата и освоения Дикого Запада.

[7] Волтарина де Клер – американская анархистка и феминистка, сначала позиционировавшая себя как анархо-индивидуалистку, но впоследствии ставшая себя называть анархисткой без прилагательных, одна из ключевых фигур в истории анархизма в США. Известна своими публикациями и выступлениями по вопросам антиэтатизма, института семьи и отношений между религией, сексуальностью и правами женщины.

[8] С момента написания этой книги Петр Кропоткин, друг Жана Грера, в 1914 году написал книгу «Французская Революция 1789-1793».

[9] Жан Грав считает их таковыми, потому что они не революционны, а лишь реформируют отчасти капитализм, иногда становясь «коллективным эксплуататором».

[10] Этьен Марсель (между 1302 и 1310 по 1358) – средневековый придворный буржуа и чиновник, под влиянием царившего во дворе короля расточительства и коррупции, встал во главе Парижского восстания 1356-1358 годов, которое имело цель ограничить власть короля над казной.

[11] Пётр Кропоткин имел иную точку зрения на этот счёт, см. «Взаимная помощь как фактор эволюции».

[12] Мы не будем приводить здесь всех фактов, потому что не имеем в виду излагать их, а только хотим объяснить, как именно представляем мы себе семью будущего. Читателей же, которые захотят изучить вопрос основательнее, мы отсылаем к специальным трудам. (прим. авт.)

[13] Пария – одна из неприкасаемых каст на юге Индии, в европейских языках имеет значение «бесправный».

[14] Здесь следовало бы изложить наш взгляд на воспитание детей в будущем обществе, но это уже было сделано в книжке «Общество на другой день после революции» (*Société au lendemain de la révolution*) в главе о «Дети в будущем обществе». (прим. авт.).

На русском языке книга называется «Будущее общество». Так как автор решил книгу дополнить следующее издание книги поменяло своё название. А «Общество на следующий день после революции» стало именем первой главы этой книги.

[15] В этой главе автор разбирает, главным образом, ту форму правления, которая существует во Франции; но очевидно, что если его аргументы верны по отношению к этой, наиболее демократической форме, то они тем более приложимы к другим. (прим. пер.)

[16] Т.е. руководил; помочи - ремень

[17] Выгодное место, хорошо оплачиваемая должность с практически полным отсутствием обязанностей

[18] Способность связываться с другим предметом и тем самым создавать новый объект.

[19] Чезаре Ломброзо - итальянский психиатр, преподаватель, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирождённом преступнике, что существуют люди, у которых есть врождённая склонность к преступлениям.

[20] Леонс Пьер Мануврие – французский антрополог, анатом и физиолог, известен тем, что изучал строение тела человека, его органов, особенно мозга, также опубликовал большую работу о питекантропах.

[21] В западных языках слово «раса» обычно имеет значение не строго антропологическое, а скорее культурное, как, например, «этническая группа», «[чужеземный] народ»

[22] G. de Molinari: «*Évolution politique et économique du XIX-e siècle*». (прим. авт.)

[23] там же

[24] там же

[25] там же

[26] там же

[27] Франция инициировала ряд колониальных войн: двухсотлетний захват Сенегала, захват Вьетнама и Конго в 1880-х, экспедиции на Мадагаскар в 1883 и 1896 годах.

[28] Это было написано в начале 90-х годов и автор имеет здесь в виду дело о мелините, но с тех пор дело Дрейфуса еще гораздо ярче показало нравственный уровень официальных защитников страны. (прим. пер.)

[29] восхвалители

[30] казённый прислуга при офицере или чиновнике

[31] Вообще, вакса играет в полковой жизни большую роль. Мне вспоминается один ротный командир морской пехоты, который однажды объявил солдатам, что у него остались свободные суммы, и что, поэтому, количество провизии, отпускаемой на каждого солдата будет увеличено, так что они на другой же день могут получить сверхштатное количество... ваксы и воска! (прим. авт.)

[32] Фимиам — ладан или любое другое благовоние, сжигаемое при богослужениях в иудаизме и христианстве; Образно, «через призму проправительственного мнения».

[33] Имеются ввиду Инки сильно централизованного государства Тауантинсую

[34] Сулук-Эли Фостен (1782 – 1867) – правитель Гаити, в 1847 г. стал, в результате переворота, президентом, а в 1849 г. провозгласил Гаити Империей, а себя императором и начал править под именем Фостен. Режим продержался до 1858 г., Сулука свергли военные, восстановив республику и вынудив его бежать из страны.

[35] полумеры

[36] «Поссибилисты» – «возможники», партия, добивающаяся только «возможных» реформ. (прим. пер.)

[37] Буланжизм - ультраправое реваншистское милитаристское антигерманское движение во Франции в конце 1880-х годов, появившееся в результате проигрыша и унижения Франции в франко-прусской войне.

[38] Курсив наш. (прим. пер.)

[39] Густав де Молинали – бельгийский экономист, фритрейдер, многими анархо-капиталистами считается основным предшественником анархо-капитализма.

[40] избалованный, изнеженный человек, белоручка, сын барина.

[41] человек, который придерживается консервативных, устаревших взглядов и принципов.

[42] Так как Жан Грав написал свой труд в 1893 году, он ещё не застал ни одного анархо-социалистического или анархо-коммунистического восстания, которое бы, хоть и на несколько дней, привело бы к переустройству общества. Ближайшее такое восстание произойдёт в Османской части Болгарии в 1903 г. и приведёт к образованию почти на месяц анархистской «коммуны Странджа». Далее будут многочисленные более массовые подобные восстания в Мексике (1911-1917 гг.), Украине (1917-1921 гг.), Маньчжурии (1929-1931 гг.) Испании (1936-1939) и т. п.

[43] Французский, конечно. (прим. пер.)